

Annotation

Признанный мастер сентиментального «женского» романа Барбара Картленд в «Заложнице» повествует о судьбе девушки, отданной замуж за нелюбимого человека, которому ее отец проигрался в карты.

- [Барбара Картленд](#)

-

Барбара Картленд

Заложница

– Я – ни за что, ни за что не выйду за него замуж!

Голос Эстер звенел от волнения, и огромные голубые глаза налились слезами. Ее светлые локоны отливали золотом в лучах утреннего солнца, заглядывавшего в окна столовой, а крупные слезинки на длинных темных ресницах сверкали радугой. Она была так хороша в этот миг, что отец, на секунду оторвавшись от письма, смотрел на нее, будто видел ее впервые.

– Папа, я не выйду за него замуж! – снова воскликнула Эстер. – Ты же знаешь, что я помолвлена с Колином и мы ждем лишь, когда ему исполнится двадцать один год и его мерзкий опекун позволит объявить о нашей помолвке. И вдруг теперь этот отвратительный тип осмеливается предложить...

У нее перехватило дыхание, она залилась слезами и начала судорожно искать платок.

– Люсинда, подай своей сестре платок, – резко сказала леди Белвиль, – а ты, Эстер, прекрати эту истерику!

Она обратила к мужу свое тонкое аристократическое лицо:

– Дорогой, что, собственно, произошло?

– А разве вы не слышали? – с ноткой вполне объяснимого раздражения в голосе спросил сэр Эдвард.

– Расскажите все с самого начала, мой милый, – произнесла леди Белвиль и, увидев, что у Люсинды тоже нет платка, нетерпеливо сказала ей: – На, возьми мой.

Она протянула дочери крохотный батистовый квадратик, отделанный кружевом. Люсинда подошла к сестре и принялась вытирать ее мокрые щеки. Эстер взяла у сестры платок и, пытаясь сдержать слезы, пробормотала дрожащими губами:

– Папа, ведь ты же не заставишь меня выйти за него замуж, правда?

Сэр Эдвард откашлялся и снова взглянул на письмо.

– Папа, дорогой, ну пожалуйста, – молила Эстер, – ты же знаешь, что я люблю другого!

Сэру Эдварду, который иногда мог подавить сопротивление одним своим авторитетом, обычно не удавалось устоять перед жалобными просьбами Эстер.

– Папочка, ну пожалуйста...

Сэр Эдвард принялся нервно расхаживать по комнате.

– Это очень серьезный вопрос, – наконец произнес он напыщенно.

– Перестаньте суетиться, Эдвард, – перебила его леди Белвиль. – Сядьте и объясните, наконец, в чем дело!

– Именно это я и пытаюсь сделать!

– Ничего подобного! – возразила его жена. – Я совершенно не понимаю, о чем идет речь!

– Очень хорошо, – сдержанно произнес сэр Эдвард.

Он уселся в кресло и, избегая умоляющего взгляда старшей дочери, обратился к жене:

– Моя дорогая Маргарет, я не хочу, чтобы вы думали, будто я был с вами не вполне откровенен. Я собирался рассказать вам, что произошло со мной в Лондоне на прошлой неделе, но, честно говоря, я был так расстроен и обеспокоен случившимся, что просто не мог найти слов.

– Эдвард, вы опять играли! – застонала леди Белвиль, нервно сжав руки.

– С тех пор, как я вернулся домой, я все время искал случая, чтобы сказать вам об этом, – произнес сэр Эдвард.

Леди Белвиль вздохнула.

– Я считала, что виной всему ваша печень, – ответила она, – вы всегда себя неважно чувствуете после этих поездок. Но, насколько я понимаю, случилось что-то более серьезное.

– Гораздо более серьезное, – ответил сэр Эдвард.

– Сколько?

Последнее слово леди Белвиль произнесла почти беззвучно, однако обе ее дочери замерли в страшном предчувствии, зная, насколько важен этот вопрос.

На минуту воцарилась напряженная тишина, и наконец сэр Эдвард вымолвил еле слышно:

– Тридцать пять тысяч фунтов.

– Эдвард!

У леди Белвиль перехватило дыхание. Прижав руку к сердцу, она спросила сдавленным голосом:

– Можете ли вы... можем ли мы... собрать такую сумму?

– Только если лишимся всего, – убито произнес сэр Эдвард. – Поэтому я и не решался сказать вам.

– О Эдвард, как вы могли! А как же девочки? Нужно готовиться к свадьбе Эстер, Люсинду уже пора вывозить в свет...

– Я знаю, знаю, – пробормотал сэр Эдвард, – я был глуп, я был не в себе, но этот Меридан задел меня за живое. Когда он принялся поддразнивать меня, обращаться со мной как с жалким провинциалом, я совершенно потерял голову и решил доказать, что я ему ровня!

– Меридан! – воскликнула леди Белвиль. – Ты имеешь в виду того самого графа Меридана?

Сэр Эдвард кивнул.

– А ваше письмо... это от него?

– Увы, дорогая, от него.

– Тогда... тогда я не понимаю... – сказала леди Белвиль, переводя недоумевающий взгляд с мужа на дочерей.

– Позвольте, я продолжу, – предложил сэр Эдвард.

– Да, конечно, – ответила леди Белвиль.

– Продолжай же, папа. И во что же вы играли? – заинтересовалась Люсинда.

Мать неодобрительно взглянула на нее, давая понять, что этот вопрос был совершенно неуместен. Решившись на чистосердечное признание, сэр Эдвард ответил:

– Фаро.

– О, папа, это, наверное, такая захватывающая игра – пусть даже ты и проиграл!

– Успокойся, Люсинда, и дай отцу продолжить, – оборвала ее леди Белвиль.

Люсинда снова села на стул, и в наступившей тишине было слышно, как сквозь слезы вздохнула Эстер, и вздох этот, казалось, шел из самой глубины ее души.

– Мы играли в клубе у Брукса, – поспешно сказал сэр Эдвард, заметив, что Эстер находится на грани отчаяния. – Когда я осознал, что игра окончена и я проиграл, у меня не было сил что-либо предпринять, настолько я был убит. До тех пор я даже не думал о последствиях. И лишь когда Меридан поднялся из-за стола, меня охватил ужас от мысли, что я не могу заплатить долг чести.

Не вытерпев, Люсинда вмешалась:

– Папа, ты, конечно, ему этого не сказал?

– Нет, естественно, – ответил сэр Эдвард. – Надеюсь, что я держался как джентльмен. И когда он сказал: «Послушайте, Белвиль, не хотите ли заглянуть в Олмак?» Мне было неудобно отказать ему.

– О, папа, я тебя так хорошо понимаю! – задумчиво сказала Люсинда. – Джо мне рассказывал, что, когда во время кулачного боя его

стукнули по голове, он был как в тумане и...

– Люсинда! – перебила ее леди Белвиль, – я уже устала говорить тебе, чтобы ты не обсуждала подобные вопросы с конюхами. В следующий раз...

Леди Белвиль вдруг замолчала и повернулась к мужу с растерянным видом.

– ...в следующий раз у нас уже может не быть конюхов, да, Эдвард?

Сэр Эдвард провел рукой по лбу, на котором, несмотря на утреннюю прохладу, выступили крупные капли пота.

– Позвольте мне продолжить, Маргарет, – сказал он. – Мы с Мериданом отправились от Брукса в Олмак. Это близко, и мы пошли пешком. Когда мы уже подходили к зданию, подъехал принц Уэльский. Увидев Меридана, он недовольно протянул: «Я ждал вас в Кларенс-хаусе». «Простите меня, сир, – ответил Меридан, – но я был лишен этой чести, потому что меня задержали довольно важные дела». Я услышал, как кто-то из окружения принца хихикнул: «Обдирали еще одного простака, милорд?» Вы можете представить, каково мне было это слушать!

– О, бедный папа, – воскликнула Люсинда. – Услышать это, да еще после такого проигрыша! Это был удар ниже пояса.

Леди Белвиль сердито посмотрела на младшую дочь. Но Люсинда, опершись локтями на стол и подперев голову ладонями, восторженно глядела на отца.

– Продолжайте, Эдвард, – сухо произнесла леди Белвиль.

– Ну вот, мы все пошли в Олмак, – сказал он.

– Олмак? Это что, клуб? – поинтересовалась Люсинда.

– Нет, это собрание, – поправил ее сэр Эдвард, – и одно из наиболее престижных. Во главе его стоит Дамский учредительный комитет, который решает, кто достоин, а кто не достоин быть допущенным в святая святых.

– Люсинда, не приставай к отцу со своими неуместными вопросами, – сказала леди Белвиль. – Умоляю, продолжайте, Эдвард, только без лишних подробностей.

– К сожалению, они вовсе не излишни, – ответил сэр Эдвард с несчастным видом. – Ну так вот. Естественно, принц и его приближенные прошли вперед, а мы с Мериданом последовали за ними. В вестибюле к Меридану подошел распорядитель и сказал: «Если ваша светлость соблаговолит подождать немного, графиня Джерси желала бы поговорить с вами». Меридан удивленно приподнял брови, однако ему пришлось подождать, пока распорядитель разыскивал графиню.

– О чем вы с ним говорили? – спросила Люсинда.

– Да вроде ни о чем. По правде говоря, я даже не помню. Ожидание

явно испортило Меридану настроение. Он небрежно облокотился на мраморный столик и, вынув из кармана усыпанную бриллиантами табакерку, принялся мерно постукивать по ней. Если бы я не был так озабочен своими проблемами, я бы подумал, что он чем-то встревожен.

– Встревожен? – как эхо повторила леди Белвиль. – Но почему, Эдвард?

– Все вскоре стало ясно, – ответил он. – Через несколько минут появилась леди Джерси, вся сверкая бриллиантами и с эгретом в волосах, который, наверное, стоит целое состояние. Она чертовски красива, неудивительно, что принц...

– Эдвард! – резко оборвала его леди Белвиль, взглядом показав ему на другой конец стола. – Пожалуйста, не при девочках!

– Простите, дорогая, – пробормотал он.

Сэр Эдвард глубоко вздохнул и продолжил. Его волнение еще не улеглось, и рассказ получился настолько живой, что его жена и дочери, боясь пропустить какую-либо мелочь, смотрели на него как зачарованные.

Он стал рассказывать, как леди Джерси, глядя на Меридана своими огромными темными глазами, обратилась к нему, и звук ее голоса эхом разнесся по всему вестибюлю:

– Я удивляюсь, лорд Меридан, как у вас хватило наглости прийти сюда!

Лорд Меридан приподнял брови, на его лице появилась усмешка, подобная той, какой он поддразнивал меня в клубе.

– Я чем-то обидел вашу светлость? – поинтересовался он.

– Это слишком мягко сказано, лорд Меридан, – ответила леди Джерси. – Ваше поведение было возмутительным, и, если бы не личное вмешательство его высочества, Комитет Олмака немедленно исключил бы вас из своих членов и вы бы уже никогда не переступили порог этого клуба.

– Но послушайте, – ответил лорд Меридан, – мое преступление не настолько велико, чтобы заслуживать столь суровое наказание. Я держал пари, а вашей светлости прекрасно известно, что от пари отказаться невозможно.

– Если пари нарушает все приличия, – холодно заметила леди Джерси, – оно не может быть предметом развлечения.

– Делайте со мной, что хотите, – воскликнул Меридан, – но вы уж слишком сгущаете краски. Я поспорил на тысячу гиней, что приведу в собрание особу, которая безо всяких рекомендаций будет с одобрением принята вашей светлостью...

– При чем тут рекомендации?! – резко оборвала его леди Джерси. – Вы

представили эту актрисочку как принцессу Лихтенштейнскую, которая гостит у нас в стране. Вы зашли еще дальше, убеждая всех нас, что она остановилась в вашем доме в качестве гостя.

Лицо Меридана расплылось в улыбке.

– Но она действительно остановилась у меня, – сказал он мягко.

Леди Джерси топнула ножкой.

– Вы неисправимы! – воскликнула она. – Но на этот раз вы переполнили чашу нашего терпения. Как я вам уже сообщила, первым нашим решением было навсегда исключить вас.

– Вы не можете быть так жестоки! – запротестовал Меридан. – Подумайте, какая тут будет скука без меня, и о ком вы будете злословить все триста шестьдесят пять дней в году!

На секунду воцарилась тишина, и Меридан совсем уже другим голосом произнес:

– Вы же знаете, что будете скучать без меня.

На мгновение показалось, что леди Джерси смягчилась. Затем, тщетно пытаясь заставить свой голос звучать твердо, она сказала:

– Мы приняли решение. Олмак закрыт для вас, милорд, до тех пор, пока вы не представите даму, которую мы сможем принять, – вашу жену.

– Мою жену? Бог мой! Но у меня ее нет! – воскликнул Меридан.

– Именно так, – сказала леди Джерси. – И до тех пор, пока она у вас не появится, все попытки вашей светлости проникнуть в Олмак будут напрасны.

– Проклятие! Вы это серьезно? – попытался было уговаривать Меридан.

– Уверяю вас, что я еще никогда не была столь серьезна, – ответила леди Джерси. – Это решение Комитета. В данном случае мы были единодушны.

– Это нелепо, – промолвил Меридан. – Вам известно, что я всегда сопровождаю принца, а ему нравится заезжать сюда два-три раза в неделю.

– Принц согласился с нами, что вам надо преподать урок, – заявила леди Джерси.

Лицо Меридана потемнело.

– Это ваших рук дело, – сказал он.

Леди Джерси покачала головой.

– Отнюдь. Будь моя воля, я бы исключила вас навсегда.

– Но Боже милостивый! Где мне взять жену? – спросил Меридан. – У меня нет знакомых девушек. Вам хорошо известно, что я их не выношу.

– Тогда вам придется начать знакомиться с ними, – холодно заметила

леди Джерси.

Сэр Эдвард сделал драматическую паузу. Он достал платок и высморкался.

Женщины за столом даже не шевельнулись. Затаив дыхание, они ждали продолжения.

– Леди Джерси собралась было уходить, – продолжал сэр Эдвард, – но вдруг увидела меня. Я стоял, разинув рот, и, наверное, вид у меня был довольно глупый.

– А, сэр Эдвард! – воскликнула она. – Рада вас видеть! Надеюсь, вы проводите меня в бальный зал.

Но внезапно, будто у нее возникла какая-то идея, повернулась к Меридану.

– У сэра Эдварда есть очаровательная дочь, милорд, – сказала леди Джерси. – Когда она начала выезжать в прошлом году, то произвела очень хорошее впечатление. Может быть, сэр Эдвард представит вас. Почему бы и нет? Я думаю, это будет подходящая для вас партия.

Кончиками пальцев она коснулась моей руки, и мне ничего не оставалось, как направиться в бальный зал, оставив Меридана одного.

– А что же сделал он? – поинтересовалась Люсинда.

– Даже не представляю, – ответил сэр Эдвард. – Но когда через минуту я проходил по вестибюлю, его там уже не было.

– И вы больше его не видели? – спросила леди Белвиль.

– Нет. И не имею желаний, – ответил сэр Эдвард.

– Но... но... долг?

– У меня было больше недели на поиски денег, – сказал сэр Эдвард. – Когда после игры Меридан подсчитал мой проигрыш, он спросил: «Традиционная неделя устроит вас, Белвиль?» Я ответил: «Надеюсь, милорд». Он пристально посмотрел на меня, будто бы понимая мое положение, и сказал: «Ну ладно, тогда две недели».

– Так мало! – воскликнула Люсинда. – Он мог бы дать тебе больше времени.

– Это все равно ничего не решило бы, – ответил ей сэр Эдвард. – Известно, что он всегда твердо придерживается условностей и не склонен проявлять сострадание.

– Это тот самый граф Меридан, о котором ходит столько сплетен? – спросила леди Белвиль.

– Ну конечно, вы наверняка слышали о нем, – ответил сэр Эдвард. – Он близкий друг принца Уэльского, а кроме того...

Он замолчал, пытаясь подобрать слова.

– Я имела в виду, это про него говорили, что у него был роман с...

Леди Белвиль понизила голос, чтобы девочки не услышали имени. Сэр Эдвард кивнул.

– О Боже, – воскликнула она. – Это чудовищно! Я не потерплю его в моем доме! Я потрясена всем этим до глубины души!

– Да, это был большой скандал, – устало сказал сэр Эдвард. – Но Меридан принят в высших кругах, а кроме того, он один из богатейших людей Англии.

– Если он так богат, зачем ему твои деньги? – спросила Люсинда.

Улыбнувшись, она сама ответила на свой вопрос:

– Какая же я глупая, карточный долг – это долг чести, и его надо заплатить прежде, чем отдать долг бедным лавочникам, которые ждут годами.

– Он ужасен... Я ни за что не выйду за него! – Эстер готова была расплакаться.

Они все посмотрели на нее, с трудом понимая, о чем она говорит. Сэр Эдвард схватил письмо, лежавшее перед ним.

– Я все пытался рассказать вам, дорогая, – сказал он жене, – собирался с силами сообщить о проигрыше, как вдруг пришло это письмо.

– Ах да, конечно... письмо, – сказала леди Белвиль. – Когда оно пришло?

– Его привез верховой, – опять не стерпела Люсинда. – Он скакал из Лондона менее четырех часов! Я сказала ему, что это почти рекорд.

– Люсинда, сколько раз повторять тебе, чтобы ты не разговаривала с чужими слугами! – возмутилась леди Белвиль.

– Когда я увидела, что этот человек подходит к парадному подъезду, Дурхема уже не было, он ушел на конюшню, и, кроме меня, некому было открыть входную дверь. Как он был одет! В темно-вишневую ливрею с золотыми пуговицами и белые бриджи! А видели бы вы его сапоги! Наверное, он чистит их шампанским, как теперь делают все щеголи!

– Люсинда, да замолчишь ли ты, наконец! – возмутилась леди Белвиль.

Она положила руку мужу на плечо.

– Эдвард, дорогой, читайте же! Мы должны знать самое худшее.

Эстер опять всхлипнула, но отец, не обращая на нее внимания, принялся вслух читать письмо.

«МЕРИДАН-ХАУС», Беркли-сквер, Лондон. Четверг, апреля 3, 1803.

Милорд!

Я имею честь просить руки Вашей дочери. Полагаю, что разногласия, возникшие между нами после нашей последней встречи, будут решены достойным образом к обоюдному удовольствию. Мои поверенные встретятся с Вашими для подготовки брачного контракта. Я не имею возможности уехать из Лондона в данный момент, чтобы обсудить этот вопрос лично, но считаю нужным поставить Вас в известность, что для меня было бы наиболее удобным, если бы свадьба была назначена на конец апреля, желательно после Ньюмаркетских скачек. Имею честь, сэр, оставаться Вашим самым преданным слугой.
Меридан.

Сэр Эдвард закончил, и на мгновение все застыли с выражением крайнего недоумения и изумления на лицах. Затем Эстер, слабо застонав, соскользнула на пол.

– Бог мой! – воскликнул сэр Эдвард, вскакивая на ноги.

– Ничего страшного, – сказала леди Белвиль, – она всего лишь упала в обморок. Люсинда, принеси воды.

– Она уже приходит в себя, мама, – ответила Люсинда, склонившись над сестрой.

Она помогла Эстер снова сесть в кресло и стала нежно гладить ее маленькую белую ручку.

– Все будет хорошо, родная, – ласково приговаривала она, – папа не заставит тебя выйти замуж за этого человека. Это было бы таким несчастьем для тебя!

– Я выйду замуж только за Колина, – прошептала Эстер дрожащими губами, и глаза ее вновь наполнились слезами.

– Ну конечно, дорогая, – ответила Люсинда.

– Но черт подери, вы понимаете, что это означает? – вскричал сэр Эдвард. – Это означает, что мы вынуждены будем продать дом, имение, все, чем мы владеем, включая даже лошадей. Нам придется жить в одном из маленьких коттеджей у реки, если мы будем в состоянии позволить себе хотя бы это. Послушай, Эстер, ты сможешь иметь все, что только пожелаешь, – дом в Лондоне, старинный родовой замок в Суссексе. Ты будешь принята в высшем свете, сам принц будет ухаживать за тобой...

Увидев лицо Эстер, сэр Эдвард неожиданно остановился. Он никогда

не делал секрета из того, что Эстер была его любимицей, и теперь выражение смертельной муки в ее глазах переполнило чашу его страданий. Он чувствовал себя так, будто ударил это нежное и беззащитное создание.

Выругавшись про себя, он скомкал письмо и швырнул его на пол.

– Будь проклят этот Меридан! – воскликнул он. – Пусть убирается в преисподнюю!

– Я выйду за него замуж, папа.

В первое мгновение сэр Эдвард даже не понял, кто это сказал. И он, и его жена изумленно уставились на Люсинду.

– Что ты сказала? – спросил сэр Эдвард.

– Я сказала, что выйду за него замуж, – ответила Люсинда. Она стояла рядом с Эстер и смотрела на них твердо и решительно, упрямо выставив вперед подбородок.

– Но это невозможно! – воскликнула леди Белвиль.

– Почему, мама? – спокойно спросила Люсинда. – Месяц назад мне исполнилось семнадцать лет. Вы сказали, что в этом году меня пора начать вывозить в свет и собирались обсудить это с папой. Просто последнее время вы были так обеспокоены денежными проблемами, что, вероятно, забыли.

– Семнадцать? Господи, я даже представить не мог, что тебе уже семнадцать лет! – изумился сэр Эдвард.

– У него было так много расходов, – извиняющимся голосом начала леди Белвиль. – Да к тому же...

Она неожиданно остановилась, и Люсинда договорила за нее то, что мать не решалась произнести вслух.

– ...и к тому же я, в отличие от Эстер, далеко не красавица, поэтому не имело значения, буду ли я представлена ко двору в этом году или нет.

Она произнесла это без тени обиды или ревности.

– И конечно же, нам нужны все имеющиеся деньги, чтобы подготовить приданое для Эстер, когда она будет выходить замуж за Колина, – с улыбкой добавила Люсинда.

– Я выйду замуж за Колина, правда, Люсинда? Ты всегда обещала мне, что все будет в порядке. Ты же видела на картах, помнишь? – взволнованно твердила Эстер, схватив сестру за руку.

– Ну конечно, конечно. Все будет в порядке, – снова принялась уговаривать ее Люсинда.

– Сколько раз говорить тебе, чтобы не гадала на картах, – сердито сказала леди Белвиль. – Весь этот вздор, которому ты научилась у цыган! Я не позволю морочить Эстер голову этими глупыми предрассудками.

– Так ведь Люсинда действительно обладает даром предвидения... – запротестовала было Эстер, но Люсинда предостерегающе сжала ее руку.

Сэр Эдвард встал, поднял с пола смятое письмо, расправил его и задумчиво произнес:

– Лорд Меридан пишет: «... руки Вашей дочери...»

– Вот видишь! – торжествующе воскликнула Люсинда. – Он не говорит, какой именно дочери, он пишет просто «Вашей дочери».

– Но леди Джерси... – начал было сэр Эдвард.

– Леди Джерси не могла знать, что Эстер уже помолвлена и что единственная дочь, чья рука еще свободна, – это я, – сказала Люсинда.

– Но это же обман! – запротестовала леди Белвиль.

– Ни в коей мере, – ответила Люсинда. – Он просит у папы руки его дочери, и одна из дочерей готова выйти за него замуж. На что же ему жаловаться, особенно если учесть, что у него не нашлось даже времени приехать сюда и сделать предложение лично.

– Я согласен, что это довольно оскорбительно, – сказал сэр Эдвард. – Он считает само собой разумеющимся, что мы ему не откажем.

– Полагаю, что он в курсе наших денежных затруднений, – практически заметила Люсинда.

– Как бы там ни было, это невыносимо, – сказала леди Белвиль. – Он откровенно рассматривает женитьбу как торговую сделку. Если хотите знать мое мнение, этот человек не джентльмен!

– Хоть он мне и не нравится, боюсь, что не смогу согласиться с вами, – со вздохом произнес сэр Эдвард. – Его происхождение и воспитание безупречны. И несмотря на то, что с его именем связано много скандальных историй, он впервые по-настоящему навлек на себя недовольство высшего света.

– Как бы я хотела высказать ему все, что я о нем думаю! – воскликнула леди Белвиль.

– Вполне разделяю ваше желание, – ответил сэр Эдвард, – но можем ли мы позволить себе это?

– Но это полный абсурд! – заявила леди Белвиль. – Люсинда слишком молода – как она сможет ужиться с таким человеком? Она сбежит от него через день после свадьбы.

– Неужели вы считаете, что Эстер справится с ним лучше? – с улыбкой спросила Люсинда.

Леди Белвиль взглянула на очаровательное личико старшей дочери и вздохнула. Всем было хорошо известно, что как ни была красива Эстер, особым умом она не отличалась. Она была мила, нежна и добра. Все

любили ее, как любят очаровательного ребенка, чья обаятельная непосредственность не может не привлекать к себе сердца.

– Я напишу Меридану и скажу, что нужно подождать по крайней мере год, – решительно сказал сэр Эдвард.

Люсинда рассмеялась.

– Но послушай, папа, разве ты не понимаешь, что он хочет жениться только для того, чтобы получить доступ в Олмак? Ему нравится ездить туда с принцем. Представь себе, каково ему будет, если каждый раз, когда принц надумает провести вечер в Олмаке, лорду Меридану придется дожидаться его, сидя у порога! Жена – это его пропуск в собрание, и он намерен эту жену приобрести. Если мы не примем его предложения, он найдет кого-нибудь другого!

– Вот и хорошо, – сказала леди Белвиль.

– Что хорошего, если папе придется искать тридцать пять тысяч фунтов? – спросила Люсинда.

Леди Белвиль вздрогнула.

– О Эдвард, Эдвард, как вы могли! – простонала она.

– Я знаю, знаю, родная, я же говорил, что на меня нашло затмение. Но, по крайней мере, то, что предлагает Люсинда, кажется мне выходом.

Леди Белвиль вновь с сомнением посмотрела на младшую дочь. Если Меридан рассчитывает получить в жены красавицу вроде Эстер, он будет разочарован.

Трудно представить, чтобы две сестры были так несхожи между собой. Эстер, с ее золотыми локонами, голубыми глазами и бело-розовой кожей, была воплощением чисто английской красоты. В отличие от нее Люсинда была темноволосой, темноглазой и совершенно невыразительной. Белая кружевная косынка, небрежно наброшенная на плечи, подчеркивала нездоровый желтоватый цвет ее лица. На фоне старенького розового платья, когда-то принадлежавшего Эстер, ее руки были неприлично загорелыми. Леди Белвиль подумала, что если вместо Эстер Меридан получит Люсинду, то так ему и надо, но тут же устыдилась этой мысли. В конце концов, Люсинда тоже была ее дочерью.

– Я думаю, – сказал сэр Эдвард, – что мы должны объяснить лорду Меридану, что Эстер уже помолвлена, и если он захочет...

– Да полно, папа! – вмешалась Люсинда. – Неужели после того, как он обращался с тобой подобным образом, ты обязан давать ему какие-то объяснения? Он выиграл твои деньги, будем полагать, честно, но ты же сам говорил, что он тебя поддразнивал и вынудил рисковать гораздо большим, чем ты мог себе позволить. И, наконец, он просто-напросто оскорбил тебя,

прислав не что иное, как ультиматум.

Она остановилась и, удостоверившись, что отец внимательно слушает, продолжила:

– Могу поспорить, что лорд Меридан отлично знает, как тяжело тебе будет достать деньги, если ты вообще сможешь это сделать. А поскольку он согласен жениться на первой же девушке, о которой он слышал, он готов пойти на уступки. Не думаю, что он был бы к тебе снисходительным, не будь у тебя дочери, ради которой можно было бы пойти на сделку.

– Да, это правда, – пробормотал сэр Эдвард, – нельзя ведь отрицать, что Меридан очень тяжелый и жесткий человек.

– А теперь сядь, – сказала Люсинда, – и напиши, что ты будешь счастлив видеть его своим зятем.

– Черт побери, даже не подумаю написать это! – воскликнул сэр Эдвард.

– Ну хорошо, напиши так, как ты считаешь нужным, – сказала Люсинда. – Но дай ему ясно понять, что в этом случае погашаются твои долги и что брачный контракт должен быть составлен с наибольшей для нас выгодой.

– Ты хочешь сказать, что собираешься принять это предложение? – спросил сэр Эдвард.

– Конечно, – ответила Люсинда. – Сообщи ему, что свадьба состоится здесь и все будет подготовлено к 28 апреля. Поскольку ожидается много родственников, а наш дом слишком мал, напиши ему, что мы будем ждать его не ранее начала церемонии.

– Он на это не пойдет! – сказал сэр Эдвард.

– Готова поспорить, что он согласится! – запротестовала Люсинда.

– Люсинда! – воскликнула леди Белвиль.

– Извини, мама, – сказала Люсинда с улыбкой, – но я, как и папа, игрок.

Леди Белвиль прикрыла глаза, как бы пытаясь отгородиться от всего происходящего.

– Неужели ты думаешь, что тебя примут в свете, если ты будешь вести себя подобным образом? – еле слышно произнесла она.

– Смею заверить, что, когда стану графиней Меридан, – ответила Люсинда, – все будут терпеть мои эксцентричные выходки.

Сэр Эдвард замер от удивления, а потом расхохотался.

– Вот те на! Уж если кто и сможет справиться с Мериданом, так это только ты, Люсинда! Ты всегда была маленьким чертенком.

– Мне кажется, у нас остается мало времени до свадьбы, – сказала

леди Белвиль, смирившись с неизбежным, – и Люсинде следует поучиться вести себя, как подобает светской даме. Все эти годы я пыталась сделать из нее что-нибудь путное, но мне так и не удалось.

– Чепуха! – возразила Люсинда. – Ты, мама, была слишком поглощена поисками хорошего мужа для Эстер, чтобы обращать внимание на меня. Теперь Эстер выйдет замуж за провинциального помещика, а я окажусь среди знати в Сент-Джеймском дворце.

– Все это ужасно! – со стоном произнесла леди Белвиль. – Эта сделка мне отвратительна. Я никогда не пошла бы на такое, если бы не ваши долги, Эдвард!

– Я полностью с вами согласен, родная. Я во всем виноват. – У сэра Эдварда был несчастный вид. – Но кто знает, все еще может обернуться к лучшему.

– Подумай, папа. Ты, может быть, никогда не нашел бы мне мужа, – сказала Люсинда. – Тебе следует написать письмо как можно скорее, пока лорд Меридан не передумал.

Сэр Эдвард внимательно посмотрел на нее.

– Ты ведь знаешь, что верховой еще ждет, – добавила Люсинда.

– Боже мой! Неужели этот человек не даст нам хоть немного времени все обдумать? – спросила леди Белвиль.

– А зачем? – удивилась Люсинда. – В конце концов, он совершенно уверен, что мы примем предложение.

Люсинда медленно шла по саду к конюшням. Был теплый апрельский день, и солнце сверкало и отражалось от поверхности маленького пруда, заросшего водяными лилиями. Когда Люсинда была маленькой, она часто пыталась поймать одну из золотых рыбок, плававших и игравших между большими зелеными листьями. Теперь рыбок в пруду уже не было, и она впервые заметила, что пруд зарос по краям сорняками и мхом и весь сад казался неухоженным и заброшенным. Она окинула взглядом яблони, которые давно никто не подрезал, теплицы с разбитыми стеклами, тропинки, заросшие чертополохом, и подумала, что бедный Джарвис, главный садовник, был уже слишком стар и у него никогда не было достаточно помощников, чтобы содержать это место в надлежащем порядке.

Все время одна и та же проблема, подумала Люсинда, – деньги, а вернее, их отсутствие.

Сколько раз она слышала, как отец возмущался:

– Кровопийцы! Они только и думают, как выжать из меня деньги, – и черт меня побери, если они их получают!

– Но, дорогой, многие из них были очень терпеливы, – нежно пыталась урезонить его жена, с первого взгляда узнавая на счетах имена постоянных кредиторов.

– Нельзя выжать кровь из камня! – кричал сэр Эдвард, хватал счета, комкал их и бросал в камин.

Эти долги вовсе не были следствием расточительности. Люсинда знала, что в целом ее отец был очень осторожен и расходовал деньги крайне экономно, лишь изредка поддаваясь искушению сесть за карточный стол. Вся беда заключалась в том, что он просто был не в состоянии содержать огромную усадьбу, в которой жили еще ее деды и прадеды.

Тем не менее сэр Эдвард никак не мог представить себе жизнь без привычного количества слуг – дворецкого и двух лакеев, начищавших фамильное серебро и прислуживавших за столом гостям из числа местных дворян, которые без конца навещали к ним, уверенные, что их ждет теплый прием, превосходная кухня и отличное вино.

Леди Белвиль в свою очередь уверяла, что на кухне никак нельзя обойтись без кухарки, двух помощниц и судомойки, а содержание такого большого дома требовало наличия не менее трех горничных.

Они также держали дорогих породистых лошадей – не только для экипажей и фаэтона, которым сэр Эдвард так лихо управлял, но также для охоты, верховых прогулок и даже для участия в местных скачках.

Естественно, что при таком образе жизни денег все время катастрофически не хватало, причем, как заметила Люсинда, экономить приходилось за счет содержания сада, починки крыши, ремонта комнат для прислуги, а также за счет ее самой. Она пыталась вспомнить, когда ей в последний раз шили новое платье, а не перешивали одно из старых платьев Эстер. Люсинда поморщилась, вспомнив, – как костлявые пальцы деревенских портних затягивали на ней корсаж, подкорачивали юбку и пытались придать нарядный вид старенькой кружевной косынке, давно утратившей свежесть.

Она не очень интересовалась нарядами, тем не менее, по мере того как она выросла, ей становилось понятно, почему окружающие бросали на нее удивленные взгляды, узнав, что она – сестра Эстер. Никто открыто не говорил, что она слишком проста и непривлекательна и что кажется невероятным ее родство с золотоволосой красавицей. Однако она часто ловила критические взгляды, направленные на нее, и слышала, как люди изумленно и недоверчиво восклицали: «Это сестра Эстер?!»

Смешно было бы верить, будто ее не задевало такое отношение. Она старалась не думать об этом, что временами было очень трудно. Она не

испытывала чувства ревности по отношению к Эстер, она искренне любила сестру. Тем не менее в глубине души она считала Эстер ужасной занудой. У них было так мало общего, и если бы не Нат, Люсинда чувствовала бы себя невыносимо одинокой. Именно к Нату она сейчас и направлялась, как делала это всякий раз, когда ей хотелось поговорить с кем-нибудь по душам.

Сад заканчивался высокой кирпичной стеной времен Елизаветы. Люсинда открыла ржавую железную калитку и увидела перед собой конюшни. Несмотря на то, что постройки были старыми и обветшалыми, содержащиеся в них лошади имели лоснящийся, ухоженный вид.

Люсинда заглянула в дверь и увидела Джо, который чистил уздечки, украшенные их фамильным серебряным гербом. Он тихонько что-то насвистывал сквозь зубы. Его огромные руки двигались спокойно и уверенно, а шерстяная безрукавка, надетая прямо на голое тело, обнажала сильные мускулистые плечи. Глядя на его мощное, крепкое тело, было понятно, почему местные сквайры ставили на него немало денег всякий раз, когда он принимал участие в кулачных боях.

– Доброе утро, мисс Люсинда, – улыбнулся Джо. У него не хватало двух верхних передних зубов, а нижняя губа была совсем разбита.

– Где Нат? – спросила Люсинда.

– Я думаю, он чистит Чайку, – ответил Джо.

Люсинда кивнула, как будто она и не рассчитывала найти его в каком-либо другом месте. Чайка была любимицей Ната, и он свято верил, что она выиграет скачки и эта победа поможет заполнить пустующие места в конюшнях новыми обитателями. Люсинда отправилась дальше и наконец обнаружила Ната, который действительно был занят тем, что начищал Чайку до тех пор, пока ее шерсть не начала ослепительно сверкать на солнце.

Нат был маленьким, сморщенным человечком лет шестидесяти.

– Доброе утро, мисс Люсинда! – Нат почтительно поклонился и снова, взял в руки щетку.

Кобыла слегка взбрыкнула, желая проявить характер, и Нат забормотал: «Ну, ну, моя хорошая...»

– Она прекрасно выглядит, – сказала Люсинда.

– Хо-хо! Если она не выиграет скачки в следующем месяце, то будет, по крайней мере, самой красивой кобылой в этих соревнованиях!

У Люсинды мелькнула мысль о том, как было бы ужасно, если бы пришлось объявить Нату, что он уволен, а Чайка будет продана. Смог ли бы он это перенести? – подумала она и решила, что ни за какие сокровища в

мире не отважилась бы взглянуть ему в глаза, если бы произошло самое худшее.

– Нат, я хочу кое-что показать тебе, – застенчиво сказала она и протянула ему руку, которую до этого держала за спиной.

Сколько леди Белвиль ни запрещала ей, Люсинда все равно ездил верхом без перчаток, и ее руки были покрыты шоколадным загаром.

Это были тонкие, прекрасной формы аристократические руки, но трудно было заметить эту красоту в их теперешнем состоянии.

Нат издал слабое восклицание, а его лицо выразило изумление. Его пронизательный птичий взгляд был прикован к огромному кольцу, надетому на средний палец ее руки. Огромный бриллиант, окруженный более мелкими камнями, сверкал и переливался, освещая темноту конюшни.

– Его доставили вчера, – сказала Люсинда, – а вместе с ним прислали еще ожерелье, браслет и серьги, – наверное, семейные драгоценности. Мама говорит, что мне еще рано носить серьги.

– Это, верно, стоит кучу денег, – сказал Нат, не отрывая взгляда от кольца. – На него можно было бы купить отличную лошадь.

Люсинда рассмеялась.

– Наверяд ли я смогла бы носить лошадь на пальце, – сказала она. – Это обручальное кольцо, Нат. Я говорила тебе, что выхожу замуж за графа Меридана? Вчера «Лондон Газетт» напечатала объявление о помолвке.

– В самом деле? – кисло спросил Нат. – Надеюсь, вы будете счастливы, мисс Люсинда. Нам будет вас не хватать.

– Мне тоже будет тебя не хватать, Нат, – ответила Люсинда.

Она прошла за ним в подсобку, где хранились седла, присела на краешек скамейки и принялась наблюдать, как он методично убирает щетки, которыми чистил Чайку.

– И когда же мы увидим этого джентльмена? – спросил Нат.

Его голос прозвучал резко, и Люсинда почувствовала, что он неспокоен.

– Ты уже видел его, – мягко сказала она.

– Да ну? – изумленно воскликнул Нат, повернувшись к ней. – Что-то я не припомню, чтобы он гостил у вашего отца.

– Нет, он никогда не бывал у нас, – ответила Люсинда. – Думаю, что он посчитал бы нас недостаточно важными персонами, если на то пошло. Ты лучше вспомни, как ты брал меня на кулачные бои в Колни-Хет, – помнишь, года полтора тому назад?

– Еще бы мне не помнить! – сказал Нат. – Вы изводили меня, пока я не

согласился взять вас с собой, хотя и был против. Нам еще повезло, что миледи не было дома и никто из знакомых не видел нас там.

– Я же говорила тебе, что она не узнает, – сказала Люсинда. – Я никогда не видела, чтобы кто-нибудь переживал так, как ты.

– А как мне было не переживать? – проговорил Нат. – Я не должен был брать вас собой, и вы знаете это не хуже меня.

– Ну, главное, что мы туда попали, – ответила Люсинда. – И я бы ни за что на свете не хотела пропустить эту поездку!

– Да, в тот раз там были отменные бойцы, – удовлетворенно отметил Нат. – Не всегда удастся подобрать двух таких равных по силе боксеров. Они провели пятнадцать раундов подряд без единого нокаута.

– Да, это было здорово, – согласилась Люсинда. – Но я хочу, чтобы ты вспомнил, как мы с нашей старой тележкой встали на пути роскошного черно-желтого экипажа и как джентльмен, сидящий в экипаже, обругал нас.

– Ну, еще бы, я отлично это помню, – сказал Нат. – Он мастерски ругался... Я люблю, когда мужчина умеет крепко выразиться. Хотя он не должен был этого делать в присутствии леди.

– Ему и в голову не пришло, что я леди, – ответила Люсинда. – Помнишь, он кричал: «Эй, ты, убирайся к чертям со своим ребенком!»

– Точно, он именно так и сказал, – ответил Нат. – Вспыльчивый мальй, судя по всему. Правда, я не столько обращал внимание на него, как на его лошадей – лучшей пары гнедых я никогда не видел.

– А я обратила внимание на него, – сказала Люсинда. – У него был устрашающий вид, и тем не менее в нем было что-то приковывающее внимание – манера держаться, одежда, даже то, как он правил лошадьми.

– Да, надо сказать, он умел с ними обращаться, – нехотя признал Нат.

– Он занял наше место, – продолжала Люсинда. – Хотя на новом месте нам тоже было все видно, но совсем не так хорошо, как там, откуда он нас прогнал.

– Эти господа считают, что им все дозволено, – сказал Нат. – Если бы вас не было со мной, я бы сказал ему, что я о нем думаю. Мы имели полное право стоять там, где нам хочется.

– Нам ничего не оставалось делать, как уступить, – сказала Люсинда. – Так вот, Нат... этот джентльмен и был граф Меридан.

– Тот самый, за которого вы выходите замуж? – изумленно воскликнул Нат.

Люсинда кивнула.

– Черт меня подери! – снова воскликнул Нат и закашлялся, смутившись, что выругался при ней.

– Я часто думала, Нат, – продолжала Люсинда, – какой тогда был замечательный и интересный день.

– Нам вообще не следовало туда ездить, – сердито сказал Нат.

Они замолчали, и Нат отвернулся и стал вытаскивать седло, которое он собирался чинить.

Люсинда молча наблюдала за ним, чувствуя, что он обдумывает новости, которые она ему сообщила. Она очень хотела бы узнать, какие мысли прячутся за непроницаемым взглядом выцветших голубых глаз, которые, казалось, видят и замечают больше, чем дано другим людям.

Она вдохнула запах кожи, сена и лошадей, зная, что он навсегда будет неразрывно связан с ее воспоминаниями о детстве. Ведь именно в эту заставленную седлами комнатушку она прибегала всякий раз со своими печалью, проблемами и неприятностями. Она приходила сюда, когда мать сердилась на нее, что случалось нередко. Она приходила сюда, когда ее наказывали за что-нибудь или когда величественный и самодовольный вид Эстер приводил ее в отчаяние. Она приходила сюда и тогда, когда была счастлива или когда хотела о чем-нибудь спросить, потому что ей казалось, будто Нат, обладавший здравым смыслом и житейской мудростью простого человека, знал о жизни гораздо больше, чем ее мать, отец или гувернантки.

– Нат, – медленно произнесла она, – ответь мне на один вопрос. Когда тебе приходилось драться с более сильным соперником, тебе было страшно?

– Я всегда дрался с более сильными соперниками, – ответил Нат, – и несмотря на мой маленький вес, я почти всегда выигрывал. Главное, мисс Люсинда, это тактика – тактика и расчет. Хотя соперники были крупнее меня, они не учитывали, что я могу быстрее двигаться. Я наносил молниеносный удар и отскакивал прежде, чем они могли ответить мне.

– А почему тебя зовут Нат? – спросила Люсинда. – Это такое прозвище?

Нат отрицательно покачал головой.

– Нет, – ответил Нат. – При крещении мне дали имя Натаниэль – язык можно сломать! Когда я мальчиком поступил сюда, на конюшню, все стали звать меня Натом – Натом я и остался.

– Ты не ответил на мой вопрос, – сказала Люсинда, облокотившись на стол и подперев подбородок рукой. При этом движении бриллиант на ее пальце сверкнул холодным, недобрим блеском.

– О том, было ли страшно? – спросил Нат. – Видите ли, мисс Люсинда, каждый человек испытывает страх, выходя на ринг перед боем, – было бы ложью отрицать это. Хотя все равно он будет отрицать, потому что никто не

любит признаваться в своих слабостях. Но этот страх смешан с каким-то другим чувством, возбуждением, что ли, когда замирает сердце и перехватывает дыхание. Ты волнуешься, но в глубине души уверен, что если тебе хоть чуть-чуть улыбнется удача, ты выиграешь.

– Ты уверен в этом? – спросила Люсинда.

– Совершенно уверен, – ответил Нат. – Нужно лишь быть настоящим бойцом.

Он поднял глаза и встретил ее встревоженный, молящий взгляд.

– А что значит быть настоящим бойцом? – спросила Люсинда.

– Это значит не терять силы духа, – ответил Нат. – Вы можете научить парня драться, вы можете как следует натренировать его, вы можете выставить его на ринге против гораздо более слабого соперника, но он все равно проиграет, если у него не хватит силы духа. Сила духа и мужество – это самое главное. Мужество, состоящее из оптимизма, веры и, быть может, немножко из суеверия.

Люсинда вздохнула.

– У тебя всегда было достаточно мужества, Нат.

– О да! – ответил Нат просто. – Я всегда держал хвост трубой и верил, что буду победителем. И действительно, редко кому удавалось меня побить.

– И у Джо тоже есть мужество, – продолжала Люсинда, – недаром он твой сын.

– Я думаю, что все люди, которые чего-либо стоят, обладают мужеством, – сказал Нат. – И у вас оно всегда было, мисс Люсинда. Иногда, правда, это проявлялось в излишнем озорстве и непослушании.

– Я рада это слышать, – тихо сказала Люсинда, – потому что у меня такое предчувствие, будто мне понадобится все мое мужество и, может быть, еще больше.

Не сказав больше ни слова, она вышла из комнаты.

– Черт побери! – пробормотал Нат. – Разрази его гром, если он ее обидит, убью его собственными руками!

Граф Меридан, не имея ни малейшего представления о том, что он вызвал в ком-то такие кровожадные чувства, спокойно завтракал в своем доме на Беркли-сквер. В это время вошел дворецкий и объявил о прибытии полковника Холстеда, желавшего немедленно переговорить с ним. Лорд Меридан на секунду оторвался от бараньей котлеты.

– Проводите полковника сюда, – коротко сказал он, и через минуту в комнату вошел светловолосый молодой человек, одетый в сверкающий мундир полковника королевской гвардии.

– Побойся Бога, Чарльз, – воскликнул лорд Меридан. – Что за

маскарад с утра пораньше!

– Мне нужно через полчаса на дежурство, – ответил полковник, – а поскольку я хотел с тобой поговорить, я решил заглянуть сюда по дороге.

– Ты бряцаешь и звенишь, как полковой оркестр, – заявил лорд Меридан. – Сядь и выпей глоток бренди. Или ты предпочитаешь кофе?

– Бренди, – это как раз то, что мне нужно, – ответил полковник.

Дворецкий наполнил его рюмку и поставил графин с бренди рядом.

– Есть будешь? – поинтересовался лорд Меридан.

Полковник передернулся.

– Мне дурно от одной мысли о еде, – ответил он. – Я лег спать сегодня в четыре утра. Сначала принц решил отправиться в Олмак, затем в Уайт-хаус, потом мы посетили несколько борделей, и только после этого его королевское высочество угомонились.

Лорд Меридан ничего не ответил на это, и спустя некоторое время полковник продолжил:

– Черт возьми, Меридан, я тебе просто завидую сегодня! Надо полагать, ты вчера играл у Брукса?

– Да, до часу ночи, – ответил лорд Меридан. – И поскольку больше не нашлось желающих играть со мной, я отправился домой.

– Рано лечь спать! – воскликнул полковник. – Вот почему ты сегодня так отлично выглядишь! Меня просто мутит, когда я вижу, с каким аппетитом ты поглощаешь эту баранью котлету.

– Я в восторге, что это тебя раздражает, – парировал лорд Меридан и подал знак принести ему еще одну.

– Честно говоря, Меридан, ты ничего не потерял, – нехотя признался полковник Холстед.

– Никогда бы не подумал, что эти чертовы послы говорили совершенно серьезно! – воскликнул лорд Меридан.

– Ты имеешь в виду этот бабский комитет в Олмаке? – поинтересовался полковник Холстед. – Уверяю тебя, они были совершенно серьезны. Они не на шутку раскомандовались. У меня появляется такое чувство, будто мной распоряжается полдюжины наполеонов в юбках!

– Я вообще не понимаю, почему люди туда ездят, – кисло заметил лорд Меридан.

– Совершенно с тобой согласен. Меня самого тошнит от их респектабельности. Но до тех пор, пока его королевское высочество желает посещать их, чтобы встречаться с ее светлостью, мы ничего не можем поделать. Но зато потом мы на славу повеселились в Уайт-хаусе. Старуха аббатиса представила нам новых хороших девочек – Бог знает, где она их

выкапывает! Одна из них была персиянка или что-то в этом роде. Надо сказать, они здорово скрасили наш вечер. Жаль, что ты не присоединился к нам.

– Если ты думаешь, что я буду полночи ждать на улице, пока принц не пресытится светским обществом и не снизойдет до борделя, ты очень ошибаешься, – лорд Меридан в сердцах отшвырнул от себя тарелку. – Вся эта история в высшей степени глупа и унизительна. Если у кого-нибудь хватило бы здравого смысла, он давно взял бы бочку с порохом и подорвал этот чертов Олмак!

– Мой милый друг, ты просто злишься, что тебя выставили оттуда, – заявил Чарльз Холстед.

Лорд Меридан бросил на него такой взгляд, что у того слова замерли на губах.

– О, я совсем не хотел тебя обидеть, – быстро произнес он. – Просто тебе здорово не повезло, и все тебе сочувствуют. Я вчера прочитал объявление в газете. Значит, ты последовал совету леди Джерси? Ты не промахнулся – все говорят, что она очень хорошенькая девочка и будет отлично смотреться в ваших фамильных бриллиантах. А что она сама обо всем этом думает?

– Понятия не имею, – холодно произнес лорд Меридан. – Я с ней еще не знаком.

– Что-о-о? – У Чарльза Холстеда отвисла челюсть. – Ты хочешь сказать, что сделал предложение, даже не видя невесты?

Лорд Меридан кивнул.

– Я послал письмо ее отцу, в котором в самой изысканной форме просил ее руки, – ответил лорд Меридан. – Разумеется, он согласился, учитывая, что он должен мне тридцать пять тысяч фунтов.

– Тридцать пять тысяч фунтов! – воскликнул Чарльз Холстед. – Она обошлась тебе недешево!

– Это неважно, – ответил лорд Меридан. – Главное, она будет хорошо смотреться в фамильных драгоценностях и, несомненно, со временем порадует меня наследником. Жаль будет, если поместья достанутся моему непутевому кузену.

– Ну и холодный же ты человек! – заявил Чарльз Холстед.

– До сих пор никто не жаловался, – криво усмехнулся лорд Меридан.

Полковник Холстед запрокинул голову и громко расхохотался.

– Уж это точно. Кстати, куда подевалась Хуанита?

– Она отдыхала за городом несколько дней, – ответил лорд Меридан. – Ей нездоровилось. Кстати, сегодня она танцует в Ковент-Гардене. Не

хочешь пойти взглянуть?

– Конечно, если ты приглашаешь, – сказал Чарльз Холстед. – Потом там и поужинаем, как всегда?

– Разумеется, – ответил лорд Меридан. – И по-моему, Уолтер обещал привести парочку восхитительных девочек. Он уверял меня, что ничего подобного мы еще не видели.

– Как это ему удастся? – произнес Чарльз Холстед тоном глубокого восхищения. – Меня все уверяют, что у него в карманах ветер свищет, а он держит роскошных лошадей и окружает себя красотками. Кстати, я ему до сих пор должен за ту кобылу – думаешь, он будет настаивать, чтобы я с ним расплатился?

– Я бы на твоём месте просто-напросто взял на свое обеспечение одну из его девиц, – ответил лорд Меридан.

– Я бы не прочь, – с энтузиазмом откликнулся Чарльз Холстед. – Мне до смерти надоела та красотка, которую я содержу уже больше года. Она стала терять форму и даже на сцене уже не выглядит очаровательной.

– Ну так и брось ее, мой милый, – коротко произнес лорд Меридан. – Я всегда считал, что нельзя продолжать поддерживать связь с женщиной, которая тебе надоела.

– Абсолютно с тобой согласен. Сегодня вечером я присмотрю себе одну из девочек, которых приведет Уолтер.

– Он будет тебе крайне признателен, – саркастически заметил лорд Меридан.

Чарльз Холстед взглянул на каминные часы.

– Бог мой, мне пора бежать! – воскликнул он. – Кстати, я так и не сказал тебе, зачем я приходил. Я собираюсь устроить прием у себя в Ньюмаркете в конце апреля. Если хочешь принять участие, я могу пообещать тебе отличные петушиные бои и состязания между Джо Блетчером и Би – лом Фелденом – как ты знаешь, они оба являются чемпионами в тяжелом весе. Нас будет человек шесть. Ну а если кто-нибудь захочет прихватить с собой красотку – милости просим. Как насчет Хуаниты? Ты возьмешь ее?

– Какого это будет числа? – поинтересовался лорд Меридан.

– Я думаю, мы соберемся двадцать восьмого, – ответил Чарльз Холстед. – Ты можешь подвезти меня, если не возражаешь. Мне не хочется сознаваться в этом, но твои лошади гораздо быстрее моих.

– Мне очень жаль, – уныло протянул лорд Меридан, – но двадцать восьмого я не смогу. На этот день назначена моя свадьба...

– Какая неприятность, – начал было говорить Чарльз Холстед, но лорд

Меридан невозмутимо продолжил:

– ...но я присоединюсь к вам двадцать девятого. Я ни за что не хочу пропустить такое зрелище.

Полковник изумленно уставился на него, затем разразился громким смехом, который еще долго доносился с улицы после того, как он покинул дом.

Лорд Меридан направился в библиотеку, расположенную в дальней части дома и выходящую окнами в маленький садик.

Это была прелестная комната, уставленная стеллажами с книгами. В ее дальнем углу стоял огромный письменный стол, обтянутый кожей, на котором лежали груды писем и пресс-папье, отделанное серебром и украшенное фамильным гербом.

Он равнодушно взглянул на нераспечатанные письма, отвернулся, подошел к камину и потянул за шнур звонка.

Почти мгновенно в дверях появился лакей.

– Вы звали, милорд?

– Мой экипаж, – коротко бросил лорд Меридан.

– Экипаж уже подан, милорд.

Он прошел через холл, взял у дворецкого шляпу, трость и перчатки, спустился по лестнице, застланной коврами, и сел в карету.

– Хав Моон-стрит, 24, – сказал он стоявшему у дверцы лакею, который затем повторил это слуге, сидящему на козлах, а тот в свою очередь передал это кучеру.

Лошади тронулись, и слуга вполголоса сказал кучеру:

– Значит, она вернулась! Ну, теперь его милость повеселеет.

– Говорят, что он уже истратил на нее несколько тысяч, – ответил кучер. – Не скажу, чтобы она была в моем вкусе – больно тоща. Я люблю женщин в теле.

– Тебе нравятся женщины, похожие на лошадь, – насмешливо сказал слуга.

Поездка заняла не более пяти минут. Они остановились у небольшого, стоящего чуть в стороне от дороги дома, и слуга спустился вниз, подошел к двери и позвонил. Ему открыл лакей в роскошной ливрее.

Увидев экипаж, стоящий у крыльца, он шире распахнул двери. На его лице появилась дерзкая ухмылка.

– Она уже поджидает! – развязно сообщил он слуге лорда Меридана.

Слуга поспешил обратно к карете.

Лорд Меридан неторопливо вышел из экипажа.

– Возвращайтесь через час, – сказал он и медленно направился к дому.

Слуга проводил его в гостиную и почтительно открыл перед ним двери.

– Его светлость, – доложил он.

Женщина, лежавшая на софе, радостно вскрикнула.

– Мой лорд Себастьян! – подбежав к нему, зашебетала она на ломаном английском. – Я уже не думать, что вы придет. Весь вчера вечер я ждать и ждать!

Она обвила руками его шею и подставила ему губы. Он небрежно поцеловал ее, затем уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

– Ну-ка, дай я взгляну на тебя как следует, – протянул он. – Ну что, отдых пошел тебе на пользу?

– Спасибо, я себя опять прекрасно чувствовать, – ответила Хуанита да Рива.

Она была невысока и божественно сложена. Ее лицо обрамляли пышные рыжие локоны, своим цветом больше обязанные искусству парикмахера, нежели природе, а ее огромные черные глаза то загорались непокорным огнем, то в минуту страсти становились покорными и влажными.

Уроженка Мадрида, она была темпераментным созданием, и ее пышный бюст и чувственный рот привлекали большое количество поклонников, пока лорд Меридан не увидел ее, когда она танцевала в театре в Брайтхелмстоне, и не привез ее в Лондон.

– Ты неплохо выглядишь, – сказал он, окинув ее оценивающим взглядом, как будто он рассматривал выставленную на аукцион лошадь.

– Почему вы не приехать вчера навестить меня? – надулась она. – Я послать к вам лакея, что я вернуться.

– Я был занят, – ответил лорд Меридан. – Я покупал лошадей в Теттерсалле. Аукцион закончился позже, чем я рассчитывал.

– А прошлая ночь? – капризно спросила Хуанита.

– У меня была назначена встреча у Брукса, – ответил он.

Глаза Хуаниты сузились, и она с ненавистью взглянула на лорда Меридана.

– Что это, другой женщина?

Он покачал головой.

– У тебя нет никакого повода для ревности, – ответил он. – Однако, полагаю, ты уже слышала, что я женюсь?

Хуанита вскрикнула и прижала руки к груди.

– Жениться? – слабо проговорила она. – Вы жениться? Это есть шутка?

– Отнюдь, – ответил лорд Меридан. – Ты еще перед отъездом слышала, что меня исключили из Олмака. Единственным средством поправить положение была женитьба. Я предпринял соответствующие шаги в этом направлении.

– Но вы есть сумасшедший! Что она вам дать? Она есть вмешиваться в ваши дела, она будет даже помешать нам!

Хуанита возвысила голос почти до крика, но лорд Меридан лишь слабо улыбнулся.

– Ничего подобного, – ответил он. – Она очень молода и будет делать то, что ей скажут. Она не будет мне мешать ни в малейшей степени. Она будет с честью носить мое имя и пользоваться всеобщим уважением. Разумеется, больше не должно быть никаких скандальных выходов, и ты не будешь появляться в тех местах, где может оказаться моя жена. Во всех же остальных отношениях наше соглашение остается неизменным – как я уже говорил, ты слишком привлекательна!

Она молча стояла перед ним, но он чувствовал, что ее раздражают противоречивые чувства. Нужно ли устроить сцену? Или надо безропотно согласиться на то, что он готов ей предложить? Она слишком хорошо его знала, чтобы не понимать, что он будет недоволен, если она вздумает перечить ему или оспаривать его решения. На секунду ее темперамент чуть было не одержал верх над здравым смыслом. Но потом она решила, что жен никто никогда не воспринимал всерьез. Они сидели дома, вынашивая и рожая детей, время от времени появлялись на светских приемах и балах, как того требовал этикет, но в остальном не было никакой причины беспокоиться на их счет.

Она заметила, что лорд Меридан пристально наблюдает за ней, что на его красивом насмешливом лице появилось выражение скуки, а четко очерченные губы недовольно сжаты, и поняла, что должна любой ценой удержать его. Хуанита не была влюблена в него, подобные чувства были ей незнакомы, но она страстно желала его, и никогда ни один мужчина не вызывал в ней такую бурю чувств.

– Мой лорд Себастьян...

Она произнесла его имя тем нежным тоном, который никогда не оставлял его равнодушным.

– Я тебя слушаю.

Он спокойно ждал, зная, что она не осмелится противиться ему.

– Мне неважно, сколько вы иметь жен, – сказала Хуанита мягким, чарующим голосом, – лишь бы вы, как раньше, считали меня привлекательной!

Лорд Меридан протянул руки, и она бросилась в его объятия.

Сэр Эдвард пребывал в отличном расположении духа. Он вошел в комнату и, потирая руки, воскликнул:

– Ну, все в порядке. Поверенный его светлости только что уехал в Лондон.

Леди Белвиль взглянула на него.

– Надо полагать, условия брачного контракта превзошли все ожидания? – спросила она, хотя все было ясно уже по выражению его лица.

– Не то слово! Тебе крупно повезло, Люсинда. Надеюсь, ты не забудешь выразить свою благодарность его светлости?

Люсинда сидела у туалетного столика, и камеристка примеряла на нее кружевную фату.

– Дает ли он мне что-нибудь на мои личные расходы, папа? – обернувшись, спросила Люсинда.

Сэр Эдвард слегка нахмурился, сочтя ее вопрос несколько неуместным.

– Я думаю, Люсинда, – произнес он напыщенно, – что твой муж сам объяснит тебе все эти финансовые тонкости.

Люсинда встала из-за столика и подошла к отцу.

– Мне нужно знать сейчас, папа, – ответила она. – Я хочу точно знать, какой именно суммой я могу располагать по своему усмотрению.

Увидев, что ее настойчивость произвела неприятное впечатление, Люсинда добавила:

– Ну, во-первых, я хотела бы купить подарки тебе, маме и Эстер...

Леди Белвиль также встала, отложив в сторону стопки ночных сорочек, которые они с Эстер упаковывали в большой кожаный чемодан, стоявший посреди комнаты.

– Я думаю, Эдвард, – спокойно и неторопливо произнесла она, – что Люсинде было бы полезно знать, какой в точности суммой она располагает. Не умея обращаться с деньгами, она может начать тратить их налево и направо, что может привести к катастрофическим последствиям.

– Люсинде будет очень трудно промотать всю сумму, которую лорд Меридан перевел на ее имя, – ответил сэр Эдвард, – если, конечно, она не увлечется азартными играми.

– Как вы могли даже подумать, что моя дочь опустится до подобных вещей! – воскликнула леди Белвиль, а затем добавила: – Хотя у нее был достойный пример перед глазами.

Сэр Эдвард покраснел. Он не ожидал, что разговор примет такой неприятный оборот, и поспешил переменить тему.

– Не хотите ли взглянуть на копию брачного контракта?

– Папа, расскажи нам вкратце своими словами, – поспешно сказала Люсинда. – Ты же знаешь, как трудно разобраться в этих юридических документах.

– Короче говоря, твой муж перевел на твое имя сумму в пятьдесят тысяч фунтов, проценты с которой ты можешь тратить по своему усмотрению, – ответил сэр Эдвард.

– Пятьдесят тысяч фунтов! – с трудом выдохнула леди Белвиль.

Люсинда ничего не сказала, только широко раскрыла глаза. Эстер от изумления села прямо на пол рядом с открытым чемоданом.

– О, Люсинда, как я за тебя рада! Подумай, как будет здорово, что ты сможешь тратить столько денег, сколько захочешь!

Леди Белвиль взглянула на старшую дочь, и лицо ее помрачнело.

– Это очень большие деньги, – сказала она, – еще неизвестно, что будет, когда лорд Меридан узнает...

Она остановилась и посмотрела на Эстер, которая даже с покрасневшими щеками и растрепанными волосами выглядела невероятно хорошенькой.

– Эстер, – неожиданно заговорила она, – послушай меня внимательно, еще не поздно изменить свое решение. Лорд Меридан еще не видел Люсинду, он считает тебя своей будущей женой. Почему бы тебе не поступить разумно и не выйти за него замуж? У тебя будут деньги, ты будешь жить в Лондоне, все будут восхищаться тобой. Твое положение в обществе будет недостижимым. Одумайся, Эстер! Люсинда тебя поймет.

В комнате наступила тишина, и все, включая камеристку, выжидающе уставились на Эстер. Она обвела присутствующих взглядом и улыбнулась.

– Но я помолвлена с Колином.

– Послушай, Эстер, – настаивала леди Белвиль. – Конечно, Колин очень приятный молодой человек и все мы замечательно к нему относимся, но у него нет денег. Ты можешь прожить всю жизнь в бедности.

– Мы будем жить в этом маленьком домике у реки, – мечтательно проговорила Эстер. – Мы будем очень счастливы, и нам не нужно будет много денег.

– Но ты только подумай, как ты могла бы жить в Лондоне! – умоляла ее мать. – У тебя будет собственная ложа в опере, ты будешь иметь лучшие экипажи для прогулок. Все будут стремиться попасть к тебе на приемы. Ты будешь допущена в окружение самой королевы! А как ты будешь неотразима в знаменитых бриллиантах Мериданов!

Люсинда молча смотрела на свою сестру. Она еще не надела свое

подвенечное платье, но шелковое нижнее белье и модный жесткий корсет неприятно сдавливали ее тело. Сверху был наброшен кружевной шелковый пеньюар, белизна и свежесть которого лишь подчеркивали нездоровый цвет ее кожи. Она напряженно прислушивалась к разговору, от которого зависело ее будущее, и лицо ее застыло от волнения.

– Эстер, ну пожалуйста, подумай, от чего ты отказываешься, – умоляла леди Белвиль.

– Мама, ты никак не хочешь меня понять, – отвечала Эстер. – Я люблю Колина и не пойду замуж ни за кого другого. Как я смогу стать женой человека, которого ни разу не видела! Подумай, какое мужество проявляет Люсинда! У меня никогда не было такой силы духа.

Она встряхнула головкой, и золотые локоны рассыпались по ее плечам.

– Господи Боже мой, сейчас уже поздно что-либо менять! – вмешался сэр Эдвард. – Вы сами отлично понимаете, что говорите глупости, Маргарет. Брачный контракт составлен и окончательно подписан.

Леди Белвиль бессильно вздохнула и отошла в угол комнаты.

Люсинда знала, что ее мать просто хочет скрыть выражение разочарования и недовольства. Разочарования, что не ее любимица будет блистать в высшем свете, и недовольства, что именно ее младшей дочери, к которой она никогда не испытывала особо нежных чувств, уготовано такое блестящее будущее.

Понимая, что эта сцена оставила у присутствующих чувство неловкости, сэр Эдвард поспешил вмешаться.

– Уже час дня, – сообщил он, взглянув на часы. – Скоро нам пора отправляться в церковь. Не могу понять, почему его светлость назначил церемонию на столь поздний час – четверть третьего! Может быть, это новая мода? Все умрут от голода, прежде чем доберутся до свадебного стола.

– По-моему, вы сказали, будто получили вчера письмо, извещающее о том, что Люсинда и ее муж не будут присутствовать на приеме, – сказала леди Белвиль.

– Ах да, конечно, у меня совершенно вылетело из головы, – поспешно ответил сэр Эдвард. – Я совсем забыл сказать тебе, Люсинда, о том, что твой муж хочет, чтобы вы сразу после церемонии отбыли в Лондон. Я считаю его манеру поведения просто возмутительной. Он даже не удосужился написать мне лично. Я получил извещение от его секретаря.

– Значит, он совсем не появится у нас? – изумленно спросила Люсинда.

– А как же быть с ее дорожным костюмом? – воскликнула леди

Белвиль. – Неужели девочка отправится в Лондон прямо в подвенечном платье? В жизни не видела, чтобы с невестой обращались так неуважительно!

– Я и сам подумал, что это какая-то ошибка, – согласился сэр Эдвард. – Я поговорю с его светлостью, когда он приедет, и скажу ему, что он должен, хотя бы из вежливости, присутствовать на свадебном обеде. Естественно, все наши друзья и родственники рассчитывают познакомиться с ним.

– Я думаю, если его светлость что-то решил, тебе вряд ли удастся заставить его изменить свои планы, – сказала Люсинда.

– Я считаю, что этот господин должен по крайней мере соблюдать приличия! – рявкнул сэр Эдвард, и на лбу у него появилась складка, как всякий раз, когда ему перечили.

Люсинда улыбнулась.

– Я думаю, мама, что будет лучше упаковать мой дорожный костюм, не то мы его вовсе забудем здесь. А чемоданы и сундуки лучше вынести в холл, чтобы можно было уложить их в экипаж его светлости, пока мы будем в церкви.

– Но ты не можешь ехать в Лондон в свадебном платье! – ужаснулась леди Белвиль. – Ни одна уважающая себя девушка не позволит с собой так обращаться! Кроме того, что подумают люди?

– Я полагаю, они подумают, что мне вообще крупно повезло, что я заполучила себе мужа, – ответила Люсинда. – Тем более такого знатного и богатого, как граф Меридан!

– Ну знаешь, Люсинда! – резко оборвала ее леди Белвиль. – Как смеешь ты говорить такие вещи! Никогда не слышала таких вульгарных высказываний. Эдвард, в столовой для вас приготовили бокал вина и холодные закуски. Когда вы голодны, вы становитесь невыносимо раздражительным. И поскольку уже много времени, надо дать Люсинде хотя бы стакан молока с хлебом, не то во время венчания она просто упадет в обморок. И запомни, дитя мое, что мужчины терпеть не могут, когда у их жен кислый вид, особенно в день свадьбы!

– Не беспокойся, мама, – ответила Люсинда. – Я совсем не голодна и не собираюсь падать в обморок.

– Я не заметила, что уже так поздно! – воскликнула леди Белвиль. – Мы срочно должны идти одеваться. Люсинда, проследи, чтобы Агнес закончила упаковывать твои вещи. А свое подвенечное платье ты наденешь в самую последнюю минуту, чтобы не помять его.

– Хорошо, мама, – послушно ответила Люсинда.

Леди Белвиль торопливо вышла из комнаты, и сэр Эдвард последовал

за ней.

Эстер медленно подошла к сестре.

– Ах, Люсинда, – улыбнулась она. – Как бы я хотела, чтобы это была моя свадьба. Ну ничего, мне осталось ждать всего несколько месяцев. Обещаешь приехать, когда я буду выходить замуж? Я так расстроюсь, если тебя не будет!

– Ну конечно же, я приеду, – ответила Люсинда. – И я привезу тебе самый замечательный подарок.

Эстер обняла сестру за шею и прижалась к ней.

– Спасибо тебе, Люсинда, – сказала она. – Я надеюсь, что ты будешь так же счастлива, как мы с Колином.

Люсинда ничего не ответила. Она подошла к зеркалу и с тревогой взглянула на свое отражение.

– Агнес, – сказала она горничной, – будь добра, спустись вниз и пошли кого-нибудь на конюшню за Натом. Я хочу поговорить с ним.

– А Нат в доме, мисс Люсинда, – ответила Агнес. – Я видела, как он помогал накрывать на стол. С этим приемом столько хлопот, что пришлось всех позвать на помощь.

– Пожалуйста, передай Нати, что я хочу его видеть, – сказала Люсинда. – Только не забудь сказать ему, что я не у себя в комнате.

– Обязательно, мисс Люсинда, только если миледи увидит его здесь, она будет очень недовольна.

Люсинда посмотрела, как пожилая горничная смелой походкой вышла из комнаты, и снова повернулась к зеркалу.

На секунду ей показалось, что у нее испуганный вид, но потом она поняла, что в этом виновато неудачное освещение. В ее темных глазах не было и тени страха, а губы были плотно сжаты.

Она критически оглядела себя и принялась тереть щеки, чтобы на них появился румянец. Ей казалось, что ее прическа была слишком взрослой и старомодной, но Агнес упорно отказывалась уложить ей волосы по-другому. Слегка пожелтевшая кружевная фата, которая передавалась в ее семье из поколения в поколение, уныло свисала по обе стороны ее лица.

Люсинда не знала, как долго она просидела, молча глядя на себя в зеркало, когда стук в дверь заставил ее вскочить на ноги.

– Войдите, – крикнула она, и в комнату осторожно, боком вошел Нат.

Он был одет в свою лучшую куртку, его старенькие панталоны были безупречно чистыми, сапоги начищены до зеркального блеска, а воротничок мог поспорить белизной с подвенечным платьем Люсинды, аккуратно разложенным на кровати.

– Доброе утро, мисс Люсинда, – приветливо сказал он.

– Доброе утро, Нат. Ты не забыл, о чем мы с тобой договорились? – спросила Люсинда.

Нат покачал головой.

– Конечно, нет. Джо будет ждать около церкви, а Бенджамен – ему только исполнилось шесть лет, но он очень сообразительный парнишка – будет стоять у поворота. Когда появится его светлость, Джо махнет Бенджамену платком и тот сразу побежит к вам.

– Очень хорошо, – улыбнулась Люсинда. – И не беспокойся, Нат, если я не сразу появлюсь.

– Вы хотите опоздать? – с улыбкой спросил Нат. – Ну что ж, говорят, это привилегия женщин.

– Да, я хочу опоздать, – задумчиво ответила Люсинда.

– Я не рассчитывал найти вас здесь, – сказал Нат, оглядывая большую, просторную комнату, в которую раньше помещали лишь самых важных гостей.

– Похоже, мои родные решили, что комната, которую я занимала до сих пор, недостаточно хороша для меня теперь, – сказала Люсинда с ноткой сарказма в голосе. – И потом, у меня сложилось такое впечатление, что все вдруг стали относиться ко мне с гораздо большим уважением, чем раньше, или мне просто так кажется?

– Просто вы теперь уже совсем взрослая, мисс Люсинда, – ответил Нат. – Скоро вы будете замужней женщиной и к тому же очень знатной дамой.

– Это серьезный шаг в жизни, верно?

– Замужество всегда серьезный шаг, – ответил Нат. – Я очень надеюсь, что вы найдете свое счастье, мисс Люсинда.

Неподдельная искренность в его голосе глубоко тронула ее, и поскольку она всегда знала, что он был единственным человеком, по-настоящему привязанным к ней, именно к нему обратилась она с вопросом, который занимал ее больше всего.

– Ответь мне, Нат, – сказала она, – только ответь мне правду, – что во мне не так? Почему я так выгляжу? Разумеется, я не рассчитываю быть такой красавицей, как Эстер, но ведь можно что-нибудь сделать, чтобы я была более привлекательной. Что меня портит? Фата? Прическа? Что же?

По ее тону Нат понял, как важен для нее этот вопрос, и пристально, не спеша принялся разглядывать ее. Он посмотрел на нежный овал ее лица, на котором выделялись огромные темные глаза, казавшиеся чересчур большими на маленькие бледные губы и крошечный, чуть вздернутый нос.

Он прекрасно понимал, что она имела в виду, но так же, как и она, не мог найти ответа.

– Вы задаете очень уж сложные вопросы, мисс Люсинда, – сказал он. – Вот если бы спросили меня насчет лошади, я бы сразу вам ответил, что в ней не так. Но в женщинах я совсем не разбираюсь, знаю лишь, что лучше держаться от них подальше. Но кто-нибудь, наверное, может вам помочь. Если есть люди, хорошо разбирающиеся в лошадях, должны быть и такие, которые хорошо разбираются в нарядах, украшениях и прочих тонкостях женской красоты, я так думаю.

– Нат! – воскликнула Люсинда, и ее лицо просияло. – Вот ты и ответил мне! Спасибо тебе, Нат. Ты меня никогда не подводил.

– А теперь послушайте, что я вам скажу, мисс Люсинда, – произнес Нат. – Вам будет нелегко покинуть дом и все, к чему вы с детства привыкли. Мир велик, и всем время от времени приходится трудно. Может быть, Всевышний специально так и задумал, когда создал нас. Но только знайте, если жизнь вас сурово ударит, не сдавайтесь и не прекращайте борьбы. Не позволяйте раздавить себя. Я всегда это говорил ребятам, выходящим на ринг. Мне кажется, это относится и к женщинам. Никогда не падайте духом!

– Ни за что, Нат, – торжественно пообещала Люсинда. – И спасибо тебе за все.

Она встала из-за стола, подошла к нему, протянула ему обе руки, и он крепко пожал их.

– Благослови вас Бог, мисс Люсинда! – сказал он.

Они постояли минуту, глядя друг на друга, затем Люсинда наклонилась и поцеловала его морщинистую щеку.

– Если когда-нибудь я окажусь в беде, я пришлю за тобой, Нат, – сказала Люсинда. – Ты ведь не бросишь меня?

Он пробормотал что-то утвердительное, не в силах от волнения говорить более внятно. Затем, устыдившись проявления своих чувств, быстро вышел из комнаты и плотно закрыл за собой дверь.

Люсинда подошла к окну. В дальнем конце парка была видна квадратная башня маленькой церкви, в которой должно было состояться венчание. Скоро со всего графства начнут съезжаться экипажи, и церковь заполнится любопытными, желающими посмотреть на знаменитого графа Меридана, о котором ходило столько слухов. Даже в этой глухой провинции люди были наслышаны о его скандальном образе жизни, беспутном окружении и близкой дружбе с принцем Уэльским.

Люсинда знала, что поначалу известие о ее помолвке было встречено

всеобщим изумлением.

– Как, Люсинда? Это, наверное, какая-то ошибка! Вероятно, имеется в виду Эстер! Она хоть и не отличается большим умом, зато по крайней мере хороша собой! Но Люсинда... нет, это совершенно невозможно!

Множество экипажей стало собираться у их подъезда каждый день после того, как «Лондон Газетт» поместила объявление о помолвке. Люди, которых Белвили не видели годами, стали наносить им визиты и задавать вопросы, которые могли бы показаться бестактными, если бы не были сдобрены лестью и комплиментами и не начинались словами: «Поскольку мы с вами такие старые друзья...»

Поначалу сэр Эдвард и леди Белвиль пытались скрыть тот факт, что Люсинда ни разу даже не видела своего будущего мужа и что вся эта свадьба не что иное, как просто деловое соглашение. Но затем, естественно, слухи об истинном положении дел стали просачиваться из столичных кругов в провинциальные города и докатились до Хертфордшира. Разумеется, никто открыто не говорил об этом в присутствии сэра Эдварда и леди Белвиль, но по интонации, по выражениям лиц и кривым улыбкам Люсинда поняла, что правда о ее свадьбе стала уже всеобщим достоянием.

Она могла представить себе, что они говорили в домашнем кругу... «Подумать только, леди Джерси сказала ему, что он больше не будет допущен в Олмак, и принцу пришлось пойти без него! Говорят, что швейцарам дано указание его больше не впускать». Люсинда представляла себе, как они злорадно высказываются и добавляют: «Ну, теперь понятно, почему он на ней женится!..»

В комнату, запыхавшись, вошла Агнес.

– Вы только представьте себе, мисс Люсинда, – сказала она, – эта непутевая девчонка чуть не забыла упаковать ваши носовые платки. Вчера я помогала ей выстирать и выгладить их, а она по глупости отнесла их в вашу старую комнату. Хорошо еще, что я вспомнила про них, не то вы бы приехали в Лондон, не имея ни кусочка тряпки, чтобы вытереть нос.

С фамильярностью старой прислуги, она продолжала все время ворчать, пока упаковывала вещи.

– Уже поздно, – наконец сказала она. – Давайте-ка я помогу вам надеть платье и скорее побегу в церковь! Как бы чего не пропустить!

– Конечно, Агнес, – согласилась Люсинда, – давай одеваться. Неважно, если я буду готова слишком рано.

– Тем более, – продолжала Агнес, не слушая Люсинду, – что наверняка и миледи, и мисс Эстер захотят, чтобы я помогла им одеться тоже.

Она подняла с кровати тяжелое белое атласное платье и помогла Люсинде надеть его. Это платье шила самая модная портниха в Сейнт-Олбани, но Люсинда подумала, что материал выглядел гораздо красивее до того, как его раскроили и сшили: сейчас оно было слишком жестким, в талии было ей немисливо широко, и кружевная отделка не очень гармонировала с ее фатой.

– Мне не нравится это платье, – сказала она.

– Как вы можете быть такой неблагодарной! – воскликнула Агнес. – Это платье стоило целое состояние! Во всем графстве за последние двадцать лет ни у одной невесты не было такого дорогого и красивого платья!

– Мне очень жаль, Агнес, – ответила Люсинда, – просто я чувствую, что это платье мне совсем не идет.

– Выбросьте эти глупости из головы, – резко оборвала ее Агнес, – вы выглядите как настоящая невеста, и мы все будем очень гордиться вами.

Кто-то громко постучал в дверь, и прежде чем Люсинда успела ответить, Джарвис, их старший садовник, заглянул в комнату.

– Вам уже нести букет, мисс Люсинда?

Он внес в комнату огромный букет из белых роз и гвоздик, перевязанных чудовищным бантом из белого атласа.

– Красиво, правда? – произнес он с гордостью.

– Необыкновенно, – автоматически ответила Люсинда, – спасибо тебе, Джарвис.

– Церковь убрана, как картинка, – сообщил Джарвис. – Мы были там уже с пяти утра. Алтарь украшен лилиями, вокруг кафедры поместили цветы, какие только можно было найти в саду и в парниках. Купель украсили нарциссами, это, конечно, не так шикарно, но в парниках больше ничего не осталось, а сирень еще не распустилась.

– Да, я знаю, – сказала Люсинда. – Я уверена, что все сделано замечательно, Джарвис.

– Ну ладно, я опять пойду в церковь, мисс Люсинда.

Удачи вам!

Он поклонился и вышел из комнаты.

Люсинда положила огромный букет на кровать. В этот момент распахнулась дверь и быстро вошла леди Белвиль. Ее серое шелковое платье хотя и было не новым, тем не менее выглядело исключительно элегантно. А новая шляпка была украшена зелеными перьями.

– Я вижу, ты уже готова, детка! – воскликнула она. – Мы с Эстер сейчас отправляемся в церковь, а потом экипаж вернется за тобой и твоим

отцом. Только не опаздывайте. Вы же не хотите заставлять его светлость ждать вас!

Она рассеянно взглянула на Люсинду.

– Я смотрю, Джарвис уже принес сюда твой букет! Я же сказала ему оставить его в холле. Этот старый дуралей вечно все пропускает мимо ушей. Ну ладно, мне надо уже идти. Смотри, не опаздывай!

– Хорошо, мама, – послушно сказала Люсинда.

Из коридора донесся голос леди Белвиль, зовущей Эстер, затем послышался стук каблучков Эстер. Вскоре Люсинда услышала стук отъезжающего экипажа.

Она снова пристально посмотрела на себя в зеркало, затем подхватила юбку, выбежала в коридор и стала поспешно подниматься на второй этаж. Здесь, по соседству с комнатой Эстер, располагалась ее комната. Напротив была их маленькая гостиная, ранее служившая в качестве детской и мало изменившаяся с тех пор.

Люсинда открыла дверь в спальню Эстер. Здесь был жуткий беспорядок.

Платье, которое Эстер надевала утром, было небрежно брошено на кровать, посреди комнаты валялись ее туфли и картонка из-под шляпки, повсюду была разбросана оберточная бумага.

Люсинда ничего этого не замечала. Она подбежала к шкафу, открыла дверцу и принялась лихорадочно рыться в ящиках. Наконец она нашла то, что искала.

Это был венок из красных роз, который Эстер надевала как-то раз на балу в Лондоне. Розы были маленькие, почти бутоны, ярко-рубинового цвета.

Люсинда посмотрела на них, подошла к зеркалу, сняла с головы флердоранж и приколола вместо него венок из роз, который слегка оживил бледный цвет ее лица.

Люсинда снова взглянула на себя в зеркало, затем подошла к шкафу, открыла другую дверцу и посмотрела на наряды Эстер. В самом углу висело платье из голубых лент с такими же розами, как на венке. Она оторвала одну и, зажав ее в руке, поспешила вниз.

Она приколола розу к корсажу. Маленький алый цветок выглядел странно – яркий мазок на белом платье. И все же это как-то оживляло мертвенную белизну ее свадебного туалета.

Возможно, у нее был несколько экзотический вид: слыханное ли дело, чтобы невеста была украшена алыми розами? Зато, по крайней мере, она больше не походила на тень.

Она обернулась к кровати, посмотрела на безобразный, помпезный букет и вместо него взяла в руки свой старенький молитвенник в темно-синем кожаном переплете. Потом вдруг вспомнила, что на туалетном столике матери лежит молитвенник, изысканно отделанный слоновой костью. Быстро отыскала его и, положив на колени, села ждать того момента, когда нужно будет отправляться в церковь.

Она услышала, как пробили часы. Его светлость должен был приехать к этому моменту, но Бенджамен еще не появлялся, и у Люсинды было такое чувство, что лорд Меридан непременно опоздает, причем без всякого злого умысла, а просто из-за полного безразличия к окружающим. Она услышала, как отец зовет ее снизу, но не сдвинулась с места. Прикинув, что пройдет еще немало времени, прежде чем он пойдет разыскивать ее, она продолжала спокойно сидеть, не обращая внимания на его крики.

Люсинда оказалась права, предполагая, что лорд Меридан опоздает. Он покинул Лондон в крайне дурном расположении духа, так как он обнаружил, что в экипаж, который должен был доставить его к месту церемонии, впрягли лошадь, которая была, по его мнению, далеко не в лучшей форме. Желая произвести впечатление на своих будущих родственников, он специально приказал запрячь пару своих самых красивых рыжих лошадей. А поскольку слуги привыкли беспрекословно слушаться его, грум запряг требуемую пару, хотя и знал отлично, что его светлость, увидев, что одна из лошадей не в состоянии проделать столь длительный путь, будет крайне разгневан.

Таким образом, в самую последнюю минуту пришлось перепрячь лошадей. Экипаж вновь был отослан на конюшню, рыжих коней поменяли на гнедых, и вся эта волокита довела лорда Меридана до крайней степени раздражения.

Полковник Холстед, выступавший в роли шафера, всячески пытался утихомирить его.

– Времени еще предостаточно, – говорил он. – У тебя очень быстрые лошади, так что не переживай.

– Я переживаю не из-за того, что мы опаздываем, – рявкнул лорд Меридан, – а оттого, что ни на кого нельзя положиться. Стоит расслабиться, и все они только и думают, как бы уклониться от работы.

– Беда в том, что ты слишком запугал своих слуг, – Ответил полковник Холстед, протягивая руку к бокалу с вином. – Если хочешь знать правду, я очень сочувствую той бедняжке, которая решила выйти за тебя замуж.

– Ничего, она в накладе не останется, – ядовито заметил лорд Меридан.

– Надо полагать, ты проявил неслыханную щедрость? – спросил полковник Холстед, приподняв одну бровь, что придавало его лицу милое и озорное выражение.

– Разумеется, я был щедр, – сердито ответил лорд Меридан. – Неужели ты думаешь, что я пожалею для будущей графини Меридан несколько лишних фунтов? Но если я покупаю себе жену, то пусть это будет, по крайней мере, дорогая покупка.

– Ты это делаешь ради нее или чтобы заглушить угрызения совести? – поинтересовался Чарльз Холстед.

– Прекрати задавать идиотские вопросы, – резко прервал его лорд Меридан.

– Да, честно говоря, я бы не хотел так жениться, – задумчиво сказал Чарльз Холстед. – Я далеко не романтик и не собираюсь брать в жены светлый луч. Но мне хотелось бы иметь жену, которая в состоянии по крайней мере меня поддержать. В конце концов, она же будет жить в одном доме с тобой!

– Если уж на то пошло, у меня достаточно большой дом, чтобы вовсе не встречаться с ней, – ответил лорд Меридан. – С другой стороны, вдруг мисс Белвиль умеет говорить достаточно связно? Кто знает?

Чарльз Холстед расхохотался.

– Ты слишком избалован, мой милый. Тебе всегда все удавалось, и теперь ты считаешь, что твоя жена будет верхом совершенства потому лишь, что она носит твое имя.

– А почему бы нет? – высокомерно спросил лорд Меридан.

– Ну ладно, ладно, пусть будет по-твоему, – поспешил ответить Чарльз Холстед. – Я не собираюсь ссориться с тобой в день твоей свадьбы.

– Что касается меня, этот день ничем не отличается от остальных. Разве лишь тем, что мне пришлось встать ни свет ни заря, – ответил лорд Меридан.

– Да полно тебе! На охоту и на аукционы ты встаешь еще раньше, – сказал Чарльз Холстед. – Просто тебя раздражает мысль о необходимости расстаться с холостой жизнью. Что ж, это вполне понятно.

– Если бы не леди Джерси, чтоб она провалилась, этого бы никогда не произошло. Ну ничего, я еще сквитаюсь с ней!

– По крайней мере, я слышал, будто она здорово наскучила его королевскому высочеству, – заметил Чарльз Холстед.

– Да она давно надоела ему хуже горькой редьки, – ответил лорд Меридан. – Но она вцепилась в него мертвой хваткой. Боже! Лишь бы моя жена была не из тех женщин, которые вцепляются в мужчину, как

репейник!

– Может, пора уже поехать и посмотреть самим? – предложил Чарльз Холстед.

Будто специально оттягивая момент отъезда, лорд Меридан налил себе еще один бокал вина.

Наконец они тронулись в путь, и пара гнедых развила такую скорость, что спустя немного времени они уже оказались в маленькой придорожной гостинице в двух милях от места назначения. Лорд Меридан пришел в еще большее раздражение, увидев, что вино в гостинице было совсем плохим, а комната, в которую его проводили, чтобы он мог умыться и освежиться перед тем, как ехать в церковь, поражала своей убогостью.

– Побойся Бога, Себастьян! – отвечал Чарльз Холстед на все его жалобы. – Чего же ты хотел! Полграфства буквально засыпали тебя предложениями остановиться у них на ночь, но ты же не захотел!

– Ты знаешь, что я должен был быть в Лондоне вчера вечером, – сказал лорд Меридан.

– Только потому, что Хуанита категорически настаивала на этом, – ответил Чарльз Холстед. – Мне кажется, она вне себя от ревности, что ты женишься.

– Ревность? А из-за чего это будет она ревновать меня?

– Надо полагать, из-за того, что она очень привязана к тебе.

– Привязана? – лорд Меридан неприятно рассмеялся. – Мой дорогой Чарльз, создания, подобные Хуаните, Привязываются к тем, кто за них больше заплатит. Да и благовоспитанные респектабельные дамы мало чем от них отличаются. Все они стараются продать себя подороже. Я еще не встречал женщин, чье сердце не забилося бы сильнее при виде бриллиантов, нет такой мамы, которая не бросала бы на меня призывные взгляды, если у нее на руках имеется дочь на выданье.

– Ты циник, – упрекнул его Чарльз Холстед. – Скажу тебе, что с тобой случится в один прекрасный день, Себастьян. Ты влюбишься без памяти, поверь моему слову. Я даже готов держать пари на этот счет!

– Отлично! – воскликнул лорд Меридан. – Какова будет ставка? Пятьсот фунтов?

– Ну нет, так дешево ты не отделаешься, – сказал Чарльз Холстед, став неожиданно серьезным. – Прежде всего, мы установим срок. Дай прикинуть, сейчас тебе двадцать семь? Я думаю, два года в самый раз.

– Что же ты предлагаешь? – спросил лорд Меридан.

– Я ставлю пять тысяч фунтов, – ответил Чарльз Холстед, – что ты влюбишься до наступления двадцать восьмого апреля тысяча восемьсот

пятого года.

– Принимаю! – воскликнул лорд Меридан. – Меня только интересует, где ты наскребешь такую сумму, чтобы отдать мне?

– Я уверен, что мне не придется этого делать, – оптимистично заявил Чарльз Холстед. – Пять тысяч фунтов будут мне очень кстати, когда я соберусь обзавестись женой и собственным домом!

– Ты просто сумасшедший! – сказал ему лорд Меридан. – Кстати, не забудь, что ты приглашал меня к себе на послезавтра.

– Может, лучше отложить решение этого вопроса до того момента, когда мы увидим невесту? – предложил Чарльз Холстед.

Лорд Меридан встал так резко, что чуть не опрокинул бокалы, стоящие на столе.

– Пойдем! – раздраженно заявил он. – Давай быстрее покончим с этим фарсом, пока мы полностью не лишились рассудка. Меня тошнит от всех этих разговоров о любви и женитьбе.

Он решительно направился к экипажу, а Чарльз Холстед, беззаботно смеясь, последовал за ним.

В результате этой задержки они, в конце концов, безнадежно опоздали. Когда их экипаж подъехал к воротам церкви, было уже три часа.

Лорд Меридан не спеша вышел из кареты, не обращая внимания на взволнованный шепот, поднявшийся в толпе присутствующих. Леди Белвиль, когда ей сообщили о его прибытии, схватилась за флакончик с нюхательной солью, потому что после такого напряжения она едва не потеряла сознание от радости, что он наконец-то появился.

Вдоль дорожки, ведущей к церкви, собрались жители окрестных деревень. Лорд Меридан прошел мимо них, не отвечая на их приветствия.

При входе в церковь он увидел группу людей, среди которых приковывала внимание на редкость красивая девушка, белокурая, голубоглазая, один вид которой заставил бы любого мужчину замереть от восторга. Не будучи знаком со свадебным обрядом, он решил, что это и есть его невеста. Она присела в глубоком реверансе, затем протянула ему руку и сказала:

– Меня зовут Эстер, я ваша будущая свояченица.

Полковник Холстед издал сдавленное восклицание, и, решив, что он желает быть представленным, лорд Меридан объявил:

– Это полковник Холстед, мой шафер.

– Рада познакомиться, – ответила Эстер и протянула Полковнику руку.

– Я уже видел вас в прошлом году, – сказал Холстед. – Наверное, это было в Олмаке, потому что я редко бываю на балах. Я запомнил вас, хотя и

не знал, кто вы такая.

Она застенчиво улыбнулась.

– Я Эстер Белвиль, сестра невесты.

– Ваша сестра так же красива, как и вы? – поинтересовался Чарльз Холстед. – Я слышал, что она обворожительна. Надо полагать, вы были в Лондоне вместе?

– О нет, моя сестра никогда не бывала в Лондоне, – ответила Эстер.

Она была так бесхитростна, что даже не заметила, как полковник Холстед с изумлением уставился на нее, вспоминая, что, едва известие о помолвке стало всеобщим достоянием, все только и говорили о том, как прелестна дочь сэра Эдварда, и как все ожидали, что она непременно составит блестящую партию.

– Мы идем или нет, наконец? – несколько раздраженно спросил лорд Меридан.

– О да, да, конечно, – ответила Эстер.

Она представила им розовощекого молодого человека, который выступал в роли распорядителя, и тот проводил их и усадил в первом ряду на отведенные им места.

Церковь была битком набита, и лорд Меридан неожиданно почувствовал бесконечную усталость. Накануне он лишь под утро добрался до своей кровати, выпив перед этим слишком много коньяку.

Обычно в таких случаях он спал как убитый, но на этот раз он долго вертелся с боку на бок не в состоянии заснуть.

Когда утром камердинер вошел в его комнату и раздвинул шторы, яркое весеннее солнце осветило комнату, и лорду Меридану неожиданно захотелось очутиться в деревне, в своем родовом поместье. Он с трудом удержался от желания сесть на лошадь и отправиться туда немедленно, как он делал всякий раз, когда у него было подобное настроение. Время от времени веселая лондонская жизнь вызывала у него пресыщение, и тогда он уезжал в свое имение, где с удовольствием проводил время лишь в обществе своих лошадей. Такое настроение обычно долго не длилось, и он вскоре вновь окунался в привычный водоворот светской жизни. Просто сейчас ему хотелось уехать из-за чувства особого отвращения к тому, что ему предстояло.

Он не имел ни малейшего желания обзаводиться семьей, вообще собирался никогда не жениться, а теперь этот чертов Дамский комитет вынудил его сделать такой шаг. Он не сомневался, что именно леди Джерси заставила их принять такое решение. Она никогда не могла простить ему, что в свое время он не ответил взаимностью на знаки ее внимания.

Ну и пусть, решил лорд Меридан, он появится в Олмаке со своей женой, и они будут вынуждены его принять. И хотя было обидно, что ему надели на шею эту девицу, он надеялся, что необходимость тащиться в Хертфордшир на брачную церемонию окажется самым большим неудобством, которое он вынужден будет претерпеть в результате всего.

По крайней мере, решил он, у меня будет хорошенькая жена. Если она ничуть не хуже своей сестры, то у меня не будет повода для жалоб. К тому же, что еще не менее важно, она будет достаточно молода, чтобы во всем меня слушаться, и достаточно респектабельна, чтобы с честью носить мое имя.

«В конце концов, могло быте и хуже, – философски подумал он. – Мне не придется общаться с этими провинциальными занудами и выслушивать длинные застольные речи во время свадебного обеда. Мы уедем в Лондон сразу же после окончания церемонии».

Он заметил, как Чарльз вытащил из жилетного кармана часы и посмотрел на них в некотором замешательстве, и с удивлением осознал, что они сидят здесь уже четверть часа. Черт побери! Он и так приехал слишком поздно, а еще приходится ожидать неизвестно чего.

– Какого дьявола мы здесь торчим? – прошептал он на ухо Чарльзу. – Кого мы ждем?

– Невесту! – ответил Чарльз, и в его глазах появилось лукавое выражение.

– А почему она опаздывает?

– У нее хватило ума не дожидаться тебя здесь, – отвечал Чарльз. – Интересно, кто ее надоумил?

– Какая наглость, – проворчал лорд Меридан.

– По крайней мере, вы не начнете свою семейную жизнь со взаимных упреков, – сказал Чарльз.

Лорд Меридан бросил на него уничтожающий взгляд, но в этот момент среди присутствующих началось какое-то движение, и орган, игравший до этого тихо и довольно скверно, заиграл еще хуже и на полную громкость.

– А вот и она! – радостно сказал Чарльз.

Лорд Меридан медленно поднялся со своего места. В который раз он с недоумением спросил себя, как он вообще здесь оказался? Теперь уже отступать было поздно, но его не покидало чувство, что ему расставили ловушку, а он благополучно в нее угодил.

Священник ждал их возле алтаря. Невеста медленно двигалась по проходу. Лорд Меридан почувствовал ее приближение и, даже не поворачивая головы, сделал шаг в сторону, чтобы дать ей возможность

встать рядом с ним.

– Бог мой! – услышал он сзади чье-то восклицание. – Что это Люсинда надела на голову?

Любопытство одержало верх, и лорд Меридан обернулся. Она оказалась ближе, чем он думал, и он увидел пару больших темных глаз, смотревших на него с нескрываемым любопытством.

Она оказалась далеко не красавицей и совсем не такой, какой он себе ее представлял. Ее голову украшал венок из ярких красных роз, что делало ее не похожей ни на одну из невест, которых он когда-либо видел в своей жизни.

Лорд Меридан уселся в углу кареты с видом крайнего недовольства и раздражения. Один из розовых лепестков, которыми осыпали жениха и невесту при выходе из церкви, прилип к его рукаву, и он брезгливо стряхнул его.

Из толпы, собравшейся около входа, доносились возгласы «Благослови вас Бог!» и «Счастья вам!», а гости, выходявшие из церкви, улыбались новобрачным, не подозревая, что это их последняя возможность поглазеть на счастливую чету. Местные жители, одетые в свои выходные костюмы, махали шапками и платками, а дети швыряли в молодых рисом, который так неприятно колот лицо, что Люсинда поспешила укрыться в карете. В ризнице, когда они расписывались в метрической книге, между ее отцом и мужем произошла неприятная сцена.

– Я получил вчера ваше письмо, милорд, в котором говорилось, что вы намерены по завершении церемонии сразу же вернуться в Лондон, – начал сэр Эдвард довольно агрессивно. – Я полагаю, это какая-то ошибка?

– Здесь нет никакой ошибки, – ответил лорд Меридан.

– В моем доме вас ждет свадебный обед, – настаивал сэр Эдвард. – К тому же, Люсинде будет необходимо переодеться в дорожный костюм.

– Если Люсинда желает остаться и ехать в Лондон позже, – это ее личное дело, – высокомерно заявил лорд Меридан. – Мне жаль, что я причиняю вам неудобство, но в Лондоне меня ждут важные дела, требующие моего личного присутствия.

– Не могу представить, какое у вас сегодня может быть более важное дело, чем женитьба на моей дочери, – вмешалась леди Белвиль.

Лорд Меридан только слегка поклонился ей, не отвечая ни слова и давая понять своим молчанием, что он не разделяет ее мнения.

– О, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, – сказала Люсинда, – я могу поехать и в этом платье.

Она хотела еще что-то добавить, но мать отозвала ее в сторону.

– Как смела ты нацепить на голову этот нелепый венок? – спросила она. – У тебя совершенно немислимый вид. Ты слышала когда-нибудь, чтобы невеста была украшена красными розами?

– А ты слышала когда-нибудь, чтобы невеста выходила замуж за человека, которого она ни разу не видела и который готов бросить ее одну сразу после венчания? – ответила Люсинда.

Леди Белвиль уставилась на нее с изумлением.

– Ну знаешь, Люсинда! Похоже, твое новое положение уже ударило тебе в голову, – кисло сказала она.

Ситуацию неожиданно разрядила Эстер.

– Мне кажется, органист уже собирается играть свадебный марш, – сказала она, очевидно, совершенно не замечая, что разговор между ее отцом и новоиспеченным зятем идет уже на повышенных тонах, а ее мать и сестра обмениваются сердитыми взглядами.

Услышав голос Эстер, лорд Меридан обернулся и пристально посмотрел на нее.

Она была прелестна в пышном муслиновом платье, украшенном белыми кружевами, и с венком из белых камелий в золотистых волосах. В руках она держала букет из тех же цветов, и Люсинда подумала, что она навсегда останется в ее памяти такой, как сейчас.

Она повернулась к своему мужу, увидела, как он сжал губы, и поняла, что он сильно разгневан.

– Пойдемте, – быстро сказала она. – Я готова.

Она небрежно чмокнула мать в щеку и на секунду прижалась к отцу.

Ее отец тоже был крайне сердит. Она почувствовала это по тому, как сухо он ее обнял и при этом что-то недовольно пробурчал себе под нос.

Она протянула руку лорду Меридану, и под звуки свадебного марша они медленно двинулись к выходу, сопровождаемые любопытными, завистливыми и насмешливыми взглядами присутствующих.

Когда карета тронулась, лорд Меридан уставился прямо перед собой, выпятив нижнюю губу. Он пытался разобраться в том, что произошло. У него было неприятное чувство, что его здорово провели.

Он вспомнил разговор Чарльза Холстеда с его свояченицей и ее слова: «Моя сестра никогда не бывала в Лондоне» – и почувствовал, что именно в этих словах крылась разгадка тайны.

Он вспомнил, как леди Джерси говорила с сэром Эдвардом о его прелестной дочери, как после объявления о помолвке все только и обсуждали, как хороша собой его будущая жена и какое необыкновенное впечатление она произвела в обществе своей красотой.

Все постепенно вставало на свои места. Когда он делал предложение, он подразумевал, что его будущей женой будет Эстер. А вместо этого ему подсунули Люсинду! Он не проявил достаточной бдительности и в результате угодил в ловушку. Едва он увидел Люсинду у алтаря, ему следовало бы сразу отказаться жениться на ней.

И все из-за того, что вчера он слишком много выпил. Он еле добрался до своей кровати. А чтобы с утра прийти в себя и быть в состоянии отправиться к невесте, ему пришлось вышибать клин клином. Коньяк оживил его, но, с другой стороны, замедлил реакцию. А уж то отвратительное пойло, которое они пили на постоялом дворе, и вовсе не способствовало прояснению рассудка.

Какой же он был дурак! Если бы он вовремя сообразил, что к чему, он бы вышел из этой церкви свободным человеком. Правда, это означало бы, что все хлопоты были впустую и что надо начинать все сначала.

Он поднес руку ко лбу и, вероятно, застонал вслух, потому что тихий голос рядом с ним произнес:

– У вас болит голова? Неудивительно. И у меня голова просто раскалывается. Пожалуй, я сниму венок и фату.

Лорд Меридан кисло посмотрел на свою жену. Да, она уж точно не станет украшением для фамильных драгоценностей! Он пытался найти слова, чтобы высказать свои подозрения и недовольство по поводу случившегося. Но пока он размышлял, как ему начать, Люсинда его опередила.

– Надеюсь, вы не возражаете, что я надела венок из красных роз. Мама была просто в ужасе! Я полагаю, что все собравшиеся в церкви высказали что-нибудь ядовитое на этот счет, но я так жутко выглядела во всем белом – совсем как привидение, а кому же хочется быть похожим на привидение в день собственной свадьбы?

– Так вы никогда не бывали в Лондоне? – с упреком спросил лорд Меридан.

Люсинда повернулась к нему и по выражению его лица отлично поняла, что он имеет в виду.

– Откуда вы это знаете? – сказала она.

– Ваша сестра – кажется, ее зовут Эстер – упомянула об этом в разговоре с Чарльзом Холстедом, моим шафером.

– Так вы обо всем догадались? – спросила Люсинда.

Он не стал притворяться, будто не понял ее.

– Нет, – ответил он. – Я и не подозревал, что происходит, пока не увидел вас. Судя по тому, что мне рассказывали, я представлял свою

невесту несколько другой!

– Вы думали, что женитесь на Эстер? – сказала Люсинда просто. – Но она уже помолвлена с другим.

Последовала длительная пауза, а затем Люсинда добавила почти с вызовом:

– Вы же написали просто: «... руки Вашей дочери». Если вы хотели жениться именно на Эстер, надо было так и сказать. В этом случае папа, конечно, был бы вынужден отклонить ваше лестное предложение.

В ее голосе прозвучала нотка сарказма, не ускользнувшая от внимания лорда Меридана.

– Ваш отец наверняка отлично понимал, что я имел в виду. Он присутствовал, когда леди Джерси говорила о необычайной красоте его дочери. Разумеется, она имела в виду вашу сестру, так как вы даже ни разу не были в Лондоне.

– Папа был в крайне затруднительном положении, – спокойно сказала Люсинда. – Если на то пошло, это была моя идея – спасти семью от разорения и заодно заполучить себе мужа. Иначе родителям вообще вряд ли удалось бы меня пристроить.

Даже лорд Меридан был ошарашен подобной откровенностью.

– Что вы имеете в виду? – спросил он. – Что с вами не так?

– А вы посмотрите на меня! – ответила Люсинда.

Он повернулся к ней, но в полумраке кареты ему было трудно хорошо ее разглядеть. Он пришел к выводу, что у нее бледный, нездоровый цвет кожи и что прическа ей не идет. С другой стороны, нельзя было сказать, что она совсем дурнушка. Просто он думал, что, когда он представит в обществе новую графиню Меридан, она будет вызывать всеобщую зависть, так же, как его картины, лошади, мебель, роскошные дома и высокое положение. Было очевидно, что Люсинда вряд ли произведет то впечатление, на которое он рассчитывал.

– Ладно, дело сделано, и покончим с этим, – сказал он почти свирепо, злясь больше на себя, чем на нее.

Он понимал, что только его собственное высокомерие было причиной случившегося. Если бы у него хватило здравого смысла хоть раз повидаться с невестой до свадьбы, он немедленно расторгнул бы эту помолвку. Этот старый осел сэр Эдвард Белвиль выложил бы тридцать пять тысяч фунтов, которые он ему задолжал, а лорду Меридану было достаточно лишь попросить кого-нибудь из знакомых светских дам, и ему легко нашли бы подходящую невесту.

– Да, дело сделано, – со вздохом произнесла Люсинда. – С одной

стороны, я чувствую, что это было откровенным надувательством, с другой стороны, вы сами во всем виноваты! Трудно представить, чтобы человек покупал лошадь, не видя ее, – не говоря уже о жене!

– Я думаю, вы не должны говорить такие вещи, – заметил лорд Меридан и сам удивился, что ее слова так его шокировали.

– А почему бы и нет? – спросила Люсинда, посмотрев на него широко раскрытыми глазами. – Вы же попросту купили меня, разве не так? Вы простили папин долг, а это была, говоря по чести, очень большая сумма. А теперь вы перевели на мое имя пятьдесят тысяч фунтов! Может быть, вы хотите взять их назад?

– Нет, конечно! – воскликнул лорд Меридан, не зная, как вести себя в создавшейся ситуации, и чувствуя, что меньше всего он ожидал подобного разговора со своей женой.

– Я думаю, что лучше всего быть откровенными друг с другом, – сказала Люсинда. – Я ведь отлично знаю, почему вы женились на мне, – я просто буду вашим входным билетом в Олмак, не правда ли? С другой стороны, вы наверняка считаете, что я стану для вас настоящей обузой – тем более, что в отличие от Эстер я не буду столь ослепительна в роли хозяйки дома.

Лорд Меридан почувствовал себя неловко.

– Я этого не говорил, – сказал он.

– Зато я это говорю, – ответила Люсинда. – У меня нет никаких иллюзий относительно себя. Я всегда была источником разочарования для своих родителей. Когда я была маленькой, меня постоянно наказывали, а когда я выросла, они стали придираться ко мне по каждому поводу. Мама всегда переживала, что из меня никогда не получится настоящая леди – довольно смешно, если подумать.

– Что-то меня это не очень смешит, – кисло заметил лорд Меридан.

– Да, конечно, – согласилась Люсинда. – И потом, вы наверняка сочтете меня скучной и неинтересной по сравнению с экстравагантными женщинами, которые окружают вас в Лондоне. Я слышала про Хуаниту да Рива – она действительно очень хороша собой?

Лорд Меридан издал сдавленное восклицание и резко выпрямился.

– Боже мой! – вскричал он. – Где вы только наслушались этих сплетен? Как осмеливаетесь вы говорить о таких вещах! Неужели у вас нет никакого представления о благопристойности? Помните, что вы моя жена. И потрудитесь с достоинством носить мое имя.

– Мне очень жаль, – смиренно произнесла Люсинда. – Я не должна была этого говорить?

– Разумеется, нет, – сказал лорд Меридан и опять удивился, что ее слова вызвали у него такую реакцию.

Неожиданно экипаж остановился, и Люсинда, высунувшись из окна, увидела, что они стоят на перекрестке в нескольких милях от ее дома.

– Почему мы остановились? – спросила она и удивленно заметила, что лорд Меридан слегка замялся.

– Дело в том, – ответил он, – что Чарльз Холстед тоже должен был вернуться в Лондон, поэтому я отдал ему свой фаэтон. Он сейчас позади нас, и я подумал, что в экипаже очень душно и свежий воздух будет намного приятнее.

У Люсинды загорелись глаза.

– Какая замечательная идея! – воскликнула она. – Я тоже терпеть не могу экипажи, меня всегда тошнит в них. Я так боялась, что мне станет дурно, прежде чем я доберусь до Лондона. Но ехать в фаэтоне будет намного интереснее и быстрее.

Она снова взглянула в окно и издала возглас восхищения.

– А вот и он! Какие великолепные лошади и как отлично подобраны! Я всегда мечтала проехаться в таком высоком фаэтоне.

Прежде, чем лорд Меридан успел что-либо ей ответить, даже прежде, чем лакей спустился с запяток, чтобы открыть ей дверцу, Люсинда уже выскочила на дорогу и поспешила к стоящему неподалеку черно-желтому фаэтону, в который были впряжены две прекрасные лошади. Лорд Меридан снова приложил руку ко лбу. Как он должен объяснить этому непосредственному ребенку, что он планировал ехать в фаэтоне с Чарльзом, в то время как она будет степенно сопровождать их в карете? Он чувствовал, что если он будет настаивать, она не послушает его.

Возможно, на этот раз лучше ей уступить, но рано или поздно ему придется поставить ее на место.

Он только собрался выйти из экипажа, как увидел, что Люсинда идет обратно. В руках она держала шлейф своего белого атласного платья и, как заметил с неодобрением лорд Меридан, открывала при этом ноги почти до колен.

– Я забыла свой плащ, – весело объявила она. – Хорошо, что захватила его с собой, правда? Я не стала надевать его, когда мы вышли из церкви, потому что он довольно старый и поношенный, а купить новый не было времени. Он лежит на переднем сиденье. Вы не могли бы мне помочь... Эти юбки ужасно мешают.

Безропотно, не зная, что ей ответить, лорд Меридан вышел из экипажа и помог ей надеть плащ. Он был яркого голубого цвета, но сделан из

дешевой, грубой ткани и, как говорила Люсинда; сильно поношен. Однако голубой цвет, казалось, отражался в ее сияющих глазах, обращенных к нему.

– Вы были совершенно правы, – сказала она с ноткой горячего одобрения в голосе, – это куда интереснее, чем сидеть за свадебным обедом и выслушивать нудные речи!

Она побежала обратно и, вновь вызвав неодобрение лорда Меридана, взобралась на фаэтон, не дожидаясь помощи лакея. Она уселась рядом с Чарльзом, который держал поводья, и было совершенно очевидно, что она собиралась въехать в Лондон, сидя между своим мужем и его шафером.

Лорд Меридан взял свою шляпу и медленно направился к ним. Лошади нетерпеливо грызли удила. Чарльз крикнул ему:

– Поторопитесь, Себастьян! Я их едва удерживаю!

Лорд Меридан взобрался наверх и сел рядом с Люсиндой. Она издала восторженное восклицание и сказала:

– Хотела бы я, чтобы меня видела моя мама! Она упала бы в обморок от ужаса!

– В таком случае, возможно, вам лучше ехать в карете? – спросил лорд Меридан.

– Не имею ни малейшего желания, – упрямо заявила Люсинда.

– Хочешь взять вожжи, Себастьян? – спросил Чарльз. – Или первую половину дороги буду править я?

– Мы поменяемся с тобой в Поттерс-Бар, – ответил лорд Меридан.

– Отлично, – сказал Чарльз.

Он щелкнул кнутом, грум отпустил лошадей и вскочил на запятки. Свежий ветер ударил ей в лицо, и Люсинда почувствовала, как из ее прически вываливаются шпильки, волосы рассыпаются по плечам.

Это ее совершенно не беспокоило, она от души наслаждалась происшедшим! Она чувствовала себя свободной и раскованной. «Странное чувство для свадебного дня», – подумала она.

– Быстрее! Быстрее! – закричала она, а Чарльз посмотрел на нее и рассмеялся.

– Мы и так едем быстро, как только можем, – ответил он. – В Поттерс-Бар мы дадим лошадям передохнуть. Я думаю, Себастьян захочет выпить что-нибудь. Лично я не откажусь.

– Я только что почувствовала, как я голодна, – сказала Люсинда. – Сегодня с утра было столько дел, что я даже не успела позавтракать.

– Наверное, вы очень волновались, – посочувствовал ей Чарльз.

– Не особенно, – ответила Люсинда. – Я испытывала не столько страх,

сколько настороженность.

Она подумала минуту и добавила:

– Нет, наверное, это не совсем правда. Нат говорит, что каждый испытывает страх перед битвой.

– Перед битвой? – изумленно воскликнул лорд Меридан. – Вы считаете, что семейная жизнь это битва?

Она улыбнулась ему с извиняющимся видом.

– А разве нет? По крайней мере, Нат так думает.

– А кто такой Нат? – спросил он с неприятной ноткой в голосе. – Ваш возлюбленный? Я считал, что вы еще слишком молоды, чтобы заводить романы. Или, может быть, это была одна из причин, почему вы так спешили выйти замуж?

Он говорил таким оскорбительным тоном, что даже Чарльз взглянул на него с удивлением.

Но Люсинда только громко расхохоталась.

– Если бы вы видели Ната, навряд ли бы вы его приняли за моего возлюбленного, – сказала она. – Ему в этом году будет шестьдесят лет! Он наш грум и лучший знаток лошадей в графстве. Даже папа это признает, и его часто злит, что Нат разбирается в лошадях лучше, чем он!

– Ну что, получил, Себастьян? – тихо заметил Чарльз.

Лорд Меридан бросил на него сердитый взгляд и спросил:

– Так, значит, это грум Нат, или как его там, сообщил вам, что ваше замужество будет сродни битве?

– Он имел в виду не совсем это, – ответила Люсинда. – Мы просто говорил с ним о мужестве и о том, что испытывает боксер, когда он выходит на ринг. Видите ли, в течение многих лет Нат был чемпионом в своем весе.

– Я вижу, Себастьян, что у Ната столько достоинств, что тебе будет трудно с ним тягаться, – насмешливо сказал Чарльз.

– А я нахожу, что было бы лучше, если бы моя жена перестала повторять сплетни, которые она слышала на конюшне, – раздраженно сказал лорд Меридан.

Люсинда с недоумением переводила взгляд с одного на другого и, не вполне понимая, о чем идет речь, замолчала. Да ей и не хотелось разговаривать. Она испытывала такое удовольствие от этой скачки, от того, как узкая лента дороги исчезала под копытами лошадей, что у нее участилось дыхание и разругались щеки.

Они миновали деревушку Хатфилд и увидели перед собой зеленые волнующиеся поля, за которыми находился Поттерс-Бар. Приблизившись к

поселку, они обратили внимание на огромную толпу людей. С высоты фаэтона Люсинде было прекрасно видно, что там происходит.

По кругу водили лошадей самых разнообразных мастей, некоторых вели в поводу местные фермеры, некоторых – лохматые черномазые цыганята.

– Это же лошадиная ярмарка! – воскликнула Люсинда, – Я забыла, что ее устраивают именно сегодня.

– Не сомневаюсь, что если бы вовремя об этом вспомнили, свадьбу пришлось бы перенести, – сказал лорд Меридан.

– Жаль было бы прозевать ярмарку, – ответила Люсинда. – Нат говорит, что в Поттерс-Бар лошадей можно купить дешевле, чем где бы то ни было. Именно здесь он приобрел Чайку, и полученные ею призы в десять раз окупили ее стоимость.

– А что, Себастьян, не хочешь посмотреть лошадей? – спросил Чарльз.

– О, пожалуйста, давайте посмотрим! – воскликнула Люсинда. – Ведь жаль будет прозевать такое событие! Пожалуйста, давайте остановимся!

– Ну, давай же, Себастьян, решайся! – сказал Чарльз и, не дожидаясь ответа, остановил лошадей.

Грум соскочил с запяток и взял поводья. Чарльз спустился вниз и повернулся, чтобы помочь Люсинде. Но она уже опередила его и прыгнула на землю. Последние шпильки выпали из ее прически, и длинные черные волосы рассыпались по спине. Она недовольно тряхнула головой и подхватила шлейф своего платья.

– Пойдемте со мной, – сказала она нетерпеливо. – Я знаю, где лучше всего видно. Нужно идти к тому месту, откуда лошадей выводят на ринг.

Не дожидаясь мужчин, она повернулась, и стала быстро пробираться сквозь толпу. Они догнали ее лишь у входа на ринг.

– Если над ним поработать, его можно было бы выставить на соревнованиях, – сказала она, указывая на молодого жеребца, которого с рассеянным видом вел в поводу молоденький парнишка, послушно следуя указаниям, которые ему выкрикивал толстый пожилой владелец коня.

– Я даже знаю, почему его продают, – продолжала она, понизив голос. – Могу поспорить, что его хозяин просто не может с ним справиться.

– Мы пройдем на ринг, – высокомерно заявил лорд Меридан.

Сопровождаемые пришедшей в восторг Люсиндой, они с Чарльзом прошли мимо служителей и встали в самом центре ринга, рассматривая лошадей, которых вели по кругу.

– Могу ли я чем-нибудь помочь, милорды?

Это был посредник с хитрым выражением лица, один из тех, которые

встречаются на каждой лошадиной ярмарке. У него была заискивающая улыбка, а глаза его воровато бегали из стороны в сторону, и Люсинда с первого взгляда почувствовала к нему недоверие.

Лорд Меридан даже не удостоил его ответом, а Чарльз Холстед резко сказал: «Спасибо, мы справимся сами».

– Если я понадобится вам, милорды, я буду здесь, неподалеку.

Посредник откланялся и отошел в сторону. Люсинда рассматривала лошадей, совершенно не замечая, что ее развевающиеся волосы и странный наряд привлекают всеобщее внимание.

Лорд Меридан и Чарльз принялись обсуждать достоинства жеребца, на которого она обратила внимание в самом начале, и в этот момент Люсинда увидела жеребенка, стоявшего в стороне от ринга. Он пытался встать на дыбы, напуганный толпой людей и близостью лошадей, но даже одного взгляда было довольно, чтобы оценить его достоинства.

Не потрудившись никого предупредить, она поспешно направилась к нему и сразу поняла, что это очаровательное создание было хороших кровей и обладало темпераментом, так необходимым для скаковых лошадей.

Жеребенка держал за уздечку юноша лет пятнадцати, с виду похожий на фермерского сына. Она разговорилась с ним, и он с гордостью сообщил, что мать жеребенка была в свое время победительницей на многих скачках.

– Сколько ты хочешь за него? – наконец спросила Люсинда.

Она помнила наставления Ната о том, что к вопросу о цене надо подходить издали и осторожно, но она очень спешила, и к тому же юноша вызывал доверие. И было видно, что он не будет пытаться обмануть ее.

– Десять фунтов или побольше, если удастся.

Люсинда вздохнула. Десять фунтов было слишком дорого для такого жеребенка.

И тут она неожиданно вспомнила, что она богата! Достаточно богата, чтобы купить лошадь, которая ей понравилась, хотя она не имела ни малейшего представления, где и как она ее будет содержать.

Она с улыбкой повернулась к юноше.

– Не продавай ее никому, я скоро вернусь.

И она побежала через поле по направлению к реке.

Лорд Меридан и Чарльз только что обнаружили ее отсутствие и с беспокойством отправились на ее поиски, считая недопустимым, чтобы леди Меридан где-то разгуливала по захолустной лошадиной ярмарке в полном одиночестве.

– Вы только посмотрите, что я нашла! – быстро проговорила Люсинда, возбужденно схватив лорда Меридана за руку и пытаясь тянуть его за собой.

– Где вы были? – сердито спросил он. – Вы не должны ходить здесь одна!

– Со мной все в порядке, – ответила Люсинда и только тут сообразила, что за последние четверть часа она совершенно забыла о том, что она теперь замужняя женщина, да к тому же еще занимающая высокое положение в обществе.

– О, простите, – поспешно извинилась она, – но здесь никто меня не знает. Они не имеют понятия, что я ваша жена, так что ничего страшного. Пойдемте же посмотрим этого жеребенка! Я уверена, что это будущий чемпион! О, если бы только Нат был здесь!

– Нам, конечно, тяжело соперничать с несравненным Натом, но, может быть, наш совет все-таки вам пригодится? – предложил лорд Меридан.

– Да... конечно, – сказала Люсинда. – Я хотела бы знать ваше мнение. Он стоит всего десять фунтов. Я понимаю, что это большие деньги, но не могли бы вы... одолжить мне эту сумму? Папа сказал, что я буду получать проценты с тех денег, которые вы положили на мое имя, а мне хотелось бы купить эту лошадь больше всего на свете... если вы, конечно, не против.

Она доверчиво обратила свое раздумывавшееся лицо к лорду Меридану и тут услышала, как Чарльз рассмеялся.

– Десять фунтов, Себастьян! Уж не знаю, осилишь ли ты такую сумму?

– Я хочу сначала взглянуть на жеребенка, – ответил лорд Меридан. – На этой захудалой ярмарке навряд ли может найтись что-либо приличное.

Он почувствовал, как Люсинда отпустила его руку, и с неожиданной проницательностью осознал, что она не обиделась на его сомнения в правильности ее выбора, а просто боится, что он сам плохо разбирается в лошадях и отговорит ее покупать жеребенка.

В глубине его сознания шевельнулось давно забытое воспоминание. Он был еще совсем маленьким, лет шести или семи, и отец привел его на конюшню, попросив выбрать лошадь, которая, по его мнению, была самой лучшей. Он указал на ту, которая понравилась ему больше других, и последовавший за этим взрыв хохота до сих пор стоял у него в ушах. Его гордость была задета, хотя он и не показал этого; он так и не смог забыть эту обиду.

– Ну так где же это бесценное сокровище? – спросил он более добродушно, заставив Чарльза сдержать ядовитую реплику, готовую

сорваться с его губ.

Они отправились к юноше с жеребенком, но посредник, подходивший к ним вначале, успел опередить их.

– О, милорд, я был уверен, что вы разглядите эту жемчужину, – сказал он. – Это действительно настоящая лошадь, и ваша милость еще убедится в этом, когда со временем выставит его на скачках в Ньюмаркете!

– Убирайтесь! – ответил лорд Меридан. – Я имею дело не с вами!

– Как будет угодно вашей милости, – ответил посредник, но Люсинда успела перехватить взгляд, который он напоследок бросил на юношу.

– Он все равно заберет у него почти все деньги в качестве комиссионных, – тихо сказала она и, обратившись к юноше, спросила: – Сколько он собирается получить с тебя?

– Он сказал, что я должен отдать ему половину, – ответил тот.

– Но это нечестно! – воскликнула Люсинда.

– Я должен буду заплатить ему, – с несчастным видом ответил юноша. – Если я откажусь, он устроит мне какую-нибудь неприятность.

– Зачем тебе понадобились деньги?

– Первого числа нам нужно платить по закладной, а зима была очень тяжелой. Я не хотел продавать Сэра Галахада, но отец нигде не смог найти денег.

– Сэр Галахад, – задумчиво повторила Люсинда. – Почему ты дал ему такое имя?

– Я слышал это имя, когда учился в школе, – ответил юноша, – оно просто запомнилось мне.

Лорд Меридан и Чарльз рассматривали жеребенка, и по выражению их лиц Люсинда поняла, что он им понравился.

Она подождала пока они закончат осмотр, а затем встревоженно спросила:

– Я могу купить его?

– Вы первая его увидели, если вы раздумаете его покупать, тогда я возьму его.

– Как захочет Люсинда, – сказал лорд Меридан.

На лице Люсинды засияла улыбка.

– Вы хотите сказать, что одолжите мне денег?

– Конечно, – ответил тот и вытащил кошелек.

– Подождите минуту, – сказала Люсинда и оглянулась через плечо. Посредник стоял невдалеке. Он притворялся, что разглядывает лошадей на ринге, но было ясно, что на самом деле он пристально следит за всеми их действиями.

– Ты сказал ему, что назначил мне цену в десять фунтов? – спросила Люсинда у юноши, чувствуя, что тот был слишком честен, чтобы солгать.

Юноша молча кивнул.

– А того, что у тебя останется, хватит, чтобы заплатить по закладной? – спросила она.

– Не совсем, – ответил он, – но все-таки это будет большой подмогой.

– Послушайте, – сказала она. – Если мы дадим ему пятнадцать фунтов, он отдаст пять из них этому отвратительному типу, и у юноши останется десять фунтов.

– Вы слишком великодушны, – ответил лорд Меридан.

– Ну пожалуйста, – сказала она. – Я очень хочу купить эту лошадь, но я также хочу помочь бедному юноше.

– Это ваши деньги, – серьезно ответил лорд Меридан.

– Но вы уверены, что они не сговорились между собой?

Секунду Люсинда колебалась.

– Я так не думаю, – наконец сказала она. – Этот юноша кажется мне честным и порядочным. Он не способен на обман, это видно по его глазам.

– Вы всегда судите о людях по глазам? – неожиданно спросил лорд Меридан.

В ответ она рассмеялась.

– Вы не обескуражите меня таким вопросом, – сказала она. – Разумеется, я тщательно разглядываю людей со всех сторон, так же, как лошадей на ярмарке!

Она снова рассмеялась, и, к его собственному изумлению, лорд Меридан присоединился к ней.

Затем он подозвал к себе юношу.

– Подойди сюда, любезный, – сказал он. – Вот тебе пять фунтов. Отнеси их тому негодяю и скажи, что ему крупно повезло, что он их вообще получил. Потом отведи лошадь к себе домой, а я пришлю за ней своего грума. Меня зовут лорд Меридан. Грум принесет тебе остальные деньги и, благодаря этой леди, возможно, даже больше, чем ты просил. Короче говоря, если ты будешь держать язык за зубами, тебе не придется беспокоиться о закладной, по крайней мере, на этот год. Понятно?

– Понятно, милорд. Огромное вам спасибо, и вам, миледи.

– Где ты живешь? – спросила Люсинда.

– Белл Фарм, – ответил юноша. – Любой в здешних местах покажет вам дорогу.

– Очень хорошо, – сказал лорд Меридан. – Мой грум прибудет завтра. Смотри, не повреди лошадь, теперь она принадлежит ее светлости.

– Я буду беречь ее как зеницу ока, милорд, – пообещал юноша.

Но лорд Меридан не слышал его ответа. Он уже повернулся и направился через поле к фаэтону. Он почувствовал, как маленькая ручка схватила его за руку и увидел обращенное к нему лицо Люсинды и ее сверкающие от счастья глаза.

– Спасибо вам... спасибо! – сказала она. – Я не ожидала, что кто-нибудь может быть таким добрым, таким великодушным! Этот юноша был так вам благодарен! А у меня впервые в жизни появилась собственная лошадь.

– Пятнадцать фунтов это огромные деньги, – сказал Чарльз, но Люсинда даже не поняла, что он ее поддразнивает.

– О да, конечно, – серьезно согласилась она. – Но вы же сами понимаете, что если бы мы не дали этому бедняге лишних пять фунтов, он не смог бы заплатить по закладной.

– И, без сомнения, эта мысль лишила бы нас сна, – сказал лорд Меридан.

– Для фермеров эта зима была очень тяжелой, – заметила Люсинда. – Но вы, конечно, и сами видели это в своем имении, разве не так?

Она была удивлена, когда лорд Меридан не ответил ей, а Чарльз, искоса поглядывая на него, сказал:

– Конечно же ты все это видел, Себастьян! Я знаю, как глубоко это тебя взволновало!

– Заткнись, Чарльз! – резко сказал лорд Меридан.

Они подошли к фаэтону, и он помог Люсинде взобраться на переднее сиденье.

– Интересно, – сказал он, – будете ли вы через год так же удовлетворены такой покупкой, и будет ли сумма в пятнадцать фунтов казаться вам столь огромной?

– Ну, этот год надо еще прожить, – сказала Люсинда, и когда мужчины уселись по обе стороны от нее, а лорд Меридан взял поводья, она добавила: – Но всякий раз, когда я буду смотреть на Сэра Галахада, я буду вспоминать день своей свадьбы.

– Лучшей причины, чтобы запомнить этот день, и представить нельзя, – насмешливо протянул Чарльз, взглянув на лорда Меридана поверх ее головы.

– Поздним вечером они наконец прибыли в Лондон.

Они задержались в придорожном трактире в Поттерс-Бар, разговаривая с торговцами лошадьми, прибывшими сюда со всех концов страны на ярмарку, и к тому моменту, когда они заканчивали свою трапезу,

отдельный кабинет, предоставленный лорду Меридану, был заполнен всякого рода людьми. Люсинде все происходящее казалось крайне интересным и занимательным, но когда она впервые увидела Лондон, остальные впечатления померкли. По мере того, как они приближались к Лондону, стада коров и овец встречались все реже и уступили дорогу спешащим на рынок повозкам со свежими овощами и фруктами. Роскошные экипажи, дверцы которых были украшены всевозможными гербами, перемежались с фаэтонами и открытыми колясками. Ими управляли щеголеватые молодые люди, которых Чарльз назвал коринфянами. Вокруг сновала разноцветная толпа пешеходов, некоторые из них своим необычным видом повергли Люсинду в полное изумление.

– Ой, посмотрите, вон танцует обезьянка с бубном в руке! – воскликнула она. – А вон медведь! Надеюсь, его не загонят в какую-нибудь жалкую яму, чтобы спустить на него собак!

– Возмутительное зрелище! – сказал Чарльз Холстед. – Ты согласен со мной, Себастьян?

Лорд Меридан, погруженный в свои мысли, очнулся при этом вопросе.

– Во всяком случае, я не хотел бы, чтобы моя жена когда-нибудь присутствовала при этом, – ответил он.

– Еще бы! – поспешно сказал Чарльз Холстед. – Если на то пошло, вообще не принято, чтобы светские дамы присутствовали при любых спортивных состязаниях.

– Вы хотите сказать, что мне никогда больше нельзя будет смотреть кулачные бои? – с ужасом воскликнула Люсинда.

– А вы хотите сказать, что вы уже их смотрели до этого? – с не меньшим ужасом спросил лорд Меридан.

– Да сотню раз! – ответила Люсинда. – Разумеется, мама и папа об этом не знали. Меня брал с собой Нат. Это было восхитительное зрелище! В последний раз я так кричала, что чуть не сорвала голос!

– Мне ни разу не приходилось видеть дам из общества на кулачных боях, – сказал Чарльз Холстед. – Но, может быть, Себастьян найдет способ провести вас туда незамеченной!

– В жизни не сделаю ничего подобного, – решительно заявил лорд Меридан.

По его интонации Люсинда поняла, что ей лучше не спорить. Он подобрал поводья и мастерски направил экипаж в центр движения, которое становилось все оживленнее по мере их приближения к центру города. Проезжая мимо фешенебельных магазинов, Люсинда с горящими глазами разглядывала витрины, представляя себе, как восхитительно будет иметь

возможность покупать роскошные туалеты, сшитые по последнему крику моды, а не пытаться копировать платья, увиденные на картинках в дамских журналах.

Пока она размышляла об этом, магазины остались позади, и они въехали на огромную площадь, окруженную особняками.

– Вот вы и дома! – заметил Чарльз, и вдруг воскликнул: – рог мой, Себастьян, ты только взгляни, что стоит у ворот твоего дома!

Лорд Меридан придержал лошадей, и они остановились посреди площади, разглядывая великолепный экипаж, стоящий справа от них. По роскошным зеленым с золотом ливреям лакеев, окружающих экипаж, Люсинда догадалась, что они служат коронованной особе.

– Принц, как пить дать! – тихо воскликнул Чарльз. – Себастьян, тебе подготовили торжественную встречу!

– Черт возьми! – сказал лорд Меридан. – Я никак не ожидал, что его королевское высочество лично явится поздравить меня!

– Я полагаю, что он приехал не один, – сказал Чарльз, и в его голосе прозвучало нечто похожее на предостережение.

– Да? – безучастно спросил лорд Меридан, затем пожал плечами. – Пожалуй, нам лучше пойти и поприветствовать его, хотя в настоящую минуту я гораздо больше обрадовался бы бокалу вина, чем принцу!

– Но послушай, Себастьян, ты же не можешь представить им Люсинду в таком виде!

Люсинда быстро повернулась к Чарльзу и увидела выражение его лица. Только сейчас она представила себе, на что она похожа: ее подвенечное платье было измято и испачкано грязью, на плечи наброшен старенький плащ, а спутанные от ветра волосы рассыпаны по плечам!

– Я не могу быть представленной принцу в таком виде, – сказала она с ужасом, пытаясь кое-как привести в порядок свои волосы.

– Дело даже не столько в принце, сколько в том, кто его сопровождает, – тихо заметил Чарльз.

Лицо лорда Меридана потемнело.

– Какое это имеет значение? – спросил он с бравадой в голосе.

Он стегнул лошадей и фаэтон тронулся с места.

– Себастьян, ну не будь же таким дубоголовым! – вскричал Чарльз. – Завтра всему Лондону будет известно, что Люсинда провела свой свадебный день на лошадиной ярмарке! Подумай только, что скажет Комитет Олмака! Сомневаюсь, что после этого она будет туда допущена, не говоря уже о тебе! Поезжай сначала на конюшню. Мы с Люсиндой войдем в дом через заднее крыльцо.

На мгновение Люсинде показалось, что лорд Меридан не согласится. Она чувствовала, что все эти увертки ему совсем не по душе. В то же время нельзя было не признать, что Чарльз говорит разумные вещи.

– Черт возьми! – сердито воскликнул лорд Меридан. – Вот результат того, что я обзавелся женой и пытаюсь быть уважаемым семьянином!

Чарльз рассмеялся.

– Это еще цветочки! Ты еще взвоешь от своей уважаемости. Зато до этого ты на славу повеселился!

– Да заткнись ты! – рявкнул на него лорд Меридан.

Однако он все же послушался Чарльза и, обогнув дом, остановился возле конюшен. Чарльз и Люсинда сошли. Небрежно поклонившись, лорд Меридан отъехал от них.

– А кто же приехал с принцем Уэльским? – с любопытством спросила Люсинда, как только фаэтон скрылся из виду.

– Да я просто подумал, что принц, возможно, захватил с собой кого-нибудь из друзей, – уклончиво ответил Чарльз.

У нее было такое ощущение, что Чарльз чего-то недоговаривает. Он провел ее через конюшни, предупредив, что сейчас не время рассматривать лошадей, и по крытому переходу они направились к дому. Обогнув декоративный садик, они очутились в темном коридоре, в конце которого виднелась ведущая наверх лестница.

– Пойдемте, я проведу вас черным ходом, – сказал Чарльз. – Я приблизительно представляю, в какой комнате вас должны разместить.

Чувствуя себя заговорщиками, они тихо поднялись по лестнице. Затем Чарльз открыл какую-то дверь, и они очутились в просторном холле, по обе стороны которого были расположены двери, а в конце – широкая парадная лестница, очевидно, ведущая на нижний этаж. Холл, украшенный великолепной мебелью, картинами, люстрами, слегка подавлял своим великолепием. Люсинда озиралась по сторонам, а Чарльз в это время приоткрыл одну дверь, закрыл ее и приоткрыл другую.

– Ага, вот и ваша спальня! – воскликнул он. – Вещи уже здесь. Должно быть, карета немного нас опередила.

Через его плечо Люсинда увидела, что на полу комнаты стоит ее чемодан, а две горничные разбирают ее вещи. Глядя на их белоснежные накрахмаленные чепчики, она со смущением вспомнила неряшливый вид деревенских девушек, которые служили горничными у них в доме.

– Не унывайте! – сказал он. – Вы похожи на заблудившегося щенка, которого оставили под дождем.

– Именно так я себя и чувствую, – призналась она. – Как бы мне

хотелось снова очутиться на ярмарке, а не здесь!

– Все будет хорошо, – ласково сказал Чарльз Холстед. – Я понимаю, что поначалу вас слегка пугает непривычная обстановка.

Люсинде показалось, что он пытается ее не только подбодрить, но и слегка подготовить к тому, что ее ждет впереди.

Внезапно она услышала голоса и быстро прошептала:

– Я хочу пойти взглянуть на принца. Он действительно так хорош собой, как говорят?

Она на цыпочках подкралась к парадной лестнице и, спрятавшись за перилами, украдкой взглянула вниз.

Мраморный пол, выложенный черно-белыми квадратами, был покрыт роскошными персидскими коврами, а стены были обшиты белыми с золотом панелями. Посреди холла Люсинда увидела разодетого до нелепости человека, совершенно не похожего на все портреты, виденные ею. И тем не менее она сразу поняла, что это и был тот самый легендарный, романтический и непредсказуемый принц Уэльский, о котором по всей стране рассказывали невероятные истории. Трудно было также определить, где заканчивается правда и начинается вымысел.

Один факт был неоспорим – принц был толст; несмотря на туго затянутый корсет и на периодические попытки принца ограничивать себя в еде, он был, несомненно, дородным человеком и в дальнейшем обещал располнеть еще больше.

Плотно облегающие панталоны только подчеркивали его выпяченный живот, а безупречно сшитый голубой атласный камзол был с трудом застегнут на все украшенные бриллиантами пуговицы. Белоснежный галстук отчасти скрывал его тройной подбородок, однако лицо у него было, несомненно, красивым, с правильными чертами и ясными, темными глазами.

В целом, решила Люсинда, в нем было что-то величественное, а его низкий, глубокий голос оказался именно таким, как она ожидала.

– Я в отчаянии, мой дорогой Меридан, – говорил принц, – что нам придется уехать, не повидав твою невесту, но в Кларенс-хаусе сегодня большой прием, и я не могу заставить моих гостей ждать.

– Да, конечно, сир, – согласился лорд Меридан. – Я глубоко тронут, что вы были так любезны и посетили нас. Моя жена будет страшно огорчена, что не смогла воспользоваться случаем быть вам представленной, но брачная церемония и дорога сильно утомили ее. Боюсь, что у нее началась мигрень.

Люсинда взглянула на Чарльза и с трудом подавила смешок.

– Ну что ж, будем надеяться, что это не испортит вашу брачную ночь, – сказал принц, и у Люсинды сразу пропало всякое веселье, как только она представила сальный блеск в глазах и непристойную ухмылку на лице его королевского высочества, хотя со своего места она и не могла этого видеть.

В этот момент в холле появилась женщина.

– О, это было бы настоящей катастрофой, – произнесла она высоким голосом, в котором явственно прозвучала неискренность. Взглянув вниз, Люсинда увидела, как она положила обтянутую белой перчаткой руку на плечо лорда Меридана.

Это была красивая и изящная женщина, притом одетая в такое фантастическое платье, какое ей даже не снилось.

Мода, появившаяся во Франции с установлением Директории, достигла Лондона и произвела настоящий революционный переворот.

Платье на незнакомке было с глубоким прямоугольным вырезом, крохотными воздушными рукавчиками «фонариком» и с высокой талией, подчеркивающей округлую линию груди. Но больше всего Люсинду потрясло то, что, сделанное из тончайшего муслина, платье было совершенно прозрачным и скорее обнажало, чем скрывало изящные контуры ее фигуры. Если на даме и было что-то надето; под платьем, то этого было совсем не заметно. Ее волосы украшала великолепная тиара из бирюзы, в точности подходившая по цвету к ожерелью и лентам на ее платье. Незнакомка была прелестна, как ангел, хотя слово «ангел» казалось не совсем подходящим. В ее утонченной изысканности, в ласкающих звуках ее низкого аристократического голоса таилась опасность.

Принц направился к выходу, однако она не сделала попытки последовать за ним. Вместо этого она обратила лицо к лорду Меридану, и Люсинда увидела, как она взглянула на него из-под полуопущенных длинных темных ресниц.

– Наверное, это было очень утомительно? – мягко спросила она. – Ну не беда, Себастьян, главное, что вы теперь женаты и Олмак вновь открыт для вас.

– Вы отлично знаете, что не в Олмаке дело, – ответил лорд Меридан.

Он говорил очень тихо, и Люсинда едва могла расслышать его слова.

– Да, я знаю, – ответила женщина, – но как член Комитета я должна была соблюдать осторожность, пока вы были в опале. Теперь мы можем начать все сначала.

– Вы уверены?

Должно быть, этот вопрос удивил ее, так как она широко раскрыла

глаза, и Люсинда увидела, что они совсем не голубого цвета, как она почему-то решила, а зеленого, со странными желтыми крапинками, что придавало ее лицу почти кошачье выражение.

– Ну конечно же, Себастьян, – сладко промурлыкала она, вкладывая в эти слова какой-то тайный смысл. – Заезжайте ко мне завтра.

Он коснулся губами ее руки, и она грациозно направилась к выходу, чтобы присоединиться к принцу.

Лорд Меридан долго смотрел ей вслед, затем повернулся и вышел из комнаты.

Люсинда поднялась на ноги. Глаза ее на побледневшем лице казались непомерно большими.

– К-кто эта женщина? – с запинкой произнесла она.

– Я говорил вам, чтобы вы отправлялись в свою спальни, – резко ответил Чарльз. – Настоящая леди никогда не станет подсматривать из-за перил!

– А я вовсе не леди, – сварливо пробурчала Люсинда. – Я неотесанная деревенщина, которая никого и ничего не знает, поэтому ответьте мне, кто она?!

– Если вы имеете в виду даму, которая сопровождала принца Уэльского, то это леди Деверо, – ответил Чарльз. – Ее муж занимает высокое положение при дворе его королевского высочества.

– Она одна из распорядительниц в Олмаке? – спросила Люсинда.

В голове у нее все постепенно вставало на свои места. До сих пор ей казалось странным, что лорд Меридан, с его репутацией, так стремится вновь попасть в этот обычный светский клуб, который, в конце концов, был простонапросто местом встреч для тех, кто считал себя «сливками общества».

– Он ее любит?

Она задала этот вопрос без задней мысли и увидела, как на лице Чарльза Холстеда отразилось изумление.

– Ну знаете, Люсинда! – слегка напыщенно произнес он. – Как можете вы задавать мне такие вопросы?!

– А у кого же я еще могу спросить? – сказала она. – Я слышала про Хуаниту да Рива, но я ничего не знала о леди Деверо.

– Вы слышали про Хуаниту? – тупо повторил Чарльз.

Люсинда кивнула.

– Но... лорд Меридан сказал, что я не должна о ней говорить.

Она не могла заставить себя произнести «мой муж» и не знала, как назвать его по-другому.

– Еще бы! – горячо отозвался Чарльз Холстед. – Я считал, что вы простая, скромная провинциальная барышня, воспитанная вдали от света. Где вы могли услышать все эти сплетни?

Неожиданно на щеках Люсинды показались ямочки.

– Сказать по правде, я подслушала разговор Ната с одним кучером, – призналась она. – К маме приехали какие-то люди с визитом, а поскольку до этого они не проявляли к нам никакого интереса, я решила улизнуть. Когда я подходила к конюшням, их кучер как раз рассказывал Нату, сколько лорд Меридан заплатил за лошадей, которых он подарил Хуаните да Рива. «Надо сказать, она этих денег стоит, – говорил он. – Огонь, а не баба! Я видел, как она отплясывала в Ковент-Гардене. По чести, я бы тоже не пожалел для нее пары лошадок!»

Чарльз был совершенно шокирован.

– Я надеюсь, вы не рассказывали этого Себастьяну? – выдавил он из себя.

– О нет! Я просто спросила у него, правда ли, что она очень красива, – ответила Люсинда.

– Представляю, каково ему было слышать от вас подобный вопрос, – сурово проговорил Чарльз.

– А проследи Деверо мне никто ничего не сказал, – обиженно пожаловалась Люсинда.

– Послушайте, Люсинда, – с тревогой произнес Чарльз. – Себастьян сам себе закон. Вы же не рассчитывали, что он вел себя как монах!

– Разумеется, нет, – ответила Люсинда. – Но она такая модная и красивая. Рядом с ней я буду казаться совсем дурнушкой. Это все равно как очутиться снова рядом с Эстер.

– А, так вас волнует ваша внешность, – с облегчением сказал Чарльз. – Ну, все в ваших силах. Купите себе несколько новых платьев, сделайте модную прическу... Не Можете же вы ходить с распущенными волосами, как сейчас.

– Разумеется, нет, – согласилась Люсинда. – А где она покупает платья, я имею в виду леди Деверо?

– Черт подери, откуда я могу это знать? – начал было говорить Чарльз, но тут же остановился, – Хотя, послушайте! Помнится, как-то раз она заставила меня околачиваться там битый час, да еще лошадей пришлось удерживать, они совсем потеряли терпение. Это заведение мадам Бертен на Бонд-стрит. Она одевает половину самых модных женщин в Лондоне. Как мне говорили, она на этом собаку съела.

Люсинда улыбнулась.

– Спасибо вам, я непременно отправлюсь туда.

– Говорят, за свои услуги она дерет три шкуры, – сказал Чарльз. – Но я думаю, Себастьяна это не особенно встревожит, у него достаточно тугой кошелек.

В этот момент в конце коридора отворилась дверь, и пожилая женщина в черном шелковом платье и со связкой ключей на поясе торопливо направилась в их сторону. Увидев Люсинду, она остановилась и сделала глубокий реверанс.

– Я прошу прощения, миледи, но меня не известили о том, что вы уже прибыли, – извиняющимся тоном сказала она. – Я поручила одному из лакеев доложить мне немедленно, как только вы подъедете. К сожалению, он пренебрег своими обязанностями.

– Он совсем не виноват, – поспешно заверила ее Люсинда. – Мы с полковником Холстедом поднялись по черной лестнице. Просто я не была готова встретиться с его высочеством в таком виде.

– Ах, вот в чем дело! Теперь мне все понятно, миледи. Комната для вашей светлости уже готова.

– Благодарю вас, миссис... – Люсинда выжидательно замолчала.

– Миссис Ватсон, миледи. Я состою в этом доме в должности экономки вот уже двадцать пять лет, сначала при матушке его светлости, а теперь при нем. Позвольте, я покажу вам дорогу...

Она бросила неодобрительный взгляд в сторону Чарльза, как будто считала его присутствие здесь совершенно неуместным. Он понял намек и дружески протянул Люсинде руку.

– Мне пора идти, – сказал он. – Желаю счастья, и не вешайте носа!

– Когда я снова увижу вас? – спросила Люсинда.

– Не сегодня, – ответил он, и Люсинда сообразила, что было бы неслыханным, если бы в день свадьбы жених и невеста пригласили к ужину посторонних.

– До свидания, – сказала она с сожалением, потом, спохватившись, сделала реверанс, повернулась и направилась к себе в комнату.

Спустя два часа, приняв ванну и переодевшись, Люсинда спустилась по широкой лестнице в библиотеку, где, как ей доложили, ее ожидал лорд Меридан. Она надела свое самое нарядное вечернее платье из персикового атласа, но при этом все равно удрученно сознавала, что оно безнадежно отстало от моды и не шло ни в какое сравнение с платьем леди Деверо. По крайней мере, она надеялась, что с высокой прической и украшенная бриллиантами, которые ей прислал лорд Меридан, она имеет вполне презентабельный вид. Прежде чем выйти из своей комнаты, она бросила

последний взгляд в зеркало, и ее охватило непреодолимое желание спросить у миссис Ватсон, что все-таки у нее не так. Подумав, она решила, что неуместно задавать такие вопросы экономке, тем более, что та навряд ли сможет дать ей дельный совет.

Люсинда и так уже запаздывала к ужину и понимала, что дольше мешкать нельзя и ей все равно придется спуститься вниз. Но одно дело было беспечно болтать на ярмарке или в фаэтоне в присутствии Чарльза Холстеда, который своим смехом и поддразниваниями в адрес лорда Меридана заставил Люсинду забыть и ее нелепый вид, и ее странную свадьбу, и тот факт, что теперь она замужняя дама. И совсем другое дело остаться в этом огромном безмолвном доме, подавляющем своей роскошью, наедине с человеком, которого она никогда не видела до сегодняшнего дня и с которым теперь ее неразрывно связывали брачные узы.

Два лакея распахнули перед ней двустворчатую дверь из красного дерева, и она вошла в огромный зал, освещенный сотнями мерцающих свечей.

Лорд Меридан стоял в дальнем конце комнаты спиной к горящему камину. Он переоделся в безупречно сшитый вечерний фрак из серого атласа, и лишь теперь Люсинда осознала, как он хорош собой и в то же время насколько он подавляет своим присутствием. Нахмурясь, он следил за ее приближением, и с замиранием сердца Люсинда почувствовала, как его злит то обстоятельство, что он вынужден оставаться дома и ужинать с ней, вместо того чтобы присоединиться к принцу и леди Деверо в Кларенс-хаусе.

– Я надеюсь, мои слуги проявили о вас надлежащую заботу? – заметил лорд Меридан, когда Люсинда приблизилась к камину.

– Благодарю вас, они были очень внимательны, – ответила она. – Мне жаль, что я опоздала к ужину, но мои волосы так спутались на ветру, что понадобилась уйма времени, чтобы их расчесать и уложить.

– О да, конечно, – рассеянно ответил лорд Меридан.

Она почувствовала, что его ни в малейшей степени не интересуют ни ее прическа, ни она сама, и была рада, когда наконец открылась дверь и дворецкий объявил, что ужин подай.

Пройдя по коридору, они вошли в огромную столовую, в центре которой стоял огромный, до блеска отполированный стол, заставленный раззолоченной утварью. Основание золотого подсвечника и хрустальные безделушки в центре стола были украшены орхидеями, а конфетницы в виде морских раковин заполнены шоколадными конфетами и мятными

пастилками.

До этого Люсинда никогда не видела обеденного стола, не покрытого белой скатертью. Она знала, что это новшество было введено принцем, но до сих пор ей не приходилось обедать за голым полированным столом. Она подумала, что это выглядит довольно элегантно, но решила, что ее мать никогда бы не одобрила подобного нарушения традиций. Дворецкий отодвинул для нее кресло в дальнем конце стола, и она подумала, что всякий раз, когда ей захочется обратиться к лорду Меридану, ей придется кричать. И быстро, пока мужество совсем не оставило ее, она произнесла:

– Я не хочу здесь сидеть, так далеко от вас. Можно я сяду рядом с вами? Я хотела бы поговорить с вами о стольких вещах, а кричать очень утомительно.

На лице лорда Меридана появилось удивление, но он вежливо ответил:

– Вы можете сидеть там, где пожелаете.

Ее прибор был передвинут, и она села рядом с ним.

– Это уже лучше, – сказала она. – Сидеть на разных концах стола выглядит слишком официальным, к тому же я очень хотела поговорить с вами о Сэре Галахаде.

Это была единственная общая тема, и вскоре они уже оживленно болтали о загородном поместье лорда Меридана в Суссексе, где должен был содержаться Сэр Галахад. Затем они поговорили о других однолетках, которых лорд Меридан приобретал на различных аукционах и которые оправдали либо не оправдали его ожидания. Потом разговор перешел к тому, как трудно подобрать надежных людей, которые умели бы должным образом подготовить лошадей к скачкам.

В целом ужин прошел довольно непринужденно, и поскольку лорд Меридан отказался от портвейна, он вместе с Люсиндой поднялся наверх, в большую гостиную, которая, как сообщил дворецкий, была приготовлена «специально для ее светлости».

Эта комната была уставлена исключительно белыми цветами, и, как только они вошли в дверь, их сразу окутал аромат лилий и гвоздик. Стены были обиты светло-голубой парчой, а капители и цоколь белых колонн украшены золотом. На окнах висели синие портьеры, расшитые золотой нитью. Это была превосходная комната, предназначенная для балов и собраний, и Люсинда, осторожно ступая по роскошному абиссинскому ковру, чувствовала себя жалкой и потерянной.

– Эту комнату обставляла ваша матушка? – с восторгом спросила она.

– О нет, ее полностью переделали. Честно говоря, недавно я отремонтировал весь дом. Он стал слишком старомодным и обветшал.

– У вас превосходный вкус! – воскликнула Люсинда и внезапно по выражению его лица поняла, кто помогал ему приводить дом в порядок.

Светло-голубой фон... белая с золотом отделка... приглушенные тона ее спальни... Она сразу должна была догадаться, сколь подходящим обрамлением они были для белокурой леди Деверо.

– Все это обошлось мне в круглую сумму, но мне кажется, что результат превзошел все ожидания, – сказал лорд Меридан. – Я подумываю, не подновить ли мне Меридан-холл. Его не реставрировали со времен моего отца.

– Рада это слышать, – сказала Люсинда.

Он удивленно приподнял бровь, и она поспешила добавить:

– Мне бы хотелось видеть его в первоизданном великолепии. Как и большинство людей, я ненавижу перемены.

На минуту между ними воцарилось молчание, а затем она решительно поднялась и сказала:

– Если позволите, я отправлюсь спать. Я безумно устала, к тому же, как мне кажется, вы были бы рады присоединиться к своим друзьям.

– Вовсе не собираюсь – ответил лорд Меридан. – Дело в том, что завтра на рассвете я уезжаю.

– Что вы сказали?

В ее голосе прозвучало удивление, которого она не смогла скрыть.

– Я сказал, что собираюсь пару дней погостить у Чарльза Холстеда, – ответил лорд Меридан. – Он уже давно меня пригласил.

– Вы едете в его поместье около Ньюмаркета, о котором он говорил сегодня? – спросила Люсинда.

– Да, – ответил лорд Меридан.

– Там будут скачки или кулачные бои? – поинтересовалась Люсинда.

– Скорее всего, и то, и другое, – слегка улыбнувшись, сказал лорд Меридан.

– О, как бы я хотела поехать с вами! – воскликнула Люсинда.

– К сожалению, там будет холостяцкая компания, – ответил лорд Меридан. – Это означает, что будут присутствовать одни мужчины, хотя многие из них и женаты.

– Я понимаю, – ответила Люсинда. – Хотя мне кажется несправедливым, что мужчинам всегда достается самое интересное.

– Надеюсь, вы не будете скучать? – спросил лорд Меридан, как будто это соображение только что пришло ему в голову. – Как только станет известно, что вы уже здесь, к вам нагрянут с визитами, и я полагаю, вы легко заведете друзей. К тому же вы всегда можете заняться покупками или

еще какими-нибудь дамскими делами.

– О да, я удовольствием отправлюсь по магазинам, – согласилась Люсинда. – И я рассчитываю, конечно, завести новых знакомых, хотя и не очень люблю женское общество. Надо полагать, нет никакой надежды, что полковник Холстед пригласит меня вместе с вами? Я могла бы держаться в стороне, чтобы вообще никто не заметил моего присутствия.

– Это совершенно невозможно, – веско заявил лорд Меридан. – Я думаю, Люсинда, вам нужно раз и навсегда уяснить, что в вашем теперешнем положении вы должны вести себя очень осмотрительно. Сегодняшний день не в счет: на ярмарке никто не знал вас, к тому же я планировал, что вы поедете домой в карете.

– Неужели вы думаете, что это имеет значение? – спросила Люсинда. – В конце концов, вам просто нужна была жена, они же не оговаривали, какая именно.

– Они? – с удивлением повторил лорд Меридан.

– Ну, этот Комитет Олмака.

– А, вот что вы имеете в виду! – сказал он. – Вообще-то я рассчитывал, что моя жена будет держаться соответственно своему положению и ее с одобрением примут где угодно, а не только в Олмаке.

– Все это кажется мне таким скучным! – воскликнула Люсинда.

– Вы не можете этого знать, пока сами не попробуете, – возразил лорд Меридан. – Кроме того, у вас нет выбора. Я уверен, что уже в скором времени вы прекрасно освоитесь.

– Надеюсь, – уныло сказала Люсинда.

Она увидела, что лорд Меридан посмотрел на часы.

– Уже половина одиннадцатого, – сказал он. – Сколько времени вам потребуется, чтобы подготовиться ко сну?

Она обернулась и посмотрела ему в лицо.

– Так вот почему вы остались дома и не присоединились к своим друзьям! – сказала она. – Я по глупости и все поняла. Но теперь мне все ясно, и я хочу сказать вам кое-что. Вы женились на мне затем, чтобы иметь доступ в Олмак, но я не собираюсь стать вашей женой... вашей настоящей женой, пока мы лучше не узнаем друг друга.

Лорд Меридан поднялся со своего места. Он нахмурился, и от его грозного вида у Люсинды замерло сердце.

– Должен ли я понять из этой слегка бессвязной речи, что я вызываю у вас отвращение? – спросил он.

– Нет, конечно же, нет, – ответила Люсинда. – Но вы для меня совершенно чужой человек, до сегодняшнего дня я вас даже ни разу не

видела, и я вышла за вас замуж только потому, что не могла допустить, чтобы папа продал дом, имение и все, чем мы владеем. Я думаю, что мы оба получили определенную выгоду, вступив в брак. Но все это вовсе не означает, будто я лягу в постель с человеком, с которым я едва знакома!

Лорд Меридан принялся ходить по комнате.

– Мне странно слышать от вас подобные речи, – сказал он наконец. – Я думал, вы молодая, невинная девушка, ничего не смыслящая в этих вещах.

– Разумеется, я знаю, что когда люди женятся, они спят вместе, – ответила Люсинда, – мама и папа всегда спят в одной постели. И я знаю, что у них появляются дети, я не так глупа, чтобы не понимать этого. Но я знаю также и кое-что другое.

– Что же именно? – спросил лорд Меридан почти с любопытством.

– А то, что обычно люди женятся, когда они любят друг друга, – вздернув подбородок и глядя на него ясными глазами, сказала Люсинда. – Может быть, это не принято в вашем кругу, среди приближенных принца Уэльского. Но у простых людей, таких как Эстер или Нат, жених обычно любит свою невесту, а невеста любит своего жениха, и они хотят прикасаться друг к другу... целовать друг друга... спать вместе и иметь детей. И я считаю предосудительным делать это, если люди не любят друг друга по-настоящему.

– Глупые девичьи мечты! – презрительно фыркнул лорд Меридан.

– А разве любовь существует только для тех, кто не принадлежит к высшему обществу? – спросила Люсинда. – Разве вы сами никогда не были влюблены?

Их глаза встретились, и сквозь загар, покрывавший его лицо, Люсинда заметила, что он слегка покраснел.

– Я много раз считал себя влюбленным, – честно признался он.

– Тогда вы имеете некоторое представление о том, что это такое, – сказала Люсинда, – и хорошо знаете, что вы отнюдь не влюблены в меня, хотя я и ваша жена.

Она помолчала, а затем добавила:

– Я постараюсь вести себя так, как вы хотите, я сделаю все, чтобы с достоинством носить ваше имя... но я не собираюсь при этом вынашивать также ваших детей только потому, что так принято. И без любви я не лягу в постель ни с вами, ни с кем-либо другим!

На последних словах у нее дрогнул голос, и, не глядя на него, она резко повернулась и выбежала из комнаты, захлопнув за собой дверь.

Она вбежала в свою спальню и с облегчением увидела, что, хотя свечи были зажжены, никто из горничных не дожидался ее. Она закрыла за собой

дверь, заперла ее на замок и, слегка дрожа, прислонилась к стене. Она чуть было не расплакалась. Но умение держать себя в руках, которому она научилась с раннего детства, помогло ей. Она медленно подошла к туалетному столику, села и пристально взглянула на себя в зеркало. Сердце выскакивало у нее из груди, во рту пересохло.

– Правильно ли я поступила? – спросила она вслух.

Она понимала, что послушалась веления сердца, а не голоса рассудка.

Этот вопрос мучил ее в течение всей долгой бессонной ночи. Наступившее утро также не принесло с собой ответа. Когда первые лучи солнца стали пробиваться сквозь тяжелые портьеры, Люсинда встала, отдернула их и распахнула окно, выходящее на площадь. Внизу, у парадного подъезда, Люсинда заметила какое-то движение, а со стороны конюшен показался фаэтон, запряженный парой великолепных лошадей. Она быстро спряталась за портьеру, чтобы никто не увидел ее, и стала ждать, когда появится лорд Меридан. Было еще очень рано, и один из грумов, стоящих около лошадей, беспрерывно зевал.

Из дверей появился лорд Меридан и направился к фаэтону. Как всегда, он был одет безупречно, на его камзоле не было ни единой морщинки, шляпа была слегка сдвинута набок, начищенные сапоги сверкали, как зеркало. Он взобрался на сиденье, взял в руки поводья, грум вскочил на запятки, и фаэтон тронулся.

Люсинда посмотрела мужу вслед. Ей был отчетливо виден его суровый профиль и непреклонно сжатые губы. Люсинда попыталась представить себе, что бы она чувствовала, если бы он согласился взять ее с собой и она сидела бы сейчас рядом с ним в фаэтоне. В то же время она понимала, что хотела ехать с ним не ради его общества, а из-за того, что чувствовала себя очень одиноко и ей было страшно оставаться в Лондоне, где она никого не знала и некому было даже помочь ей освоиться на новом месте.

И вдруг ей пришла в голову мысль, что она свободна, она может делать все, что захочет! Рядом не было ни ее матери, вечно читавшей ей нотации, ни Эстер, приходившей в ужас от ее самых невинных проказ, ни мужа, без конца твердящего, что она должна вести себя достойно в ее новом положении. Она была совершенно свободна и могла поступать так, как ей заблагорассудится! К тому же впервые в жизни у нее были собственные деньги!

Она отошла от окна и вернулась в постель. Долгое время она лежала, уставившись в потолок, строя и обдумывая разнообразные планы. Наконец она решительно поднялась и позвонила. Когда появилась горничная,

Люсинда приказала принести завтрак ей в спальню, а сама тем временем быстро умылась и оделась, чтобы сразу же после еды отправиться по своим делам.

– Нельзя ли заложить экипаж? – спросила она у экономки.

– Ну конечно же, миледи. Я сейчас же распоряжусь. Ваша светлость уезжает надолго?

– О нет, только по магазинам, – ответила Люсинда.

– Могу ли я быть вам полезной? – вежливо поинтересовалась миссис Ватсон. – Может быть, вы пожелаете, чтобы вас сопровождала горничная?

– Нет, благодарю, я хотела бы поехать одна, – сказала Люсинда.

Вскоре доложили, что карета подана, и Люсинда спустилась вниз, с трудом сдерживая свое нетерпение. Когда она думала о том, что ее ждет впереди, ее так и подмывало прыгать и скакать от восторга и возбуждения.

Карета была невелика, но украшена фамильным гербом, а изнутри обита мягчайшей тканью. Когда лошади тронулись с места, Люсинда вспомнила старый полуразвалившийся экипаж, который принадлежал ее матери, и ей неудержимо захотелось, чтобы родители увидели, какую роскошную карету она получила в свое распоряжение.

Она – сказала лакею, что хочет поехать в магазин мадам Бертен на Бонд-стрит. Поскольку он ничего ей не ответил, она решила, что либо он, либо кучер знают номер нужного ей дома.

Прильнув к окошку кареты, Люсинда с любопытством разглядывала проплывающие мимо дома, магазины и в особенности прохожих. Все, что она видела, казалось ей захватывающе интересным, и она жалела лишь о том, что ей не с кем было поделиться впечатлениями.

Заведение мадам Бертен снаружи оказалось не столь большим, как представляла себе Люсинда. Но очутившись в плотно задрапированном, устланном мягкими коврами зале, где были выставлены образцы моделей, она была поражена атмосферой роскоши и богатства, отличной от всего, что ей доводилось до этого видеть в магазинах.

Две дамы беседовали с продавщицей, и при одном только взгляде на их туалеты и украшенные разноцветными перьями шляпки Люсинде стало стыдно за свое плохо сшитое платье и простенький капор.

Наконец дамы собрались уходить, и продавщица, с заискивающим видом проводив их до дверей, повернулась к Люсинде и высокомерно спросила:

– Чем я могу быть вам полезной, мадам?

– Я бы хотела видеть мадам Бертен, – ответила Люсинда.

– Боюсь, что это невозможно – мадам принимает клиентов лично

только в особых случаях.

Взгляд, брошенный ею на платье Люсинды, слишком явно давал понять, что ей никогда не попасть в категорию «особых» клиентов.

– Я думаю, что если вы доложите обо мне, мадам Бертен не откажется меня принять, – твердо произнесла Люсинда. – Я – графиня Меридан. И хотела бы поговорить и мадам с глазу на глаз.

– Графиня Меридан?

Продавщица недоверчиво повторила это имя и поспешила добавить совсем другим тоном:

– Не будете ли вы так добры подождать одну минуту, миледи, пока я пойду доложить мадам?

Она направилась в дальний конец салона и вошла в дверь, на которой было написано: «Просьба не беспокоить».

Сделав вид, что она заинтересовалась тканями, выставленными неподалеку, Люсинда подошла к двери, которая осталась слегка приоткрытой. Услышав голоса, она остановилась и без ложной скромности стала прислушиваться. Было слышно, как продавщица говорила:

– Мадам, вас хочет видеть дама, которая утверждает, что она графиня Меридан. По правде говоря, она почти ребенок и одета в ужасающее платье. Она требует, чтобы вы ее приняли.

– Графиня Меридан? Да, я слышать, что он собирается жениться, – ответил глухой старческий голос с сильным французским акцентом.

– Но мадам, а как же леди Деверо? Ведь только вчера она заказала полдюжины новых платьев и все из французского материала!

– Я уверена, что лорд Меридан заплатит по всем своим обязательствам, – ответил старческий голос. – Я хочу взглянуть на новоявленный графиня, пригласите ее.

Люсинда поспешно отошла от двери. Когда появилась продавщица, она уже с интересом рассматривала парчовый ридикюль, явно прибывший контрабандой из Франции.

– Мадам примет вас, миледи, – сказала продавщица.

Люсинда положила ридикюль на место и слегка наклонила голову.

– Благодарю вас, – сказала она.

Ей предложили пройти в служебную дверь. Комната, в которую ее ввели, была небольшой и довольно тесной. Всюду лежали рулоны шелка, атласа и парчи. По углам были свалены в кучу отрезки из узорчатого муслина, французского батиста и габардина, образуя яркую красочную палитру.

В самом центре комнаты, в низком кресле, стоящем рядом со столом,

заваленным лентами и образцами материй, сидела мадам Бертен, похожая на древнего морщинистого Будду. Ей перевалило за семьдесят лет, пятьдесят из них она одевала весь высший свет Лондона.

Совсем молоденькой девушкой она приехала из Франции в Англию в качестве горничной. Муж ее хозяйки сделал ее своей любовницей и поселил в небольшом собственном доме. От скуки и безделья она начала подрабатывать как модистка, предлагая сначала свои услуги таким же, как она, содержанкам, живущим по соседству, а затем женам богатых лавочников.

Но ее талант был слишком очевиден, чтобы остаться незамеченным. Одна известная красавица появилась в Сент-Джеймсе в шляпке, о которой стал говорить весь город, и малютка Бертен вошла в моду. Ей одолжили денег, чтобы она могла открыть свой собственный магазинчик. По мере того как увеличивалось число ее клиентов, ее заведение переезжало во все более престижные районы Лондона, и очутившись наконец на Бонд-стрит, она достигла предела своих мечтаний.

К ней стекались толпы народа – хозяйки модных салонов и их дочери, знаменитые актрисы, известные куртизанки. Никто не обходил ее заведение стороной, кроме тех, кому это было не по карману.

Мадам Бертен постарела, и все это ей смертельно наскучило.

Она давно пришла к выводу, что существует очень мало женщин, ради которых стоило бы создавать что-либо новое и сенсационное. Стало само собой разумеющимся, что все, кто что-нибудь собой представлял, одевались у нее, и в отсутствие конкуренции у нее пропал всякий энтузиазм придумывать новые и оригинальные фасоны.

Она редко стала принимать клиентов лично, их болтовня утомляла ее. И лишь из чисто женского любопытства ей захотелось взглянуть на жену графа Меридана, который к тому же за последние десять лет оплатил немало ее счетов.

Когда отворилась дверь, она подняла голову, не пытаясь встать с кресла, ибо с годами это стало стоить ей немалого труда, так как она располнела и отяжелела. Она увидела перед собой молоденькую девушку, почти ребенка, одетую в неуклюже сшитое платье отвратительного грязно-бежевого цвета и в уродливую шляпку, украшенную дешевыми лентами. В первую минуту мадам Бертен подумала, что у нее странное и очень трогательное личико. Затем девушка взглянула на нее огромными глазами, неожиданно мягкий, музыкальный голос произнес:

– Я пришла к вам, мадам, потому что только вы можете мне помочь. Не могли бы вы сделать меня элегантной а, если удастся, красивой?

На улицах Лондона царило оживление, не мешающее, однако, лорду Меридану перемещаться со скоростью, которую можно было бы считать опасной, если бы не его мастерство управлять лошадьми. Весь его вид говорил о том, что он был доволен собой. Он прекрасно провел время в гостях у Чарльза Холстеда, выиграл порядочно денег на скачках и петушиных боях и даже сделал неожиданное приобретение в лице подающего надежды борца, которого он взял под свое покровительство.

Погода стояла отменная, и с того момента, как он прибыл в загородный дом Чарльза, и до сегодняшнего утра, когда они наконец разъехались после ночной прощальной пирушки в соседнем поместье, все шло как нельзя лучше.

Вместо двух дней визит растянулся почти на две недели. Но кто мог предположить, что принц Уэльский надумает приехать в Ньюмаркет и что в числе сопровождавших его лиц окажется леди Деверо! В результате, погостив у Чарльза, лорд Меридан затем присоединился к принцу и провел несколько дней в его обществе, а оттуда попал еще на одну холостяцкую вечеринку, куда были приглашены такие хорошенькие девочки, что даже Чарльз признал, что они превзошли все его ожидания.

– А ты неплохо набил карман, Себастьян! – заметил Чарльз.

Они резко свернули за угол и чуть не столкнулись с груженой подводой.

– Да, неплохо, – согласился лорд Меридан. – Мне очень понравилось у тебя. Надеюсь, ты опять пригласишь меня как-нибудь.

– Боюсь, что это будет нескоро, – слегка помрачнев, ответил Чарльз. – Если только я не отыграю у Брукса то, что просадил на скачках.

– Нужно было слушаться моих советов, мой милый, – равнодушно ответил лорд Меридан.

Он был настолько богат, что даже не представлял, как проигрыш может расстроить финансовые дела или заставить отказывать себе в каких-либо удовольствиях.

– В следующий раз я обязательно послушаюсь тебя, – сказал Чарльз. – Если, конечно, он будет, этот следующий раз.

– Что ты имеешь в виду? – быстро спросил лорд Меридан. – Неужели твои дела так плохи?

– Да я совсем не об этом, – ответил Чарльз. – Я просто имел в виду, что за эти две недели ты кое о чем забыл.

– Да? – спросил лорд Меридан. – О чем же?

– О Люсинде, – ответил Чарльз.

– О Господи! С чего это ты вдруг о ней вспомнил? – с искренним

удивлением спросил лорд Меридан. – Конечно, я не забыл о ней и не сомневаюсь, что с ней все в порядке. В конце концов, в это время года в Лондоне довольно весело.

– По правде сказать, я совершенно забыл про нее, – честно признался Чарльз. – Было столько развлечений и столько других женщин! Но сейчас я вдруг вспомнил, как мы везли ее в Лондон. Мне кажется, что было бессердечно с твоей стороны бросить ее одну в незнакомом городе, где у нее нет ни друзей, ни родных.

– Ничего с ней не случится, – безразлично сказал лорд Меридан, и, когда Чарльз не ответил, он сердито воскликнул: – Черт побери, Чарльз! Что я, по-твоему, должен был делать? Ходить за ней как нянька? Пусть учится жить самостоятельно, или мне придется подыскать ей достойного учителя!

– Кого же, например? Леди Деверо? – лукаво спросил Чарльз.

Лорд Меридан нахмурился. Он терпеть не мог, когда его поддразнивали насчет его любовных похождения.

– Серьезно, Себастьян, – продолжал Чарльз, не давая ему ответить. – Я думаю, тебе надо что-то делать с Люсиндой. Неужели у тебя нет какой-нибудь тетки или сестры, которая помогла бы ей освоиться в ее новом положении?

– К счастью, большинство моих родственников уже в могиле, – ответил лорд Меридан. – Даже если бы они были живы, от Них все равно было бы мало толку. Все они были зануды, а обо мне говорили не иначе, как «бедный Себастьян», будто я был калекой или слабоумным.

Чарльз запрокинул голову и расхохотался.

– Хотелось бы мне их услышать! – воскликнул он, – немного найдется людей, способных о тебе сказать «бедный Себастьян»!

– Это-то меня и злило больше всего, – мрачно заявил лорд Меридан.

– Поэтому ты с самого начала решил доказать, как они заблуждаются на твой счет, – сказал Чарльз с неожиданной проницательностью.

– Черт подери! – воскликнул лорд Меридан. – Перестань меня критиковать, я не собираюсь этого терпеть! И перестань суетиться по поводу Люсинды. Ничего с ней не случится, я об этом позабочусь.

– Интересно, чем она занималась эти две недели? – задумчиво произнес Чарльз. – Знаешь, Себастьян, если ее приедет, она может оказаться довольно симпатичной.

– Я не собираюсь обсуждать мою жену, – сказал лорд Меридан холодно и высокомерно.

Чарльз добродушно хмыкнул.

– Пытаешься поставить меня на место? Ничего у тебя не выйдет. Я сам отвезу Люсинду в магазин и куплю ей новую шляпку!

– Если ты это сделаешь, я вызову тебя на дуэль! – резко оборвал его лорд Меридан.

– Дуэль? Ну знаешь, Себастьян, ты решительно отстал от жизни! В наше время светские дамы принимают подарки от своих поклонников, и кому это знать лучше, чем тебе!

Лорд Меридан хлестнул лошадей, и они рванули.

– Да провались ты! – воскликнул он, на этот раз рассердившись не на шутку. – Если ты сейчас же не заткнешься, я высажу тебя и предоставлю топтать домой пешком!

Они миновали Букингемский дворец и направились в сторону Гайд-парка.

– Давай заглянем на Роттен-роу, посмотрим, кто там сегодня, – сказал Чарльз. – Может, пока нас не было, там появились новые лица!

– Черта с два! – ответил лорд Меридан. – Наверняка все та же самая публика, и, как всегда, жеманничают, сплетничают да плетут интриги. Кажется, Красавчик Браммель сказал, что высший свет напоминает петушинные бои, в которых участниками являются куры?

– Да, это в его духе, – ответил Чарльз. – Всегда терпеть не мог этого типа, хоть он и вошел в моду.

Они завернули за угол и въехали в Гайд-парк со стороны статуи Ахилла. Здесь уже стояло множество экипажей и колясок, и сидящие в них сплетничали и разглядывали прохожих.

Чарльз и лорд Меридан поехали вперед, раскланиваясь налево и направо и провожая глазами элегантные фигуры женщин, сопровождаемых щегольски одетыми мужчинами в высоких цилиндрах и с отделанными золотом тросточками.

– Ну я же тебе говорил – все та же самая публика, – пробурчал лорд Меридан и вдруг неожиданно почувствовал, как Чарльз толкает его локтем в бок.

– Смотри скорее! – воскликнул он. – Кто это?

Впереди них ехала легкая коляска, в которую была впряжена изумительная пара лошадей, вызвавшая у лорда Меридана возглас удивления.

– Вот это пара! – вскричал он. – Откуда, черт возьми, она взялась? На прошлой неделе в Таттерсалле я не видел ничего подобного. Ах нет, проклятие, я же там был не на Прошлой, а на позапрошлой неделе! Черт, как я прозевал!

Лошади были черные как смоль, с длинными хвостами и шелковистыми гривами. Их упряжь, так же, как и сама коляска, была черного цвета и украшена серебром.

– Надо признать, смотрится неплохо, – нехотя пробормотал лорд Меридан и почувствовал, как Чарльз снова толкнул его в бок.

– А ты взгляни, кто сидит на облучке, – сказал он. – Это же Кингсклер! Я бы узнал его из тысячи!

– Этого не может быть, – возразил лорд Меридан. – Два года назад я предложил ему любую плату, если он перейдет служить ко мне, а он ответил, что и так доволен Своим местом.

– Это Кингсклер, – упрямо повторил Чарльз. – Во всей стране лучше него никто не умеет править лошадьми. Только сейчас почему-то поводишь не у него. Слушай, Себастьян, да кто она такая?

Впервые лорд Меридан посмотрел, кто правит лошадьми. Это была женщина, одетая необычайно элегантно и с очень тонкой талией. Она производила настолько ошеломляющее впечатление, что не было ни одного человека, который не оборачивался бы ей вслед. Лорд Меридан не был исключением. В то время как ее лошади и коляска были черного цвета, сама она была одета в ярко-коралловый костюм для прогулок, сшитый из тонкой ткани и выгодно подчеркивающий достоинства ее фигуры. Ее черные волосы были зачесаны высоко наверх, обнажая длинную изящную шею. Завершала ансамбль крохотная причудливая шляпка, украшенная петушиными перьями того же цвета, что и костюм, и державшаяся у нее на голове под невыслышимым углом. Она выглядела эксцентрично и в то же время исключительно элегантно.

– Да кто же она такая? – снова спросил Чарльз и лорд Меридан хлестнул лошадей, пытаясь поравняться с коляской.

Как будто разгадав его намерения, она также подхлестнула своих лошадей, и они рванули вперед, оставив позади лорда Меридана, который кусал губы от досады. К несчастью, его великолепная гнедая пара уже устала после длительной поездки и не могла соперничать со свежими, отдохнувшими лошадьми.

– Она ускользает от нас! – с отчаянием вскричал Чарльз. – Черт возьми, Себастьян, я должен узнать, кто она такая!

– А я хочу знать, где она раздобыла эту пару! – воскликнул лорд Меридан.

– Не только пару, она умудрилась еще заполучить Кингсклера, – жалобно пробубнил Чарльз.

– Я лишь тогда поверю, что это Кингсклер, когда лично поговорю с

ним, – заявил лорд Меридан.

– У тебя мало шансов с ним побеседовать, если ты не заставишь своих кляч двигаться поживее.

– Если ты еще раз обзовешь моих лошадей клячами, клянусь, я отхлещу тебя, – вспылил лорд Меридан.

– Пусть докажут, что они не клячи, – с вызовом ответил Чарльз.

Может быть, дама, которую они преследовали, не очень хотела уйти от них, так как недалеко от Найтсбриджских казарм им наконец удалось нагнать ее. Увидев, что они поравнялись с коляской, дама придержала лошадей и обернула к ним смеющееся лицо.

– Себастьян, Бога ради, остановись, – взмолился Чарльз. – Она собирается заговорить с нами!

И, приподняв шляпу, Чарльз с готовностью повернулся к ней.

Лорд Меридан резко натянул поводья и с изумлением обнаружил, что его приятель сидит, раскрыв рот, не в силах вымолвить ни слова.

Дама в ярком костюме и необычайной шляпке вежливо поклонилась им.

– Добрый день, полковник Холстед. Как поживаете... милорд?

Она слегка замялась, собираясь, видно, сказать «Себастьян», но в последнюю минуту решимость покинула ее.

– Люсинда! – с трудом выдавил из себя лорд Меридан.

– Я не имела ни малейшего представления, что вы уже вернулись, – сказала она. – Рада вас видеть. Как вам нравится моя новая пара?

– Как она мне нравится? – проговорил лорд Меридан, с трудом обретая голос. Затем, будто не зная, что сказать, он замолчал, перевел взгляд с лошадей на Люсинду и обратно.

– Их выбирали не вы, – наконец сказал он почти укоризненно. – Это Кингсклер помогал вам?

– Ну разумеется, – улыбнулась Люсинда, – я наняла его, чтобы он занялся моей конюшней. Я надеюсь, вы не возражаете?

– Возражаю? – переспросил лорд Меридан, злясь на себя за то, что не может найти достойного ответа.

– Не может быть, чтобы Кингсклер оставил герцога, – патетически произнес Чарльз Холстед, давая понять, что такой поворот событий совершенно невозможен.

– Но он все-таки ушел от него, – невозмутимо произнесла Люсинда.

– Чем вы соблазнили его? – спросил Чарльз. – В течение многих лет все мы тщетно пытались переманить его, разве не так, Кингсклер?

– Совершенно верно, – ответил Кингсклер с непроницаемым видом.

Это был худой, жилистый мужчина лет пятидесяти, с седеющими волосами и умными, лукавыми голубыми глазами. Там, где дело касалось лошадей, его репутация была настолько высока, что, по слухам, сам принц Уэльский потребовал, чтобы герцог Мелчестер отдал ему Кингсклера в качестве рождественского подарка. На это герцог, как говорили, ответил, что принц может забрать его жену, его дом и любого из его непутевых отпрысков, но он ни за что не расстанется с Кингсклером, даже если для этого ему придется пересечь Ла-Манш и поступить на службу к Бонапарту.

– Но почему же, ради всего святого, вы приняли предложение ее светлости? – спросил Чарльз, отличавшийся редкой прямолинейностью.

– Ее светлость знает ответ на этот вопрос, – с достоинством ответил Кингсклер.

– Нат попросил его помочь мне, – сказала Люсинда. – Вы помните, милорд, я вам рассказывала про Ната?

– Конечно. Это ваш грум, – ответил лорд Меридан, – тот самый, который сообщил вам, что супружеская жизнь – это битва.

– Ну так вот, Кингсклер – двоюродный брат Ната, – сказала Люсинда, как будто этим все объяснялось. – И когда я пожаловалась ему, какой беспомощной я себя чувствую во всем, что касается покупки лошадей и создания собственной конюшни, он предложил мне свою помощь.

– Это было очень любезно с его стороны, – кисло заметил лорд Меридан.

– Похоже, мы загородили проезд, – оглядываясь, сказала Люсинда. – Поедемте, если не возражаете.

– Послушайте, Люсинда... – протестующе начал было Чарльз, но обнаружил, что Люсинда с ее бесподобной парой была уже далеко.

– Скорей догони ее, Себастьян! – настойчиво стал упрашивать Чарльз. – Я еще столько не спросил у нее.

– Не сомневаюсь, что вы еще встретитесь, – холодно ответил лорд Меридан.

Он развернул лошадей и поехал в направлении, противоположном тому, которое избрала Люсинда. Губы его были плотно сжаты и, проезжая сквозь толпу, он не смотрел ни влево, ни вправо и не отвечал на приветствия знакомых.

– Черт возьми, Себастьян, вот это дела! Я никак не могу прийти в себя – эти лошади, Кингсклер... А сама Люсинда? Бог мой, да она просто красавица! Ее как будто подменили!

Именно об этом думал и лорд Меридан, но он не собирался в этом признаваться. А Чарльз продолжал рассуждать вслух.

– Во-первых, она сделала что-то со своей кожей, которая стала удивительно белой! А ее глаза! Затем она изменила прическу. И вообще она совершенно неузнаваема! И, черт подери, заполучить Кингсклера!..

Только сейчас Чарльз обнаружил, что он говорит сам с собой. Лорд Меридан, с мрачной решимостью направляясь в сторону Беркли-сквер, ничего не отвечал. Когда они подъехали к дому, он сказал:

– Полагаю, ты не захочешь зайти ко мне. Грум отвезет тебя домой.

Чарльз Холстед, которому больше всего на свете хотелось войти в дом и узнать еще что-нибудь, тем не менее понял, что его присутствие будет нежелательно. Поэтому из чувства такта, а вовсе не потому, что он боялся разозлить своего друга, он неохотно отправился к себе на Керзон-стрит.

Лорд Меридан вошел в дом с хмурым видом, который был слишком хорошо знаком его слугам. Мажордом поклонился ему, но не сделал попытки заговорить, пока к нему не обратились.

– Бренди! – коротко приказал лорд Меридан и, пройдя через вестибюль, вошел в библиотеку и бросился в стоящее у камина кресло.

Он чувствовал, что ему необходимо время, чтобы подумать и осмыслить, что произошло.

Когда лакей принес на серебряном подносе графин с бренди и поставил его рядом с ним, лорд Меридан поднял голову и спросил:

– Ее светлость дома?

– Я не думаю, что она уже вернулась, милорд, – ответил лакей.

– Передайте ей, как только она появится, что я хотел бы поговорить с ней.

– Слушаюсь, милорд.

Лакей удалился, тихо закрыв за собой дверь. Увидев другого лакея, он скорчил гримасу, выразительно показывающую, в каком настроении находится их хозяин. Затем он направился на поиски дворецкого, чтобы сообщить ему о поручении лорда Меридана, которое дворецкий затем передаст другому лакею, тот сообщит его горничной Люсинды, которая в свою очередь доведет его до сведения своей госпожи.

На все это ушла масса времени, и пока эта формальная процедура осуществлялась с учетом иерархии среди слуг, Люсинда успела вернуться и подняться в свою комнату.

Она догадалась, что лорд Меридан уже вернулся, и не имела ни малейшего желания встречаться с ним в данную минуту. Войдя в спальню, она быстро разделась, и к тому времени, когда послание лорда Меридана наконец дошло до нее, она уже принимала ванну. Спустя десять минут тем же путем ее ответ достиг дворецкого и тот, войдя в библиотеку, доложил:

– Ее светлость просит засвидетельствовать ее почтение и крайне сожалеет, что не может увидиться с вашей светлостью немедленно, так как она переодевается.

– Очень хорошо, – сказал лорд Меридан. – Принесите мне еще бренди.

Прошел почти час, и лорд Меридан успел отпить изрядное количество из второго графина, когда наконец отворилась дверь и появилась Люсинда. Он взглянул на нее и после продолжительной паузы медленно поднялся.

Она вошла в комнату и улыбнулась ему слегка нерешительно. Первой его мыслью была: «Бог мой, какая восхитительная фигура!» – но она быстро сменилась возмущением, что его жена одета подобным образом. Ее платье было из совершенно прозрачной ткани, сквозь которую явственно проступали нежные округлые формы ее тела: тончайшая талия, маленькая грудь и почти греческие пропорции бедер. Ее черные волосы были элегантно уложены в высокую прическу, в которой, как и в ушах, сверкали драгоценности из коллекции Мериданов. Этот вечерний туалет дополняло изумительное ожерелье из изумрудов, подчеркивающее необычайную белизну ее кожи, напоминавшую лепестки магнолии. Лорд Меридан неожиданно поймал себя на мысли, что ему хочется дотронуться до нее и убедиться, что ее кожа действительно такая нежная и бархатистая, какой кажется.

Люсинда приблизилась и встала рядом с ним. Он уже забыл, насколько она миниатюрна, и, когда она подняла лицо и взглянула на него, он поразился, какими огромными казались ее глаза на маленьком округлом личике и насколько яркими стали ее губы – намного ярче, чем тогда, когда он видел ее в последний раз.

Какое-то время они молчали.

Потом, как будто эти слова вырвались у него против воли, он сказал:

– Что вы сделали с собой?

– Пока вас не было? – спросила Люсинда, отлично понимая, что он имеет в виду.

– Пока меня не было, – повторил лорд Меридан почти тупо.

– Вы отсутствовали довольно долго, не правда ли? – бесхитростно спросила Люсинда. – Я надеюсь, вы хорошо провели время? Я слышала, что вы отыскивали хорошего борца – он действительно подает надежды?

– Кто вам рассказал об этом? – с изумлением спросил лорд Меридан.

– О, я даже и не вспомню точно, – ответила Люсинда. – Кто-то из тех, кто был в Ньюмаркете и смотрел кулачные бои.

– Надеюсь, он оправдает мои затраты на него, – сказал лорд Меридан.

– Надо полагать, вы хорошо в этом разбираетесь? – с легкой ноткой

сомнения в голосе спросила Люсинда.

Лорд Меридан почувствовал, что она сказала это скорее из вежливости, чем считая так на самом деле.

– Черт возьми! – воскликнул он. – Я не желаю говорить о бойцах и кулачных боях, я хочу говорить о вас! Где вы были, чем занимались, откуда вы взяли эти платья?

– Я их купила, – сладко пропела Люсинда. – Надеюсь, вы не возражаете, что я взяла из сейфа фамильные драгоценности? Ваш секретарь сообщил мне, что ваша матушка оставила их там для всех последующих леди Меридан.

– Я хочу знать больше! – заявил лорд Меридан.

Люсинда взглянула на часы, стоящие на каминной полке.

– Я бы с радостью рассказала вам обо всем, что произошло после вашего отъезда, но я боюсь опоздать к ужину.

– Вы ужинаете не дома? – спросил лорд Меридан.

– Боюсь, что так, – ответила Люсинда. – Я не имела понятия, что вы вернетесь сегодня, в противном случае я бы изменила свои планы.

– Черт побери, вы можете изменить их прямо сейчас! – заявил он почти грубо. – Я пошлю грума с запиской к вашим друзьям, кто бы они ни были. Напишите им правду, что вернулся ваш муж и желает, чтобы вы ужинали с ним.

– Мне очень жаль, но я боюсь, что лицо, пригласившее меня, сочтет это за оскорбление, – ответила Люсинда. – Вам лучше меня известно, как он злится, когда видит за столом пустое место.

– О ком вы говорите? – спросил лорд Меридан, заранее зная ответ.

– Я говорю о его королевском высочестве принце Уэльском, – ответила Люсинда. – Он любезно пригласил меня поужинать сегодня в Кларенс-хаусе. Если вы найдете время заглянуть туда позже, я думаю, он будет рад вас видеть.

Она направилась к двери, двигаясь почти с кошачьей грацией в своем мягком зеленом газовом платье.

– Пойдите, подождите! – закричал лорд Меридан. – Вы не можете ехать в Кларенс-хаус одна. Надеюсь, вы это понимаете?

– Ну разумеется, – ответила Люсинда. – Мистер Браммель был так любезен, что предложил сопровождать меня. Надо полагать, что он уже ждет меня у дверей в своей карете.

– Мистер Браммель! – воскликнул лорд Меридан. – Красавчик Браммель?

– Ну да, – ответила Люсинда, – он был очень добр и внимателен ко

мне. Он даже помог мне выбрать коляску, которую вы сегодня видели. Надеюсь, она понравилась?

Лорд Меридан молча уставился на нее. Он собирался было сказать, что эта коляска слишком экстравагантна для дамы ее положения, но, словно почувствовав это, она одарила его лучезарной улыбкой и, помахав ему рукой, скрылась за дверью. Он услышал только легкий стук ее каблучков по мраморному полу. Подумать только! Красавчик Браммель дожидается ее в карете, чтобы сопровождать на ужин! Лорд Меридан налил себе еще стакан бренди и выпил его залпом, даже не почувствовав вкуса.

В карете Люсинда уселась рядом с мистером Браммелем, и он рассеянно поднес ее руку к губам.

– Мой муж вернулся, – сообщила она. – Я встретила их с полковником Холстедом сегодня вечером в Гайдпарке. Когда они увидели мою коляску, лошадей и Кингсклера, у них просто отвисли челюсти. Чарльз был похож на рыбу, вытащенную из воды!

Красавчик Браммель расхохотался. Давно никто не смешил его так, как эта девочка. У нее была потрясающая способность говорить в той манере, которую он всегда считал исключительно своей привилегией. Она умудрялась время от времени даже перецеголять его.

– Я видел вас, – сказал он. – Вы смотрелись великолепно. Весь Парк только и говорил, что о вашем выезде.

– Вы были так добры, – сказала Люсинда. – Я никогда бы этого не достигла, если бы не ваши советы и помощь.

– Мои инстинкты не всегда разрушительны, – ответил Красавчик Браммель. – На самом деле я разрушаю только тех, кто этого заслуживает.

– Я всегда считала, что вы самый добрый человек, которого только можно себе представить, – искренне сказала Люсинда.

Красавчик Браммель почувствовал себя немного неловко; он предпочитал, чтобы окружающие думали о нем плохо.

История Люсинды тронула его сердце, если, конечно, таковое у него имелось. Он вспомнил, как сам боролся за признание в свете, когда он был никем и казалось, что все только и пытались подчеркнуть его ничтожность. Ну что ж, он доказал миру, что он не пустое место. И, увидев в Люсинде самого себя, он решил помочь ей.

О Люсинде он узнал от этой старой ведьмы мадам Бертен. Он заехал к ней в магазин с одной светской львицей и рассматривал ленты, которые только что прибыли контрабандой из Франции, когда мадам Бертен пригласила его к себе и рассказала ему о Люсинде. Он не сомневался, что она сделала то же самое с дюжиной хозяек самых знаменитых салонов,

потому что в мгновение ока Люсинда оказалась в центре внимания.

Еще не родилась женщина, которая не желала бы оказать покровительство молодой и неопытной девочке, при условии, конечно, что та будет иметь успех. А в данном случае относительно последнего сомнений не было. Одетая мадам Бертен, обладающая живым умом и неугасимой жаждой приключений, Люсинда привлекла и заинтриговала весь высший свет. Но этого могло бы оказаться недостаточно, если бы не было тайной причины.

Поддержать Люсинду означало сквитаться с этим отвратительным и высокомерным лордом Мериданом. Ах вот как, он плохо обращается со своей молодой женой? Ну что ж, они ему покажут! Он слишком долго был любимцем принца Уэльского, чтобы не вызвать зависти и злобы среди тех, у кого он стоял поперек дороги. К тому же нашлось немало женщин, которые не могли простить его равнодушия к их чарам и с удовольствием готовы были принять сторону несправедливо обиженной жены.

– Это ваш первый визит в Кларенс-хаус, – задумчиво произнес Красавчик Браммель.

– Да, и мне ужасно хочется поскорее все увидеть, – сказала Люсинда.

– Надеюсь, вы не будете разочарованы, – ответил Красавчик Браммель. – Дворец похож на принца: слишком разукрашенный, слишком кричащий и слишком роскошный.

– Вы очень жестоки! – сказала Люсинда. – Со стороны принца было крайне любезно пригласить меня.

– Я сказал ему, что он много потеряет, если не сделает этого, – ответил Красавчик Браммель.

– Так это все благодаря вам! – воскликнула Люсинда, обратив к нему свои огромные глаза. – О, спасибо, спасибо, мистер Браммель! Это как в сказке – быть одетой в такое платье и ехать с вами на ужин к принцу Уэльскому! Как вы считаете, я хорошо выгляжу?

Она задала этот вопрос с детской наивностью, вызвавшей улыбку на лице самого утонченного и пресыщенного денди в Лондоне.

– Вы делаете честь фамильным драгоценностям Мериданов, – ответил он и, увидев, как неожиданно загорелись ее глаза, понял, что нельзя было сказать ей ничего более приятного.

Он сказал это намеренно. Он слишком часто слышал, что говорили о будущей жене лорда Меридана, когда все думали, будто он собирается жениться на Эстер.

– Спасибо, – медленно произнесла Люсинда. – Я не могу объяснить, но это самый лучший комплимент, который я получила за всю свою жизнь.

– Только не будьте так робки, – резко сказал Красавчик Браммель. – Никогда ни перед кем не робейте. Вы должны заставить их заметить вас и восхищаться вами. А если вы будете пресмыкаться перед ними, вы никогда этого не достигнете.

– А я разве пресмыкаюсь? – спросила Люсинда.

– Да, – ответил он.

– В таком случае, я больше никогда не буду этого делать, – заявила Люсинда. – А если они не будут осыпать меня комплиментами, я... я просто плюну им в рожи!

Выражение, которое обычно можно было услышать лишь на конюшне, заставило Красавчика Браммеля расхохотаться. Он все еще смеялся, когда они остановились возле белого портика при входе в Кларенс-хаус.

Лорд Меридан появился в Кларенс-хаусе около одиннадцати часов, причем ему пришлось удерживать себя, чтобы не приехать раньше. У подъезда толпились экипажи, и целый поток людей поднимался по парадной лестнице.

«Видно, сегодня у принца большой прием», – с раздражением подумал лорд Меридан. Обычно он предпринимал все усилия, чтобы уклониться от участия в подобных мероприятиях.

Он не сомневался, что Люсинда будет рада видеть его.

Даже если она каким-то образом и ухитрилась оказаться в числе приглашенных, она все же встретит здесь очень мало знакомых. В конце концов, пришел к выводу лорд Меридан, это удобный случай представить ее кое-кому из нужных людей.

Несмотря на все эти размышления, он был в прескверном настроении и, буркнув что-то в ответ на приветствия некоторых своих приятелей, направился в огромную желтую с золотом гостиную, где, напоминая султана посреди гарема, восседал принц в окружении своих фаворитов.

Принц протянул руку лорду Меридану.

– Я так и думал, что мы сегодня увидим тебя здесь, – сказал он. – Ну и как бежала та кобыла в последнем заезде? Жаль, что я не смог ее посмотреть.

Они немного поговорили о скачках, а затем лорд Мерник дан, увидев, что к ним направляется леди Деверо, поспешил улизнуть в противоположном направлении, решив, что сейчас не время выяснять отношения со своей любовницей. Он прошелся по комнатам, но Люсинды нигде не было. «Бедняжка, должно быть, отправилась домой», – сочувственно подумал он.

Вдруг из китайской гостиной раздался взрыв хохота, и он увидел толпу

светских франтов, большинство которых он терпеть не мог. Каково же было его изумление и негодование, когда он, обнаружил, что центром их внимания была Люсинда!

Она что-то оживленно рассказывала, и, к своей досаде, лорд Меридан услышал, как она во всех подробностях описывает кулачный бой, прерываемая взрывами неудержимого хохота со стороны своих слушателей.

«Разрази меня гром, это настоящий дьявол! – вскричал забияка Белчер и свалился на землю...»

В этот момент Люсинда сделала драматическую паузу. Лорд Меридан, протолкнувшись сквозь окружающую ее толпу, резко сказал:

– Люсинда! Я повсюду вас ищу!

– Я очень рада, что вы наконец меня нашли, – весело ответила она.

– О, лорд Меридан, вы не можете лишить нас удовольствия дослушать эту историю до конца! – воскликнул кто-то с иностранным акцентом.

Обернувшись, лорд Меридан увидел человека, которого он особенно не выносил. Это был граф Жак де Фалез, один из тех, кто, спасаясь бегством от революции, покинул Францию и нашел убежище в Лондоне. Утонченный французский аристократ, необычайно красивый, он пользовался успехом у женщин. Случалось, что они соперничали с лордом Мериданом из-за благосклонности какой-нибудь дамы и надо с сожалением признать, что англичанин не всегда выходил победителем.

– Мне бы хотелось, чтобы моя жена пошла со мной, – решительно заявил лорд Меридан, глядя на графа, и протянул Люсинде руку.

– Не лишайте нас удовольствия, Меридан! – снова воскликнул кто-то с сожалением. – Пожалуйста, леди Меридан, не обращайтесь на него внимания и дайте нам услышать конец этой истории!

– В другой раз, – ответила Люсинда.

– Нет, нет! – слышались возгласы.

Но лорд Меридан, с потемневшим от злости лицом, быстро увел Люсинду, выговаривая ей по дороге вполголоса:

– Вы делаете из себя посмешище!

Позади он слышал смех, явно направленный в его адрес, и это не улучшило его настроения.

– Вы приехали очень поздно, – сказала Люсинда. – Ужин давно закончился.

– Я был занят другими делами, – высокомерно заявил лорд Меридан.

– У Брукса? – лукаво спросила Люсинда.

Лорд Меридан не удостоил ее ответом. Они быстро переходили из комнаты в комнату, пока Люсинда наконец не сообразила, что он ведет ее к

выходу.

– Вы собираетесь уезжать? – в ужасе спросила она.

– Почему бы и нет? – сказал он. – Вы уже все здесь посмотрели.

– Вовсе нет! – возразила она. – Кроме того, я не могу уйти, не попрощавшись с принцем! Это было бы непростительной грубостью, он был так добр ко мне.

Лорд Меридан изумленно уставился на нее.

– Но я хочу отвезти вас домой. Мне нужно поговорить с вами, – сказал он.

– Завтра у нас будет достаточно времени для этого, – ответила она. – Вы раздражены, не знаю почему видно, вы плохо поужинали! Что ж, сами виноваты. Если бы вы предупредили о своем приезде, я попросила бы повара приготовить что-нибудь особенное. Но зачем же портить вечер мне? Здесь так весело, и я еще не видела всех комнат. К тому же, вам не кажется, что было бы неплохо, чтобы – нас видели вдвоем? Я слышала немало замечаний по поводу того, что вы бросили меня одну сразу после свадьбы.

Лорд Меридан не мог поверить своим ушам. Если бы одна из статуй, украшавших комнату, вдруг ожила и принялась поучать его, как следует себя вести, он и то не был бы так изумлен. Чтобы этот ребенок, эта пигалица выговаривала ему, что он должен и чего он не должен делать! Это совершенно невыносимо!

Он открыл было рот, чтобы сказать ей все, что он об этом думает, как вдруг на его плечо легла тяжелая рука и низкий, густой голос, который он так хорошо знал, прогудел у него над ухом:

– Она обворожительна, Себастьян, просто обворожительна! Это новая звезда Сент-Джеймса!

Это был принц, и лорд Меридан понял, что все пути к отступлению отрезаны.

– О, сир, – услышал он голос Люсинды, – пожалуйста, покажите нам новую картину, которую вы купили вчера на аукционе в Кристи! Все только о ней и говорят, и я просто мечтаю ее увидеть!

Лорд Меридан подумал про себя, что самый верный путь к сердцу принца – это говорить с ним о его коллекциях. Против этого он никогда не мог устоять.

– Вообще-то я как раз собирался отвезти мою жену домой, – начал было лорд Меридан и вдруг неожиданно перехватил умоляющий взгляд Люсинды. Точно такой взгляд он видел у собак, которые жаждут отправиться на прогулку и надеются, что хозяин не оставит их дома. Почти против своей воли он сказал совсем не то, что собирался.

– Я как раз хотел спросить у вас, где вы прячете это ваше новое сокровище, сир, – произнес он.

– Пойдемте же, пойдемте со мной, – с восторгом ответил принц.

Он повел их назад в переполненную гостиную. Лорд Меридан, инстинктивно придвинувшись к Люсинде, чтобы уберечь ее от толкотни, почувствовал как она благодарно сжала его руку.

– Спасибо, – мягко произнесла она.

В ответ он хотел было бросить на нее грозный взгляд, но с удивлением обнаружил, что его гнев уже успел улетучиться.

На следующий день лорд Меридан поднялся еще до полудня, чувствуя себя неожиданно бодрым, потому что накануне он отправился из Кларенса прямо домой, а не просидел, как обычно, до утра за карточным столом.

Он тщательно оделся, с первой попытки безукоризненно завязал по последней моде белоснежный галстук, чем вызвал восхищение своего камердинера, надел блестящие, украшенные кисточками сапоги и спустился по лестнице в холл.

Стоял теплый солнечный день. Входная дверь была открыта, и он увидел, как на улице грум с трудом удерживает гнедую кобылу, которую он купил за неделю до отъезда из Лондона на ярмарке в Таттерсалле и на которой не успел еще ни разу покататься.

Все это привело его в хорошее настроение, и он отправился на прогулку в Парк с улыбкой на лице, что заставило двух лакеев, которые провожали его, недоумевающе поднять брови. Лишь присутствие дворецкого удерживало их от того, чтобы обменяться своим мнением на этот счет.

Коляски уже начали съезжаться к Роттен-роу: сидящие в них дамы демонстрировали свои модные шляпки и крохотные кружевные зонтики, которыми они прикрывались от солнца. Большинство мужчин были верхом, так как считалось непростительной изнеженностью разъезжать по утрам в экипаже.

К тому моменту, когда лорд Меридан подъехал к статуе Ахилла, там уже гарцевало немало его знакомых. Он ни с кем не остановился поболтать, а направился туда, где чуть в стороне стоял элегантный открытый экипаж.

Когда он приблизился, очаровательная шляпка, украшенная голубыми перьями, медленно повернулась в его сторону. Он снял с головы цилиндр и наклонился, чтобы поцеловать маленькую, обтянутую белой перчаткой ручку, которую леди Деверо протянула ему.

– Я не ожидал увидеть вас здесь так рано, – сказал он.

Она посмотрела на него своими удивительными глазами с янтарными прожилками.

– Это была единственная возможность увидеться с вами наедине, – произнесла она чуть слышно.

– Вы выглядите восхитительно, – сказал он.

В белом муслиновом платье, украшенном голубыми лентами, она действительно была хороша, как картинка. В ответ на этот комплимент она одарила его очаровательной ласкающей улыбкой.

– Вчера вечером вы даже не подошли ко мне, – пожаловалась она, надув губки, что, как ей хорошо было известно, очень шло к ней.

– Там оказалась куча знакомых, которым я должен был представить свою жену, – ответил лорд Меридан.

– Ах да, вашу жену! – холодно сказала леди Деверо. – Едва я вернулась в Лондон, как обнаружила, что все только о ней и говорят!

– В самом деле?

Не обращая внимания на его отрывистую реплику, леди Деверо невозмутимо продолжала:

– Я видела ее сегодня утром, но она была так увлечена беседой с джентльменом, который сопровождал ее, что не заметила меня.

Лорд Меридан огляделся по сторонам.

– Так Люсинда здесь?

– Она проехала мимо меня верхом минут десять назад, – ответила леди Деверо. – Странно, что она не сказала вам, что поедет кататься. Хотя, возможно, у нее были на то причины...

Говоря это, леди Деверо даже не пыталась скрыть своего ехидства.

Лорд Меридан резко выпрямился.

– Я, пожалуй, присоединюсь к моей жене, – сказал он. – Ваш покорный слуга, мадам.

Он поклонился, небрежным жестом снова надел цилиндр, но брови его были нахмурены, а улыбка исчезла с губ.

Леди Деверо долго смотрела ему вслед. Без сомнения, он был самым красивым мужчиной среди всех ее знакомых.

Лорд Меридан медленно ехал по Парку, не отвечая на приветствия друзей и отыскивая глазами Люсинду. Прошло немало времени, прежде чем ему удалось найти ее, и сразу же его внимание привлекла великолепная серая лошадь, на которой ехала Люсинда и которую мог найти только Кингсклер. Затем он увидел, кто ехал рядом с Люсиндой, и его лицо потемнело. Графа Жака де Фалеза, с его преувеличенно щегольским видом и чрезмерной элегантностью, трудно было спутать с кем-либо еще. Под

ним была хорошая лошадь, не его собственная, разумеется, так как он не мог себе этого позволить. К счастью, всегда находилось множество друзей, готовых предоставить ему своих лошадей для прогулок верхом. Он был неплохим наездником и легко справлялся с любым самым горячим скакуном.

– Вы очаровательны, как сама весна, – сказал граф Люсинде, когда они повстречались.

Сопровождавший ее Кингсклер, чтобы не слышать их беседы, слегка отстал от них, как и полагалось хорошо воспитанному слуге.

– Вы всегда говорите мне такие восхитительные вещи, – ответила Люсинда. – Даже если вы неискренни, мне все равно приятно их слышать.

– У вас необычная манера отвечать на комплименты, – с улыбкой заметил граф.

– Да, я знаю, – сказала Люсинда. – Просто раньше я никогда не получала комплиментов, поэтому теперь, когда я ложусь спать, я с удовольствием перебираю их в уме один за другим.

– Тогда я надеюсь, что сегодня ночью вы будете вспоминать мои слова о том, что вы самая изящная и элегантная амазонка во всем Парке, – вкрадчиво произнес граф.

Она рассмеялась, продемонстрировав ему ровные жемчужные зубки.

– Именно это я и рассчитывала услышать, – заявила она. – Какой был бы позор, если бы, сидя на такой роскошной лошади, я не умела с ней справиться.

– Но вы ездите верхом как богиня! – воскликнул граф. – Я не видел ни одной женщины, которая могла бы с вами сравниться!

– Кингсклер говорит, что есть люди, которые просто рождаются в седле. А если этого нет, то тут уж ничего нельзя поделать, – сказала Люсинда.

– Меня совсем не интересует ваш Кингсклер, – ответил граф. – Меня интересует только вы. Вы постоянно ускользаете от меня, как бабочка, которую я никак не могу поймать в свои сети. Вы проскальзываете у меня между пальцев, всячески избегаете меня, и это одновременно возбуждает и огорчает меня!

– Вы говорите вздор, – с улыбкой заявила Люсинда. – Что вы имели в виду, когда сказали, что хотите меня поймать?

– Должен ли я это объяснять? – мягко спросил граф.

Люсинда застенчиво опустила глаза. Она подумала, что некоторые вещи лучше вовсе не знать.

– Нет-нет, не стоит, – поспешно ответила она. – Лучше расскажите мне

о себе. Вы скучаете по вашей родине?

– Я вообще не скучаю, когда я рядом с вами. Я хочу лишь слушать вас, смотреть на вас.

Он увидел неожиданный блеск в ее глазах и спросил:

– Почему вы так обрадовались, услышав это?

– Потому что вы сказали, будто вам приятно на меня смотреть, – ответила Люсинда. – До сих пор на меня редко смотрели – разве что лишь с неодобрением.

– Никогда не поверю в это! – воскликнул граф.

– Но это правда, – сказала Люсинда. – Видите ли, моя сестра так красива...

– Но в вас есть нечто гораздо большее, чем красота, – прервал ее граф. – У вас есть ум, характер, не говоря уже о том, что вы божественно сложены. Как могло случиться, что никто прежде вам этого не говорил?

– Это длинная история, – ответила Люсинда. – Но уверяю вас, я действительно раньше не слышала ни одного лестного высказывания в свой адрес.

– Позвольте мне компенсировать это упущение, – пылко произнес граф. – Сказать ли вам, какой я вас вижу? Сказать ли вам, какие чувства пробуждаются в моем сердце, когда я рядом с вами?

В его голосе прозвучала такая страсть, что Люсинда застенчиво опустила глаза и поэтому не увидела, как к ним приблизился лорд Меридан. Она обнаружила его присутствие лишь в тот момент, когда их лошади оказались рядом и резкий, властный голос произнес:

– Доброе утро, Люсинда. Я надеялся, что вы подождете меня, а не отправитесь кататься одна. Но теперь я здесь, и мы можем ехать вместе.

Она подняла к нему лицо, и он заметил, как ее щеки зарделись. Видя, что лорд Меридан намеренно игнорирует присутствие графа, Люсинда в некотором замешательстве протянула ему руку для прощания. Граф поднес ее к своим губам и слегка сжал ее пальцы. В следующую минуту они уже быстрым аллюром направлялись в удаленную часть Парка в сторону Кенсингтона.

Кингсклер последовал было за ними, но лорд Меридан бросил ему через плечо:

– Я сам провожу ее светлость домой, Кингсклер.

– Слушаюсь, милорд.

Грум повернул свою лошадь и галопом поскакал прочь. Лорд Меридан обратил внимание, что лошадь под ним была значительно лучше, чем те, на которых обычно позволялось ездить его собственным грумам.

– Как вам это удалось? – спросил он уже не таким ледяным голосом.

– Как я смогла заполучить Кингсклера? – сказала Люсинда, радуясь тому, что разговор принял совсем не тот оборот, которого она опасалась. – Меня все об этом спрашивают. Мне кажется, что его соблазнило то, что я предоставила ему полную свободу действий. Кроме того, как вы уже знаете, он приходится Нату кузеном и был рад возможности оказать ему услугу.

– Трудно представить, чтобы человек, занимающий такое положение, как Кингсклер, отказался от него по таким сугубо личным мотивам, – сухо заметил лорд Меридан.

– Должна признаться, что я умоляла его почти на коленях, – со смехом ответила Люсинда. – Но мистер Браммель сказал, что только Кингсклер может помочь мне получить то, что я хочу.

– И что же вы так хотите? – поинтересовался лорд Меридан.

– Свою собственную конюшню – такую же, если не лучше, чем ваша, – ответила Люсинда.

Он с изумлением уставился на нее.

– Откуда у вас взялась такая честолюбивая идея?

– На самом деле это моя давнишняя мечта, но я даже не надеялась, что она когда-нибудь осуществится, – ответила Люсинда. – Когда же я очутилась в Лондоне, я поняла, что раз уж я не смогу быть такой красивой, как Эстер или другие дамы, я могу перецеголять их в чем-нибудь другом – ну хотя бы в искусстве верховой езды!

– Вы очень необычная девушка, – сказал лорд Меридан, с удивлением глядя на нее.

Люсинда не ответила, и лорд Меридан вспомнил, что он собирался говорить с ней совсем о другом.

– А теперь я должен сказать вам, Люсинда... – начал было он, но она резко пришпорила лошадь и вырвалась вперед.

– Только не надо мне ничего говорить! – воскликнула она. – Когда люди обращаются ко мне с такими словами, это наверняка означает, что я услышу что-нибудь неприятное. Мама и папа всегда начинали именно так, когда собирались прочесть мне нотацию.

Лорд Меридан вынужден был подгонять свою лошадь, чтобы не отстать от нее.

– Но черт побери, Люсинда! Вы должны меня выслушать!

– Я заранее знаю все, что вы мне скажете, – ответила она, оглядываясь на него через плечо. – Мне нельзя делать того, я не должна делать этого... всю жизнь только и слышу наставления!

Она снова пришпорила лошадь, и лорд Меридан вынужден был пуститься в галоп, чтобы догнать ее. Если бы кто-нибудь увидел, как они скачут во весь опор по зеленым газонам Парка, такое поведение сочли бы крайне неуместным и неприличным, Люсинда вырвалась на два корпуса вперед, и лорд Меридан вынужден был пустить в ход все свое искусство, чтобы поравняться с ней.

Она была превосходной наездницей – в этом он не мог ей отказать. К тому же, как тонкий знаток женской красоты, он должен был признать, что ее зеленая бархатная амазонка, выгодно подчеркивающая фигуру, и высокая шляпка с длинной развевающейся зеленой вуалью были верхом элегантности и изящества.

Они проскакали так не меньше мили, прежде чем ему удалось догнать ее, при этом он не был уверен, что она не придержала свою лошадь нарочно.

Слегка запыхавшись, он протянул руку, схватил ее поводья и резко остановил обеих лошадей.

– Черт подери, Люсинда! – начал он и замолчал, увидев ее разругавшееся смеющееся лицо и сверкающие глаза.

– Вот это было здорово! – переводя дыхание, воскликнула она. – Жаль, что здесь мало места. Когда мы будем в деревне, давайте устроим настоящие состязания – моя лошадь против вашей! Клянусь, у меня есть шанс победить!

– Будем надеяться, что нас никто не видел, – сказал лорд Меридан, убедившись, что они все еще находятся в удаленной части Парка. – Неужели вы не понимаете, что такие выходки недопустимы?

– Что бы я ни делала, обо мне все равно будут судачить, – ответила Люсинда. – Поэтому с тем же успехом я могу дать им пищу для разговоров.

Лорд Меридан нахмурил брови и собрался было что-то сказать, но Люсинда мягко убрала его руку со своих поводьев и развернулась в обратную сторону.

– Поедьте назад, – тихо сказала она. – Я обещаю, что буду хорошо себя вести. Только, пожалуйста, не читайте мне нравоучений... это испортит мне все утро.

– Мне не хотелось бы докучать вам, – сказал лорд Меридан, – но я просто обязан поговорить с вами о графе. Он неподходящая для вас компания.

На секунду воцарилось молчание, и лорд Меридан увидел, как Люсинда упрямо вздернула подбородок.

– А кто возьмется судить об этом? – спросила она.

– Я думаю, что любой со мной согласится, – сурово произнес лорд Меридан.

– Надо полагать, что Дамский комитет Олмака придерживается того же мнения? – поинтересовалась Люсинда.

– Я в этом абсолютно убежден, – ответил он. – Граф Жак де Фалез пользуется репутацией опытного сердцееда.

– Мой дорогой Себастьян, но ваша собственная репутация ничуть не лучше! – ответила она.

Он уставился на нее, не веря своим ушам.

– Только не говорите мне, что вы этого не знаете, – продолжала Люсинда. – Вы и представить себе не можете, какие грехи вам приписывают и что о вас говорят, когда думают, что я не слышу, а иногда и специально, чтобы я услышала.

– Я не потерплю, чтобы меня сравнивали с графом Жаком де Фалезом! – вспыхнул лорд Меридан. – И прошу вас запомнить, что я не желаю, чтобы мою жену видели в его обществе и чтобы он появлялся у нас в доме!

– Только из-за того, что он сердцеед и волокита? – невинно полюбопытствовала Люсинда.

– Потому что он неподходящая компания для молодой женщины, – ответил лорд Меридан. – Любой вам это скажет.

– Любой? – спросила Люсинда. – И леди Деверо?

Услышав это имя, лорд Меридан слегка нахмурился, но после небольшой паузы ответил:

– Я уверен, что леди Деверо разделяет мое мнение.

– Но она-то меня и познакомила с графом! – с милой улыбкой сказала Люсинда. – Сразу же, как только я появилась в Лондоне. Леди Джерси пригласила меня на прием, а леди Деверо была крайне любезна со мной и представила мне графа, уверяя, что тот приложит все усилия, чтобы я не скучала в отсутствие мужа.

В наступившей тишине слышно было только позвякивание уздечек. Несмотря на бесхитростный вид Люсинды, лорд Меридан подозревал, что она прекрасно сознает, что именно говорит. Но прежде чем он смог собраться с мыслями, чтобы ответить ей, Люсинда издала какое-то восклицание и, резко повернувшись, пустила свою лошадь в галоп.

Сначала он даже не понял, куда она направилась. Затем увидел, как на некотором расстоянии от них какой-то мужчина бьет огромной палкой маленького ослика.

Он повернулся, собираясь нагнать Люсинду, но две няни с колясками

загородили проезд, и к тому времени, когда он наконец добрался до места происшествия, Люсинда уже спешила и набросилась на мужчину.

– Только посмейте еще раз ударить этого ослика! – кричала она. – Я заставлю вас пожалеть об этом!

– И что это вы можете мне сделать? – злобно ответил тот.

Это был огромный широкоплечий детина средних лет. От него разило перегаром, и лорд Меридан сразу понял, что он сильно пьян.

– Не суйте свой нос в чужие дела! – орал незнакомец на Люсинду. – Это мой осел, и если мне хочется его побить, никто меня не остановит!

– Я вас остановлю! – заявила Люсинда. – Попробуйте ударить его еще раз, и я отхлещу вас!

Люсинда высоко подняла хлыст, а мужчина в это же время поднял палку. Неожиданно сзади них раздался властный голос:

– Прекратите немедленно! Опустите палку, любезный, не то вам будет плохо!

Люсинда с облегчением взглянула на лорда Меридана.

– О, Себастьян, не позволяйте ему так обращаться с бедным животным! У него вся спина изранена, а шея в крови!

– Я не бил бы его, – захныкал владелец осла, – если бы эта упрямая скотина делала то, что ей велят.

– Да он у вас полумертв от голода, – с упреком сказала Люсинда. – Посмотрите, как у него ввалились бока!

– На что я буду его кормить, если мы ничего не можем заработать? – раздраженно сказал мужчина. – Какой ребенок захочет на нем кататься, если он едва шевелит ногами?

– Он слишком старый и больной для того, чтобы катать детей, – ответила Люсинда.

– Но это мой единственный заработок, миледи, – сказал мужчина, бросив взгляд на лорда Меридана.

Люсинда также посмотрела на мужа, и в ее широко раскрытых глазах читалась немая просьба.

– Пожалуйста, Себастьян, – нерешительно сказала она.

Лорд Меридан неохотно вытащил из кармана гинею и презрительно швырнул ее на землю.

– Забирайте, милейший, – сказал он, – и скажите спасибо, что я не поколотил вас так, как вы того заслуживаете!

Люсинда, позабыв обо всем, ласково гладила ослика, который, будто понимая, что в его жизни происходит что-то странное, стоял тихо, боясь пошевелиться.

– Ну и что мы будем делать дальше? – со смехом спросил лорд Меридан.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Люсинда.

Одной рукой она держала свою лошадь за уздечку, другая лежала на шее ослика.

– Я просто интересуюсь, как вы намерены поступить со своим новым питомцем, – сказал лорд Меридан. – Понесем ли мы его на руках или будем вести за собой на веревочке через Парк, возможно, введя это в моду?

Люсинда подняла руку к губам.

– Ой! – воскликнула она. – Я об этом даже не подумала! И где мы его поместим?

– Это ваши трудности, – ответил лорд Меридан. – Полагаю, Кингсклер будет рад пополнить вашу конюшню.

На Люсинду напал неудержимый смех.

– Можете себе представить, какое лицо будет у Кингсклера! – воскликнула она, и лорд Меридан тоже расхохотался.

– Скажите ему, что вы решили попробовать купить что-нибудь самостоятельно, – посоветовал он. – Не сомневаюсь, что он оценит ваш выбор.

Люсинда снова погладила, ослика.

– Но мы же не можем оставить его здесь, – сказала она. – Этот человек может вернуться, забрать его и снова начать мучить!

– Так что же вы предлагаете? – спросил лорд Меридан.

– Даже не знаю, – растерялась Люсинда. – Себастьян, пожалуйста, придумайте что-нибудь!

Неожиданно ему стало приятно, что он может решить эту сложную проблему. Увидев невдалеке кучку мальчишек, которые с интересом следили за всем происходящим, он сделал им знак рукой. Старшему из мальчишек было лет двенадцать-тринадцать, и у него был довольно смысленный вид.

– Подойди сюда, мальчик, – сказал лорд Меридан.

Хотя парнишка был грязный и оборванный, Люсинда сразу прониклась к нему доверием. Он внимательно посмотрел на лорда Меридана, который спросил:

– Ты знаешь дорогу до Беркли-сквер?

Поколебавшись, парнишка ответил:

– Знаю, хозяин.

– А конюшни позади площади?

– Думаю, найду, хозяин.

– Отлично. Отведи туда этого ослика. Спроси, где конюшня лорда Меридана, там тебя будут ждать. Если успеешь доставить ослика в течение получаса, получишь полсоверена.

– Я сделаю все, что прикажете, хозяин, – ответил мальчишка, и глаза его загорелись при мысли о таком богатстве.

– Только не спеши, – предостерегающе сказала Люсинда. – Веди его потихоньку, он очень старый и больной, и с ним плохо обошлись.

– Я буду очень осторожен, миледи, – пообещал мальчик.

– И не вздумай сесть на него, – продолжала Люсинда. – Ты слишком тяжелый.

– Нет-нет, я поведу его шагом, – сказал мальчик. Протянув руку, он похлопал ослика по шее.

– Если ты будешь с ним ласков, он сделает все, что ты захочешь, – сказала Люсинда. – Просто с ним до этого очень плохо обращались. Он сильно напуган, а напуганные животные пытаются защищаться так же, как и люди.

– Я доставлю его в целости, – заверил мальчик. – Лорд Меридан, так вы сказали?

– Совершенно верно. И спасибо за услугу.

Когда мальчик с осликом отошел от них, Люсинда повернулась к лорду Меридану.

– Спасибо, – медленно сказала она, – большое вам спасибо.

– Мне интересно, что вы заставите меня купить в следующий раз, – ответил лорд Меридан.

– Я понимаю, что это довольно нелепое приобретение, – нерешительно сказала Люсинда. – Но что же еще мы могли сделать в этой ситуации?

– Мы могли притвориться, что ничего не видели, – ответил лорд Меридан.

Люсинда покачала головой.

– Вы никогда бы так не поступили, – сказала она. – Разве нет?

– Не поступил бы? – спросил лорд Меридан, обращаясь скорее к себе, чем к ней. – Что ж, возможно, вы и правы.

Люсинда казалась лорду Меридану крохотной на фоне двух огромных лошадей. Он хотел было что-то сказать, но передумал.

– Я помогу вам взобраться на лошадь, – предложил он.

– О, это излишне, – ответила Люсинда. – Я привыкла ездить одна.

Легко, как перышко, она вскочила в седло, расправила складки своей длинной юбки, и спустя несколько секунд они уже галопом скакали по направлению к Роттен-роу.

Экипаж леди Деверо стоял там же, где лорд Меридан видел его в последний раз. Он собрался было проехать мимо, приподняв лишь шляпу в знак приветствия, но леди Деверо окликнула их, так что им пришлось остановиться.

– Я вижу, вы нашли свою жену, Себастьян, – сказала она с улыбкой и повернулась к Люсинде. – Я как раз рассказывала вашему мужу, что пока его не было, вы имели огромный успех, и о вас говорит весь город.

– Это особенно лестно слышать из уст вашей светлости, – ответила Люсинда, – потому что где бы я ни была, все только о вас и говорят!

Эти слова были сказаны с самым невинным видом, но что-то во взгляде Люсинды заставило леди Деверо насторожиться.

– Я так рада, что Себастьян нашел вас, дорогая, – сладко пропела она. – Я сказала ему, что у вас уже есть сопровождающий, но, как все хорошие мужья, он поспешил на ваши поиски.

– Он не только нашел меня, – заверила Люсинда, – но и сделал мне замечательный подарок. Как раз то, что мне особенно хотелось получить.

– Вот как?

Эти слова леди Деверо произнесла ледяным тоном, а затем добавила:

– Но он всегда очень щедр. Разве не правда, Себастьян?

«Один-ноль в пользу леди Деверо», – подумала Люсинда.

Она незаметно тронула шпорой свою лошадь, и та попыталась встать на дыбы.

– Боюсь, что моя лошадь слишком беспокойна, – вежливо сказала она. – Как разумно, что ваша светлость не утомляет себя и отправляется на прогулки в экипаже. Хотя, наверное, в моем возрасте вы тоже ездили верхом!

Не дожидаясь ответа, она рванулась вперед, как бы не в силах удержать более свою лошадь. Поспешно пробормотав «до свидания», лорд Меридан последовал за ней.

Люсинда ехала таким быстрым шагом, что у них не было возможности продолжать разговор. Когда они добрались до Беркли-сквер, Люсинда сразу устремилась на конюшню, чтобы отыскать Кингсклера и сообщить ему о своей новой покупке.

– Что вы с собой сделали? – спросил ее Чарльз Холстед. Они обедали на Беркли-сквер, прежде чем отправиться на прием в Девоншир-хаус.

Чарльз задал этот вопрос почти шепотом, и прежде чем ответить, Люсинда оглянулась, чтобы убедиться, что никто из гостей их не услышит.

Их было всего двенадцать человек, и все они были приглашены в последнюю минуту, когда Люсинда сообщила лорду Меридану, что их

сегодня ожидают в Девонширхаус. Лорд Меридан выяснил, что многие из его приятелей оказались в том же положении, что и он, и заранее не позаботились об обеде.

В результате среди приглашенных было всего две женщины – милые, скромные дамы, приехавшие со своими мужьями. Остальными гостями были неженатые приятели лорда Меридана, большинство из которых гостили вместе с ним у Чарльза Холстеда в Ньюмаркете.

– Расскажите мне, Люсинда, – говорил Чарльз. – Вы можете провести кого угодно, только не меня. Я видел вас в день свадьбы и готов поклясться, что в Парке я едва узнал вас.

– Неужели я так изменилась? – спросила Люсинда.

– Вы сами отлично это знаете, – ответил Чарльз. – Ну же, сознавайтесь, кто совершил это чудо?

– Вы, – сказала Люсинда.

– Я? – изумился Чарльз.

– Именно вы, – невозмутимо ответила Люсинда. Она на минуту отошла от него, чтобы спросить у одной из дам, не хочет ли она еще кофе. Чарльз наблюдал, как она грациозно передвигается по комнате. Ее платье из прозрачного газа ярко-красного цвета подчеркивало совершенство ее фигуры и... снежную белизну кожи.

Когда она вернулась к нему, Чарльз поднес ко лбу руку.

– Мне начинает казаться, что я грежу, – сказал он, – когда я вспоминаю эту жалкую девчушку с нездоровым цветом лица, растрепанными волосами, в забрызганном грязью платье.

– Я ее не забыла, – ответила Люсинда. – Иногда ночью я встаю с постели, зажигаю свечу и смотрю на себя в зеркало, чтобы убедиться, что я не выдумала все это.

Она обвела взглядом гостиную и сидящих вокруг нее людей, а затем пальцами дотронулась до великолепного бриллиантового кольца, которое было на ней надето.

– Но это отнюдь не сон, – сказал Чарльз. – Как вы это сделали?

– Это все мадам Бертен, – ответила Люсинда. – О, Чарльз, я не могу вам передать, какие это были кошмарные дни! Она ни на секунду не выпускала меня из своей маленькой тесной комнатки, ко мне примеряли тысячу разных материалов, меня всю искололи булавками; это была настоящая пытка. Затем она послала за своей приятельницей, и та разукрасила мое лицо какими-то жуткими мазями так, что я стала похожа на клоуна.

Люсинда улыbnулась при этом воспоминании, а затем продолжала:

– Эти мази сняли весь загар, который в течение многих лет покрывал мое лицо. Мне было страшно больно, временами я едва терпела. Зато когда все это соскоблили с моего лица, оно стало таким, каким вы его сейчас видите.

– Неужели вы никогда не предполагали, что у вас такая кожа? – спросил Чарльз. – Она похожа на камелию – я в жизни не видел ничего подобного!

– Я не имела ни малейшего представления. Видите ли, я всю жизнь ездила верхом без шляпы, хотя мама ругала меня за это. И я всегда donaшивала платья Эстер, из которых она выросла, а поскольку она блондинка, эти платья были всегда пастельных тонов. Мадам Бертен говорит, что они придавали моей коже желтоватый оттенок. Сейчас она шьет мне платья только из тканей ярких, сочных тонов.

– А известно ли вам, что вы уже установили новую моду? – спросил Чарльз. – Все дамы в Лондоне перекрашивают свои платья.

– Я слышала об этом, – ответила Люсинда. – Ну не смешно ли?

– Черт возьми, вы просто, чудо! – пылко вскричал Чарльз.

– И все это благодаря вам, – сказала Люсинда. – Я готова за это задушить вас в объятиях!

– Ради Бога, не делайте этого! – испугался Чарльз. – Можете себе представить, какой будет скандал! А Себастьян попросту продырявит мне голову – он стреляет куда лучше меня.

– Не волнуйтесь, Чарльз, – успокоила его Люсинда. – Это была просто метафора.

– Ей Богу, я горжусь вами! – заявил Чарльз. – Когда мы привезли вас в Лондон, вы были жалким созданием, на которое никто никогда не обратил бы внимания. А теперь вы настоящая звезда! На сегодняшнем балу вы будете первой красавицей.

– Не забывайте, что ее светлость, пассия моего мужа, тоже там будет, – с легкой гримасой сказала Люсинда.

Чарльз оглянулся на лорда Меридана, опасаясь, как бы тот не услышал.

– Бога ради, Люсинда! – начал он.

Но Люсинда уже отошла, и до него донесся только ее звонкий смех.

В Девоншир-хаусе было, как всегда, столпотворение. Это означало, что если вы случайно оторвались от своей компании, вам больше не удастся встретиться с ними в этой толчее.

Комнаты для приемов были огромными, но все равно казалось, что в них не удастся разместить всю толпу, которая поднималась по парадной

лестнице.

Повсюду были зажжены тысячи свечей, шум голосов заглушал струнный оркестр, тут и там сновали официанты, разнося на золотых подносах хрустальные фужеры с шампанским, – и над всем этим царила атмосфера напряженности, интриг и снобизма.

Суровое, мрачное лицо герцога было полной противоположностью очаровательному лукавому личику его жены. Обычно в Девоншир-хаусе собирались лишь те, кто что-либо собой представлял, поэтому получить приглашение от герцогини считалось большой честью.

Леди Деверо была одной из самых красивых среди присутствующих дам. Ее платье было вышито крохотными незабудками, но все сошлись на том, что оно не шло ни в какое сравнение с платьем, которое было на новой графине Меридан.

Яркий красный цвет выделялся даже среди многообразия красок, а знаменитым бриллиантам Мериданов не было равных. Дело было не столько в цвете платья, сколько в том, как она его носила, как оно подчеркивало ее восхитительную фигуру. Она притягивала взгляды всех присутствующих мужчин.

– Она не то чтобы очень красива, – говорил один старый повеса другому, – но в ней есть что-то такое, отчего хочется смотреть на нее снова и снова.

– Клянусь Богом, дьявольски привлекательная женщина! – воскликнул его приятель, а стоявший рядом джентльмен, имевший репутацию циника, пробормотал:

– У нее глаза как у ребенка, попавшего на праздник.

Но возможно, что настоящей причиной, почему Люсинда привлекала всеобщее внимание, было то, что ее окружал ореол невинности и чистоты. Все остальные женщины рядом с ней казались старыми и отяжелевшими. Она словно не шла, а парила в воздухе, такая миниатюрная и в то же время столь уверенная в себе.

Около полуночи лорд Меридан обнаружил, что уже давно не видел своей жены. Леди Деверо уговорила его проводить ее вниз поужинать, а когда они вернулись в бальный зал, Люсинды нигде не было.

Он увидел, как к ним направляется Чарльз Холстед, разговаривая с одним из приятелей.

– Ты не знаешь, где Люсинда? – спросил лорд Меридан.

– Я видел ее последний раз часа два назад, – ответил Чарльз. – Я думал, она с тобой.

– Я уходил ужинать, – сказал лорд Меридан.

– И оставил Люсинду одну умирать с голоду, – укоризненно ответил Чарльз.

Лорд Меридан слегка смутился.

– Я видел леди Меридан минут двадцать назад, – сказал приятель Чарльза.

– Где? – быстро спросил лорд Меридан.

– Она поднималась по лестнице наверх, – ответил тот. – С ней был этот француз – граф Жак, или как его там, он что-то говорил о том, что собирается показать ей какие-то картины.

Лорд Меридан сжал губы и, резко повернувшись, направился к лестнице.

– Идиотка, – пробормотал он. – Неужели она не понимает, что когда такой тип, как де Фалез, уводит женщину из бального зала, чтобы взглянуть на картины, он имеет в виду совсем другое?

Как могла она быть такой глупой и доверчивой, чтобы уйти с человеком, пользующимся такой репутацией?

Потом он вспомнил, как она еще молода и неопытна, и понял, что Чарльз был прав и ему не следовало оставлять жену одну. Эта мысль только усилила его раздражение.

Он поднялся на верхний этаж и пошел по широкому коридору, вдоль которого располагалось множество комнат. Он открыл первую дверь и обнаружил, что это кабинет, забитый книгами. В углу шепталась какая-то парочка, но Люсинды там не было.

Он обошел еще три комнаты с тем же результатом и наконец, дойдя почти до конца коридора, увидел Люсинду.

Она вышла из какой-то комнаты, закрыла за собой дверь и заперла ее на ключ. Затем быстрыми шагами направилась в его сторону.

Он был так удивлен ее поведением, что остановился и стал смотреть, что же будет дальше. Поравнявшись с ним, она подняла голову. На бледном лице выделялись огромные, испуганные глаза.

– Себастьян!

С криком облегчения она бросилась к нему.

– О, Себастьян, какое счастье, что вы здесь. Я собиралась идти искать вас.

– Почему? – хрипло спросил он. – Что случилось?

Люсинда оглянулась и понизила голос.

– Я должна была найти вас, – сказала она почти шепотом. – Видите ли, я... я убила человека!

Лорд Меридан бросил взгляд на белую, как снег, Люсинду и молча

открыл дверь в соседнюю комнату. Он заглянул внутрь, чтобы убедиться, что она пуста.

– Идите сюда, – быстро произнес он.

Они вошли в комнату, и лорд Меридан закрыл дверь.

– А теперь расскажите, что же произошло, – сказал он.

Полный ужаса взгляд Люсинды был устремлен на лорда Меридана.

– Мне... мне кажется, что он мертв, – дрожащим голосом произнесла Люсинда.

– Кто? – спросил лорд Меридан, заранее зная ответ.

– Граф Жак де Фалез, – еле слышно ответила Люсинда.

Лицо лорда Меридана осталось невозмутимым.

– Как могло случиться, что вы убили его? – спросил он и, прежде чем она успела ответить, добавил: – Расскажите все с самого начала.

Люсинда в отчаянии заломила руки, ее тихий голос дрожал. Всем своим видом она походила на школьницу, не выучившую урок.

– Я танцевала с графом, – начала она, – а потом он предложил пойти взглянуть на картины в зале наверху. Он сказал, что здесь есть великолепная коллекция, и даже описал некоторые из полотен.

– Продолжайте, – мрачно проговорил лорд Меридан, – эта уловка стара, как мир, но откуда вам это было знать.

– Я не хотела уходить из бального зала, – продолжала Люсинда, – но он так настаивал, что мне было неловко отказаться.

– И тогда он повел вас сюда?

– Да, – подтвердила Люсинда. – Мы зашли в первую комнату, где висели картины. Когда граф увидел, что в комнате есть люди, он стал настаивать, чтобы мы прошли в другую комнату, дальше по коридору.

На секунду она замолчала, а потом еле слышно прошептала:

– Вы, должно быть, считаете, что я очень глупая. Я действительно не понимала, что не должна идти с ним, когда он так настаивает.

– Граф очень опытен и обладает способностью убеждать, особенно когда имеет дело с молоденькими девушками, – при этих словах лицо лорда Меридана исказилось от гнева.

– Но тогда я этого не знала, – ответила Люсинда, – и делала то, что он просил. Когда мы пришли в последнюю комнату, я вошла первой и увидела, что картин в комнате почти нет. Это был кабинет с письменным столом посередине. Повернувшись было, чтобы указать ему на его ошибку, я увидела...

Люсинда набрала побольше воздуха и вымолвила:

– Я увидела, как он... запирает дверь.

– Я же говорил вам, этому человеку не место в приличном обществе! – воскликнул лорд Меридан. – Продолжайте!

– Сначала я решила, что ошиблась, – сказала Люсинда. – Я только успела произнести: «Здесь же нет картин. Я думаю, нам лучше вернуться в бальный зал», как он...

Она закрыла лицо руками.

– Ну, и дальше? – безжалостно настаивал лорд Меридан.

– Он подошел ко мне... и обнял. – Люсинда вся дрожала, но, сделав над собой усилие, продолжила. – Он говорил о том, что только сейчас у него появилась возможность остаться со мной наедине, несмотря на то, что знает он меня давно. Он пытался... поцеловать меня, я сопротивлялась, но он был сильнее. Я не смогла убежать. Я боролась, но он был так силен, что я даже не могла пошевелиться.

Люсинда замолчала и в мольбе протянула к лорду Меридану руки.

– Это было ужасно! – вскричала она. – Я поняла, что ненавижу его! Мне было отвратительно его прикосновение... но было поздно: он впился в меня своими губами, и я не могла вырваться!

При этом воспоминании она всхлипнула.

– Как же вам удалось убежать? – спросил лорд Меридан.

– Он пригнул меня к письменному столу, – прерывающимся голосом ответила Люсинда, – и так неистово целовал меня, что я почувствовала, как у меня все поплыло перед глазами. Такого со мной еще не случалось. А потом... потом моя рука коснулась какого-то предмета на столе.

– Что это было? – спросил лорд Меридан.

– Подсвечник, тяжелый медный подсвечник, – ответила Люсинда. – В одно мгновение что-то снизошло на меня, и я поняла, что надо делать. Я схватила подсвечник и со всей силы обрушила ему на голову. Мне показалось, что я только слегка оглушила его, однако он отпустил меня и упал мне на плечо.

Люсинду передернуло, пережитое вызывало у нее отвращение.

– Я ударила его еще раз, – прошептала она, – а потом еще и еще – я не вполне сознавала, что делаю. Мною овладело чувство бешеной ненависти к нему. И только когда граф рухнул на пол и замер, я поняла, что натворила.

Люсинда смотрела на лорда Меридана полными слез глазами.

– Я в отчаянии, Себастьян, – пробормотала она, – в ужасе от того, что сделала. Представляю, какой это вызовет скандал, у вас будут неприятности... И зачем только я ударила его?

Он положил ей руки на плечи.

– Вы сделали единственное, что было правильным в этой ситуации, –

сказал он. – Этот подлец получил по заслугам.

– Но Олмак! – воскликнула Люсинда. – Принц и все остальные – что они скажут?

Казалось, лорд Меридан что-то обдумывает, затем, нежно прикрыв рукой ледяные пальчики жены, он сказал:

– Вы должны взять себя в руки, Люсинда, и делать в точности то, что я вам скажу.

– Вы не заставите меня возвращаться в ту комнату? – в голосе Люсинды слышался ужас.

– Ну конечно же нет, – ответил лорд Меридан. – Идите вниз и ведите себя, как будто ничего не произошло.

Она не отвечала и смотрела на него широко раскрытыми глазами.

– Вы поняли? – спросил лорд Меридан. – Вы не должны быть втянуты в это дело. Положитесь на меня.

– Себастьян, это моя вина...

– Надеюсь, тут не будет ничьей вины. Но мы не можем больше оставаться здесь. Люсинда, посмотрите на себя – поправьте ожерелье и подберите волосы.

Бессознательно она подчинилась ему и подошла к зеркалу. Глядя на свое отражение, ей трудно было поверить, что она – убийца. Она выглядела просто великолепно, украшения таинственно сверкали в волосах и на изящной шейке.

– Я не могу допустить, чтобы вы взяли на себя мою вину, – сказала она, обернувшись к лорду Меридану.

– Я постараюсь устроить все так, чтобы никто не был виноват, – ответил лорд Меридан, – кроме того человека, который это заслужил, – самого графа. Доверьтесь мне и отдайте ключ от комнаты, в которой вы его оставили.

Люсинда протянула ему ключ.

– Идите, Люсинда, – мягко произнес лорд Меридан, – выше нос.

Они вышли в коридор. Пока они спускались вниз по лестнице, Люсинда старалась запомнить все указания лорда Меридана. И когда они подошли к переполненному бальному залу, их разговор выглядел достаточно естественно. Они вошли в зал, освещенный огромной люстрой. Лорд Меридан поискал глазами Чарльза Холстеда.

– Чарльз! – позвал лорд Меридан, и по его виду можно было догадаться, что дело очень срочное. – Мне нужно поговорить с тобой!

Направившийся к ним Чарльз был очень элегантен в темно-фиолетовом атласном камзоле, который сидел на нем как влитой.

– К твоим услугам, Себастьян, – немного насмешливо произнес он. – Ты желаешь оказать мне честь и позволить проводить Люсинду?

– Я желаю, чтобы ты пошел со мной. Это крайне важно.

Глаза Чарльза расширились от удивления. Лорд Меридан оглядел зал.

– С кем вы здесь знакомы? – тихо спросил он Люсинду.

Не успела она ответить, как на лестнице послышались голоса, а в зале воцарилась тишина, которая всегда сопровождает появление особ королевского дома.

Прибыл пышно разодетый и усыпанный бриллиантами принц Уэльский.

Он сразу же заметил лорда Меридана и Люсинду.

– А, Меридан, – весело сказал он, – я так и думал, что найду вас здесь. И леди Меридан – счастлив видеть вас. Я пришел поздно и, наверное, пропустил все самое интересное. Леди Меридан, расскажите мне, что здесь происходит и кто, за исключением вас, самый красивый сегодня.

Люсинда склонилась в глубоком реверансе.

– Почту за честь, сир, – ответила она.

– Строго между нами, – продолжал принц, – скажите, неужели Девоншир устраивает более интересные вечера, чем я, – вы повергнете меня в страшное уныние, если ответите «да»!

– Это невозможно, сир! – ответила Люсинда и лукаво добавила: – Даже если и так, то ни я, ни кто-либо другой не отважился бы сказать это вашему высочеству!

Этот дерзкий ответ понравился принцу. Когда они, оживленно разговаривая, направились через зал к герцогу и герцогине Девонширским, Люсинда успела заметить, что лорд Меридан и Чарльз уже исчезли.

Она старалась не думать о них, старалась все внимание уделять разговору с принцем и показать всем, как она весела и беспечна. Люсинда не совсем отдавала себе отчет в том, что она говорит, но замечала, что сказанное ею веселит и принца, и всех, кто окружал их. Она заставляла их смеяться, а время медленно, но неуклонно шло. Люсинде казалось, что прошла целая вечность, когда она наконец увидела идущего к ним лорда Меридана.

Увлечшись беседой с одним дипломатом, принц не обратил внимания, что Люсинда отошла от него и направилась к мужу. Она не решалась произнести вслух вопрос, написанный в ее глазах. Лорд Меридан взял ее под руку.

– Мне кажется, нам пора домой, – сказал он серьезно, – если вы, конечно, не хотите еще потанцевать.

– Уже поздно, – ответила она.

Они распрощались с принцем, с хозяевами дома и другими гостями. Казалось, все хотели сказать несколько слов лорду Меридану и его уже знаменитой жене. То, что Люсинда практически весь вечер провела в беседе с принцем, не прошло незамеченным. Было очевидным, что леди Меридан пользуется такой же благосклонностью принца, как и ее муж, поэтому каждый желал засвидетельствовать им свое почтение в надежде быть зачисленным в круг друзей Мериданов.

В результате они с трудом прокладывали дорогу к выходу, и Люсинде пришло в голову, что если бы она явилась в одном из платьев, купленных ей матерью в приданое, ей был бы оказан совсем другой прием. Ей крупно повезло, что в первые же дни ее пребывания в Лондоне графиня Джерси и г-н Браммель взяли ее под свое покровительство!

Если бы только все эти люди, стремящиеся завоевать ее благосклонность, знали, что она преступница, а убитый ею человек находится наверху!

Подали экипаж, и они наконец остались одни.

– Что случилось? – затаив дыхание, спросила Люсинда.

– Все в порядке, – успокоил ее лорд Меридан, – все оказалось не так страшно.

– Он жив?

От чувства непередаваемого облегчения она чуть было не расплакалась, но вовремя вспомнила, как мужчины, и в особенности лорд Меридан, ненавидят сцены. Усилием воли она взяла себя в руки.

– Да, он жив, – ответил лорд Меридан, – но, черт меня подери, Люсинда, я и не представлял, что вы такая кровожадная! Вы его всего измочалили! Понадобится чертовски много времени, чтобы зажили его страшные раны!

– Но он жив? – спросила Люсинда, не в силах сразу поверить ему.

– Он жив, но в ужасном состоянии! – воскликнул лорд Меридан.

– О, слава Богу! Как вам удалось увезти его? Где он? Что вы с ним сделали?

– Мы с Чарльзом стащили его вниз по черной лестнице, – ответил лорд Меридан. – Погрузили его в экипаж и отвезли к нему домой на Сент-Джеймс-плейс. Если нас кто и видел, могли подумать, что граф просто здорово набрался. Мы отнесли его наверх и уложили на кровать.

– Он был без сознания? – спросила Люсинда.

– Как только мы дали ему стакан бренди, он тут же пришел в себя. Мы послали за доктором его слугу, которому сказали, что хозяин, будучи

пьяным, свалился с лестницы. Слуга поверил нашему объяснению, и я думаю, что граф не скоро будет в состоянии опровергнуть это, а потом уже окажется поздно. Да он и сам не захочет.

– А если он все-таки расскажет? – спросила Люсинда.

Лорд Меридан улыбнулся:

– Ни один мужчина не признается, что его до потери сознания избил женщина, тем более такая хрупкая, как вы. Да его все просто засмеют. А в том, что он был пьян, нет ничего зазорного.

– Вы хотите сказать, что о моем участии в этой истории никто не узнает? – спросила Люсинда.

– Если вы сами не разболтаете, – ответил лорд.

– О, благодарю вас! Спасибо! Как вам ловко удалось... спасти меня!

В порыве благодарности она хотела обнять лорда Меридана или хотя бы дотронуться до его руки, но опять ее глаза наполнились слезами, и ей пришлось все усилия потратить на то, чтобы не расплакаться.

– Мне показалось, что вы чуть было не сказали «спрятать труп», – насмешливо произнес лорд Меридан. – Именно это мы с Чарльзом и собирались сделать, когда шли наверх, и тем более, когда увидели, что вы натворили.

– А если бы граф действительно был... мертв, вы бы пошли на то, чтобы избавиться от трупа? – спросила Люсинда.

– Мне трудно ответить, – сказал лорд Меридан. – К счастью, до этого не дошло! В следующий раз, Люсинда, не бейте никого до смерти. Одного удара было вполне достаточно – остальные были уже лишние.

– Такого больше не случится, – быстро ответила Люсинда. – Меня теперь во второй раз не проведут.

– Я же предупреждал вас, – напомнил лорд Меридан.

– Да, я помню, – ответила Люсинда. – Я по глупости не послушалась вас, но вы даже представить не можете, как было восхитительно слушать его комплименты. Он говорил мне, что я чудесно выгляжу, что я красива и элегантна. – На секунду она замолчала. – Мне никто этого раньше не говорил.

– Ну, после вашего успеха у принца найдется куча людей, которые с готовностью будут осыпать вас комплиментами, – сухо заметил лорд Меридан.

– Вполне возможно, – ответила Люсинда, – но я не буду их слушать.

– Еще как будете, – сказал лорд Меридан. – Женщины любят лесть, и я не думаю, что вы исключение.

– Мужчинам тоже нравится лесть, – возразила Люсинда. – Мне

кажется, любому человеку доставляет удовольствие, когда им восхищаются.

– Может быть, вы и правы, – зевнув, ответил лорд Меридан. – Как бы то ни было, все позади, и мы дома. Надо отдать вам должное, Люсинда, вам удалось избавить меня от смертельной скуки, которая всегда сопровождает такие нудные вечера.

Люсинда не поняла, было ли это сказано с насмешкой. Выходя из экипажа, она бросила на него настороженный взгляд и направилась к дому. Свечи были зажжены, и несколько лакеев ожидали их возвращения. Люсинда представила, как бы они отреагировали на ее предложение, чтобы их ждал только один лакей, а остальные шли отдыхать. Она была уверена, что дворецкий был бы шокирован. В настоящий момент дворецкий спрашивал, не желают ли они чего-нибудь выпить или съесть.

– Вина, – сказал лорд Меридан. – А вы, Люсинда? Вы ведь так и не ужинали?

– Я не голодна, – ответила Люсинда. После всего пережитого она даже думать не могла о еде.

– Велите принести легкую холодную закуску, – приказал лорд Меридан.

– Хорошо, милорд.

Лорд Меридан и Люсинда прошли в библиотеку. Меридан расположился в глубоком кресле.

– Вам нужно что-нибудь съесть, – сказал он мягко. – Утром вам станет лучше. Может, хотите вина?

– Я действительно ничего не хочу, – ответила Люсинда, но почувствовав, что отказ звучит невежливо, добавила: – Нет, я конечно же, постараюсь съесть что-нибудь.

Лорд Меридан наблюдал, как она шла через комнату, снимая на ходу перчатки и веер с руки. Он поинтересовался:

– Вам никогда не приходило в голову, что у вас великолепная фигура?

– До моего отъезда из дому у меня не было случая задумываться над этим. – На лице Люсинды появилась слабая улыбка. – А мама была бы в ужасе, если бы кто-то обсуждал столь деликатные вопросы.

– Я себе представляю, что с ней было бы, – согласился лорд Меридан, – и она права. Мы стали чересчур распущены на язык и довольно неразборчивы. Этим и объясняется, что людей, подобных графу, принимают теперь в самых лучших домах.

Люсинда подошла к камину и протянула руки к огню. Своим изяществом она могла соперничать со стоящей на камине севрской

статуэткой.

– Мне было так весело сегодня, – задумчиво произнесла она, – а это ужасное происшествие все испортило. Теперь я понимаю, почему многие так стремятся попасть в высшее общество, почему это так много значит для них. Я всегда считала разговоры мамы и Эстер о высшем обществе простой болтовней, чепухой. А сейчас поняла, как все это затягивает.

– Меня подобная суета всегда утомляла, – сказал лорд Меридан.

Люсинда покачала головой.

– Все это только так кажется. Если бы вас не приглашали в Кларенс-хаус, если бы вы не были желанным гостем на всех приемах, если бы вами не восхищались и в то же время не боялись – вы возненавидели бы весь белый свет. Вы богаты! Вам сопутствует успех, вы принадлежите к сливкам общества! Вы никогда не задумывались, каково тем, кто страстно желает вести образ жизни, подобный вашему, но не имеет такой возможности?

– Очень проникновенная речь, – саркастически заметил лорд Меридан.

– Я много размышляла над этим, – продолжала Люсинда, игнорируя его реплику. – Там, у Девонширов, когда все пытались обратить на себя наше внимание, я подумала, что было бы, если бы папа не проиграл вам в карты и вы не женились бы на мне. Возможно, я никогда не увидела бы Лондон.

– И это имело бы для вас такое большое значение? – спросил наблюдавший за ней лорд Меридан.

– Думаю, я никогда бы и не узнала, чего лишилась, – ответила Люсинда. – Но сейчас я счастлива, что так получилось. Я могу казаться вам глупой, но я набираюсь опыта... я стараюсь узнать как можно больше.

– Какая вы удивительная девушка! – изумился лорд Меридан.

– Другими словами, я не та жена, которую вы рассчитывали получить! – воскликнула Люсинда.

– Я этого не говорил, – ответил лорд Меридан.

– Но вы это подумали, – с обидой в голосе произнесла Люсинда.

– Я не могу даже сказать, чего я ожидал, – сказал лорд Меридан, и Люсинда поняла, что в настоящий момент его слова искренни. – Ну уж, конечно же, я не рассчитывал, что моя жена будет до смерти избивать своих слишком страстных поклонников.

– А сейчас вы жестоки, – промолвила Люсинда.

– Разве? – Он мягко улыбнулся и добавил: – По крайней мере, теперь у меня есть жена, которая не только имеет успех в обществе, но и ведет себя довольно оригинально.

Их глаза встретились, и в наступившей тишине что-то промелькнуло

между ними. Люсинда даже не успела понять, что это было.

Тут дверь распахнулась, и волшебное ощущение исчезло.

Вошел лакей с подносом, заставленным блюдами со всевозможными закусками, графинами с вином, чашками с кофе и шоколадом. Только теперь Люсинда почувствовала сильную усталость, которая была реакцией на сегодняшние события.

– Я, наверное, пойду к себе, – сказала она, протягивая лакею почти нетронутую тарелку.

– Я тоже с удовольствием отправился бы спать, – заметил лорд Меридан, – но меня у Брукса ждет Чарльз.

– Не слишком ли поздно? – спросила Люсинда, бросив взгляд на часы.

– Завсегдатаи будут играть до рассвета, – ответил лорд Меридан.

– В таком случае, спокойной ночи, милорд, – сказала Люсинда, – и еще раз спасибо вам.

Большого она сказать не могла, потому что в комнате находились слуги. Лорд Меридан поцеловал ей руку.

Люсинда направилась в спальню с единственным желанием заснуть и забыть пережитый ужас.

Проснулась она поздно, и первой ее мыслью было: что сказала бы мама, если бы узнала, что она до полудня нежится в постели? Она позвонила горничной, которая принесла чашку шоколада.

– Его светлость уже ушли? – поинтересовалась Люсинда.

Неизвестно почему, у нее возникла уверенность, что он оставил ей записку. События последней ночи сблизили их, и она надеялась, что ему, может быть, захочется отправиться с ней на прогулку.

– Мне кажется, его светлость уехал в Рейнлаф, – ответила горничная.

Со вздохом Люсинда подошла к письменному столу, заваленному грудой приглашений. Ее приглашали в ассамблеи, на приемы, костюмированные балы, на чай, завтраки и обеды – на столе лежали десятки белых пригласительных билетов от хозяек самых модных салонов.

– Ну и неразбериха! – воскликнула Люсинда.

– Прошу прощения, ваша светлость, – сказала горничная. – Я забыла сообщить вам, что секретарь его светлости передал вам список, в котором все ваши визиты расписаны по дням.

– Это мне очень поможет, – заметила Люсинда.

Она взяла протянутый горничной список, написанный четким, разборчивым почерком секретаря. Ей показалось, что дел слишком много, а у нее не было ни малейшего желания вообще что-либо делать.

– Никак не решу, с чего начать, – сказала она, нетерпеливо бросая

список на стол. – Поеду-ка я к мадам Бертен. Велите передать Кингсклеру, что прежде, чем подадут экипаж, я хочу осмотреть лошадей... и моего ослика, пока его не отправили в имение.

Кингсклер нашел ослику пристанище у одного своего престарелого родственника, за небольшую плату присматривавшего за животными, хозяева которых хотели дать им возможность спокойно дожить свой век. Люсинду уверили, что ослику там будет хорошо и ему обеспечат необходимый уход.

При этих мыслях Люсинда улыбнулась, и страх одиночества перестал мучить ее. У нее всегда будут лошади. Наверное, Кингсклер уже отыскал какую-нибудь новую кобылу или жеребца для ее прогулок верхом, а может, это будет новая пара для ее фаэтона, который изготовили в мастерских Сент-Джеймского дворца.

«Я трачу кучу денег», – виновато подумала Люсинда, прибавив к своим расходам стоимость подарков, отправленных в Хертфордшир для Эстер, отца и матери и, конечно же, для Ната.

Но тут она вспомнила свой первый визит к мадам Бертен и те шесть платьев для леди Деверо! Она фыркнула и презрительно пожалала плечами.

Люсинда направилась в конюшню. Спускаясь по лестнице, она увидела, что к ней направляется лакей с подносом, на котором лежало письмо.

– Только что принесли для вашей светлости.

Ожидая, что это еще одно приглашение, Люсинда отнеслась к письму с полным безразличием. Но к ее удивлению, письмо оказалось надушенным очень странными духами, а в обратном адресе значилась Хаф Мун-стрит. Вот что прочитала Люсинда:

«Миледи, если вы беспокоитесь о своем муже и желаете ему доброго здоровья, умоляю вас встретиться со мной немедленно, так как мне надо сообщить вам что-то особо важное. Не рассказывайте никому о письме, иначе вы оба можете оказаться в опасности».

Почерк был ужасным, письмо изобиловало ошибками, но никакого сомнения не вызывала стоящая в конце подпись: Хуанита да Рива.

Люсинда дважды перечитала письмо.

– Кто его принес? – спросила она у лакея.

– Какой-то слуга, миледи, но он не стал дожидаться ответа.

– Спасибо, – сказала Люсинда.

Она сунула письмо в висевший на руке ридикюль.

– Скажите, что экипаж мне сейчас не понадобится, – сказала она, – я пойду прогуляюсь.

– Вы желаете, чтобы вас кто-либо сопровождал, миледи?

– Нет, я пойду одна.

Люсинда вышла на залитую солнечным светом улицу и направилась к расположенной неподалеку Хаф Мунстрит. Она чувствовала, что лорд Меридан не одобрил бы ее поступка, но, если ему угрожала опасность, она должна была узнать, в чем дело. «Что ему может угрожать? – думала она. – И кто?»

Ей было известно, что это беспрецедентный случай – любовница мужчины пишет письмо его жене. А то, что жена отправлялась на встречу с любовницей мужа, было вообще невысказано. И все-таки подобные условности не волновали Люсинду. Если Себастьян действительно в опасности, она должна сделать все возможное, чтобы предупредить его.

На всем пути до Хаф Мун-стрит Люсинда остановилась только раз, чтобы бросить монетку в маленькую красную шапочку, которую держала в лапках обезьянка шарманщика.

Люсинда дернула за шнурок звонка. Ее провели в маленькую, довольно скромную прихожую, и она поднялась по лестнице в гостиную Хуаниты да Рива.

Как и ожидалось, весь дом был выдержан в чрезмерно пышном испанском стиле. Но цветы, которые украшали комнату и являлись данью восхищения талантом танцовщицы, были прекрасны.

Сама Хуанита, в платье, отделанном темно-зелеными лентами, с небольшим ожерельем из неограненных изумрудов и с огненно-рыжими волосами, ниспадавшими на плечи, оказалась даже более красивой, чем Люсинда могла предположить. Хуанита была полна жизненной энергии, каждое ее движение приковывало внимание. Огромные глаза и чувственные губы дополняли красоту, так же, как и низкий, музыкальный голос.

– Итак, вы пришел, мадам! – с удивлением воскликнула она, рассматривая появившуюся в дверях Люсинду.

– Вы не ожидали, что я приду? – спросила Люсинда.

– Нет! Нет! Я был уверен, что вы не откажетесь, – ответила Хуанита. – Прошу садиться, пожалуйста.

Люсинда опустилась на обитый дорогой парчой диван. Интересно, подумала она, платил ли Себастьян за эту слишком вычурную мебель, загромождавшую комнату?

– Мадам, вы не такой – как бы говорить? – не такой, как я представить вас, – нахмурившись, произнесла Хуанита.

Люсинда догадалась, что в то время, как она разглядывала убранство

комнаты, хозяйка критически изучала ее. Сейчас в огромных темных глазах Люсинда увидела любопытство и даже что-то сродни ненависти.

– Чего же вы ожидали? – спросила Люсинда.

– Какой-нибудь тихий и – как говорить англичане – благопристойный. Но вы другой. Они много говорить о вас.

– Неужели? – спросила Люсинда. – Однако я пришла сюда не для того, чтобы обсуждать подобные вопросы. Вы написали, что моему мужу грозит опасность.

– Я очень хотеть видеть вас, – сказала Хуанита, не обращая внимания на слова Люсинды. – Говорить, что вы самый шикарный и модный после две недели в Лондон! Я думать, они врут!

Речь Хуаниты была столь неправильна, что производила ужасающее впечатление.

– Я тоже слышала о вас, – сказала Люсинда. – Я уверена, вы прекрасно танцуете. Надеюсь, когда-нибудь я увижу вас в Ковент-Гардене.

– А мой лорд говорить обо мне? – поинтересовалась Хуанита.

– Нет, конечно же, мой муж не упоминал вас, – ответила Люсинда.

– Тогда почему, почему вы приходите ко мне?

Люсинда достала из ридикюля письмо.

– Сеньорита, я получила от вас вот это, – сухо произнесла она. – Вы написали, что моему мужу грозит опасность. Я пришла сюда, чтобы поговорить об этом – и больше ничего. Если ему действительно что-то угрожает, я хочу знать, что именно или кто.

Хуанита быстро наклонилась и вырвала у Люсинды письмо.

– Я же говорить, я хотел видеть вас, – сказала она. – Я хотел спросить, почему вы прятать его от меня. Я не верить, что вы приходите ко мне, но я знать, что если писать об опасность, вы приходите побыстрее.

– Так это была ловушка? – спросила Люсинда.

Хуанита разорвала письмо на мелкие клочки и бросила их на пол.

– Вы не понимать! – кричала она, топая ногой. – Каждый мужчина в Лондон – каждый важный – иметь любовница! Но жена не вмешивать, понимать? Жена не влезать. Но вы, вы влезать! Мой лорд не приходите ко мне – ни раз после жениться на вас!

– Серьезно? – спросила Люсинда. – И что, это вас удивляет?

– Конечно, очень! – Хуанита бушевала, подобно урагану, ее глаза сверкали, грудь вздымалась. – Раньше мой лорд приходите много раз – теперь никогда!

– Вы считаете, что здесь есть моя вина? – удивилась Люсинда.

Эта женщина совершенно ее не испугала и даже не привела в

замешательство. Люсинда внезапно поняла, что Хуанита была именно такой, как она ожидала: бурной, вспыльчивой, но под всем этим скрывалась простолюдинка, старающаяся своей красотой обеспечить себе роскошное существование. Люсинда чувствовала, что Хуанита никогда не владела сердцем Себастьяна, для него она была только развлечением, и со всей своей яркой красотой она была менее опасна, чем белокурая леди Деверо.

– Я писать мой лорд, я посылать ему письма, я посылать ему записка, но он не приходить! – пронзительно кричала Хуанита. – Почему! Почему! Разве вы не останавливать его?

– Уверяю вас, мой муж делает то, что он пожелает, – ответила Люсинда.

– Очень хорошо! – взорвалась Хуанита, глаза метали молнии. – Он от меня уставать. Тогда я убивать его – или я умереть!

Она схватила со стола тонкий стилет, зловеще сверкнувший в ее руке, и Люсинда подумала, что она сама может стать жертвой. Внезапно ее осенила идея.

– Я вижу, сеньорита, что должна сказать вам правду, – тихо сказала Люсинда. – Уберите это страшное оружие и послушайте меня.

– Говорить вам, он не доставаться другой женщина! – кричала Хуанита. – Клянусь! Жена – она ничто, пока она не мешать! А мой лорд обещать, что жена не иметь значения, она не вставать между нами!

– Мой... мой муж давал вам подобные обещания? – спросила Люсинда.

– Да, да! Он обещать, клятва, вы понимать? Он любить меня, он любить меня так сильно – меня, Хуанита, которая может иметь любой мужчина, любой мужчина, я выбирать! Но я выбирать его, мой лорд, потому что я любить его и он любить меня!

– Вы так сильно его любите? – мягко спросила Люсинда.

– Больше жизни! – ответ Хуаниты был полон драматизма.

– Садитесь и давайте поговорим, – сказала Люсинда. – Мне надо вам кое-что рассказать.

Хуанита насторожилась.

– Это плохой новость?

– Да, – со вздохом ответила Люсинда, – боюсь, это плохая новость.

Неохотно, будто наслаждаясь всем представлением, Хуанита опустила на стол стилет и села рядом с Люсиндой.

– То, что я хочу сказать вам, – начала Люсинда, – должно остаться между нами. Вы должны поклясться мне, что никому ничего не расскажете, потому что сведения, которые я сообщу вам, могут исходить только от

меня. Я окажусь в неловком положении, если что-то станет известно. Вы обещаете?

– Я обещать, – ответила Хуанита. – Но если это касается мой лорд, я не держать обещание.

Вдруг она с подозрением взглянула на Люсинду.

– Вы ждате ребенка? Вот что вы хотите сказать мне!

– Да нет же, нет, – ответила Люсинда. – Ничего подобного. Если вы не дадите обещание держать все в тайне, я не буду ничего рассказывать. – Она поднялась с дивана. – Сеньорита, нам больше не о чем говорить.

– Нет, нет! Не уходите! – воскликнула Хуанита. – Этот секрет я обещаю не рассказывать! Вы мне рассказать, хорошо?

– Хорошо, я расскажу вам, – сказала Люсинда. – Дайте мне клятву, что будете держать все в тайне.

Она посмотрела на камин и увидела на нем четки.

– Вы католичка?

Хуанита в ответ кивнула.

Люсинда протянула ей четки.

– Поклянитесь, – произнесла она, – что вы никогда не сообщите моему мужу то, что я вам сейчас скажу.

Мгновение Хуанита колебалась, потом взяла четки в руки.

– Клянусь! – мрачно проговорила она. – Я клянусь!

Люсинда опять села.

– Тайна заключается в том, – начала она тихо, – что мой муж потерял почти все свои деньги!

Она услышала, как у Хуаниты перехватило дыхание от удивления, и продолжила:

– Конечно, если ваше чувство к его светлости настолько глубоко, как вы говорите, именно для вас изменение его положения не будет иметь значения. Теперь у него нет возможности давать вам столько денег, покупать лошадей, драгоценности, но ваша нежность и любовь выше всех этих пустяков. Вы останетесь его любовницей, и он сможет рассчитывать на вашу помощь и поддержку в трудное для него время.

– Когда это происходит? – спросила Хуанита.

– Мы только что узнали, – ответила Люсинда, – что его поверенный, которому мой муж полностью доверял, сбежал, похитив большую часть его состояния. Но никто не должен знать – было бы глупо, как вы понимаете, дать понять кредиторам, что им еще долго придется ждать своих денег.

– Да, да, это я понимаю, – сказала Хуанита.

– Вы можете себе представить, в каком отчаянии его светлость, –

продолжала Люсинда, – но он не хочет, чтобы о его несчастье стало известно. И только ваша столь искренне проявленная преданность позволила открыть вам секрет.

– Это есть правда? – спросила Хуанита. – Мне говорить, что его светлость очень богат – один из самый богатый джентльмен в Англия.

– Так и было, – со вздохом ответила Люсинда, – всего несколько недель назад. Теперь на него обрушилось это бедствие.

– Это есть беда, – согласилась Хуанита, – очень большой беда.

Ее тон изменился. Она резко встала и бросила взгляд на каминные часы.

– Скоро мне ходить в Ковент-Гарден, – сказала она. – Но сначала я сделать что-то. Я писать письмо, да!

– Надеюсь, не моему мужу? – быстро спросила Люсинда. – Помните, что вы мне обещали.

– Нет, нет, не мой лорд. Джентльмену, который пригласить меня на ужин. Очень приятный джентльмен, очень богатый. Я ему еще не давать ответ. А теперь я ему говорить «да», мы будем ужин, вы понимать?

– Понимаю, – ответила Люсинда.

– Это не значит, что я больше не любить милорд, – продолжала Хуанита. – Я его любить очень сильно, но женщина должна позаботиться о себе, вы понимать?

– Понимаю, – опять ответила Люсинда.

– Я думать, мой лорд очень счастливый иметь такой очаровательный и элегантный жена, – улыбнулась Хуанита. – И вы счастливы тоже, что он – как говорить поанглийски – такой неотразимый. Я его любил очень сильно.

Люсинда заметила, что последние слова Хуанита произнесла в прошедшем времени. Люсинда с улыбкой протянула руку.

– Желая вам счастья, сеньорита, – сказала она. – Надеюсь, что в один прекрасный день я увижу вас в театре.

– Дайте мне знать, когда вы приходите к Ковент-Гарден, – сказала танцовщица, – и я буду танцевать очень хороший, очень лучший, только для вас, да?

– Я буду очень рада, – ответила Люсинда.

Танцовщица открыла дверь:

– Я был бы рад говорить «Передавать привет мой лорд», но я знать, что вы не говорите ему о наш встреча.

– Нет, но он должен об этом знать, – искренне ответила Люсинда.

– Никогда не рассказывать ему, я обещать, – сказала Хуанита. – Но вы быть добрый к нему, потому что он такой неотразимый. Вы любить его?

Несмотря на столь откровенный разговор, Люсинда колебалась, прежде чем ответить. И неожиданно для самой себя она внезапно произнесла:

– Да... я люблю его.

– Я люблю его!

Идя по залитым солнцем улицам, Люсинда непрерывно повторяла про себя эти слова.

– Я люблю его!

В цоканье копыт по мостовой, в стуке колес проезжавших мимо экипажей, казалось, слышались те же слова: «Я люблю его!.. Я люблю его!»

Невозможно было поверить, что вопрос какой-то танцовщицы приведет Люсинду к пониманию того, что с ней происходило все это время.

«Должно быть, – думала Люсинда, – я полюбила его с первого взгляда – того дерзкого франта, в лихо заломленной шляпе, кричащего на нас с Натом из своего высокого фаэтона и прогонявшего с занятого нами места».

В тот момент она решила, что ненавидит его! В темнозеленом пальто со множеством пелерин, исключительно изысканном галстукке, восседая в фаэтоне, запряженном парой великолепных лошадей, он показался ей существом из другого мира.

– Как он смеет! – жаловалась она Нату.

И все же в глубине души она восхищалась его непреклонностью, позволяющей, не обращая внимания на окружающих, добиваться всего, чего он хотел.

Сейчас она могла сказать, что, предлагая выйти за него замуж вместо Эстер, она едва ли приносила себя в жертву. С одной стороны, ей было жаль отца, но в то же время она не переставала задавать себе вопрос: пошла бы она с такой же готовностью на брак с кем-либо другим?

Люсинде хотелось вновь увидеть того высокомерного незнакомца, еще раз заглянуть в его красивое разгневанное лицо. В тот момент она, конечно же, не поняла, что это любовь, и только сейчас она догадалась, что с ней происходит.

Ее любовь не похожа на сентиментальную привязанность Эстер к этому вялому и бесхарактерному Колину. Ее любовь не была похожа на дружеское общение между Джо и остальными членами семьи Ната. Сердце подсказывало ей, что любовь – это буря, огонь, вихрь, который подхватит ее и принесет к радости и наслаждению, а может быть, и к страху. В своих девичьих мечтах она всегда видела Мужчину – и теперь она рядом с ним!

Остановившись на секунду на углу Беркли-стрит, Люсинда прикрыла

глаза руками. Трудно было поверить, что ее сердце отдано полностью и безвозвратно.

И все же она знала – именно так и случилось. Теперь можно объяснить нетерпение, с которым она ждала возвращения лорда Меридана из имения. Понятно, что придало ей сил вынести боль и муку, когда с нее, как со змеи, сдирали загорелую кожу. Понятно, почему она безропотно терпела многочисленные примерки у мадам Бертен, когда портнихи подгоняли по ней платье.

Все это было сделано не ради успеха в обществе, не из страха выглядеть просто и непривлекательно. Причиной всему, как ни трудно было признать, было желание понравиться своему мужу.

Она вспомнила выражение крайнего изумления, когда в экстравагантной женщине в Парке он узнал свою жену, и как в его взгляде проскользнуло что-то похожее на восхищение, когда она вошла в комнату в вечернем туалете и сообщила ему, что приглашена на обед в Кларенс-хаус.

– Как же мне добиться его любви? – спрашивала она себя.

Слава Богу, он, по крайней мере, помнил о ее существовании. Нужно быть благодарной и за самую малость. А сегодня ей к тому же удалось избавиться от одной из его многочисленных любовниц.

Сердце Люсинды забилося чаще при мысли, что она совершила ошибку. Ведь ее столь рискованный шаг был вызван сильнейшим любопытством и настоятельной потребностью узнать, что представляет собой женщина, сумевшая вызвать интерес, а может, даже завоевать сердце такого деятельного человека, как лорд Меридан. Обманув Хуаниту, вынудив ее отказаться от лорда Меридана, Люсинда не была уверена, что многого достигла.

Главной опасностью оставалась леди Деверо, только она занимала все мысли лорда Меридана. Люсинда поняла это в день свадьбы. Лорд Меридан и леди Деверо стояли рядом, Себастьян задержал взгляд на нежном, покрытом бледным румянцем лице. Люсинда почувствовала, что его приветствие было чуть-чуть более выразительным, чуть более утонченным, когда обращено оно было к леди Деверо.

«Я ненавижу ее!» – подумала Люсинда. Внезапно неведомая ранее сильнейшая боль сжала сердце и Люсинда едва могла прошептать:

– Но ведь я тебя люблю... Я люблю тебя.

Не успела она позвонить, как лакей распахнул перед ней дверь. Она вошла в зал и увидела, что ее дожидается секретарь лорда Меридана. Это был тихий маленький человек средних лет, с пепельными волосами и одетый во все серое, настолько незаметный, что создавалось впечатление

полного отсутствия характера. Но Люсинда уже знала, что это впечатление обманчиво.

С письмом в руке он направился к Люсинде. Приблизившись, мягко произнес:

– Очень сожалею, что вынужден беспокоить вашу светлость, но только что посыльный принес письмо. Я полагал, что вы пожелаете прочесть его немедленно.

– Ну конечно, – улыбнулась в ответ Люсинда. – Как вы поживаете, мистер Грейстоун? Как всегда, много дел?

– Очень много работы, ваша светлость.

– Будем надеяться, что это письмо не добавит вам хлопот, – сказала Люсинда, вскрывая письмо.

Одного взгляда на почерк было достаточно, чтобы ее сердце учащенно забилось. Она узнала бы этот твердый мужской почерк из тысячи, хотя видела его только дважды: в письме, полученном ее отцом, и в метрической книге в день свадьбы.

Письмо было без обращения:

«Уезжая утром, я совершенно забыл, что сегодня в опере премьера. В подобных случаях принято появляться в собственной ложе. Леди Деверо любезно согласилась быть нашей гостьей, и вы окажете мне огромную услугу, если пригласите еще человек семь на обед с тем, чтобы потом они сопровождали нас в Ковент-Гарден.

Надеюсь, я не причинил вам беспокойства, уведомив вас за столь короткий срок.

Себастьян».

Люсинда внимательно прочитала письмо и, взглянув на мистера Грейстоуна, улыбнулась.

– Мне очень жаль, но вам предстоит срочная работа, – сказала она. – Его светлость желает устроить обед на десять персон, а потом мы поедем в оперу. Он уже пригласил одного гостя – даму.

Мистер Грейстоун, подумала Люсинда, великолепный секретарь. Он помнил, кто радушно принимал у себя Люсинду, кто не пожелает поехать в оперу и с кем можно сейчас быстро связаться, чтобы получить немедленный ответ.

Люсинда прошла в библиотеку и написала приглашения, а мистер Грейстоун, учитывавший все на свете, предложил ей написать еще два дополнительных приглашения на тот случай, если у кого-то сегодняшней вечер уже занят.

– Я буду держать эти два приглашения при себе, чтобы не беспокоить

вашу светлость, когда вернется посыльный.

– Вы обо всем успеете подумать, – сказала Люсинда. – Нам нужен еще мужчина; надеюсь, полковник Холстед будет свободен.

– Полковник всегда отменяет все назначенные встречи, когда он нужен его светлости, – просто сказал мистер Грейстоун.

– Да, конечно, – согласилась Люсинда. – Мне трудно представить, что бы мы без него делали. Надеюсь, ему нравится бывать в опере.

Ирония судьбы: она только что вернулась от Хуаниты. Разве Люсинда могла предположить, что так скоро ей удастся увидеть спектакль с ее участием. Интересно, почувствует ли Хуанита, что они находятся среди зрителей?

Мистер Грейстоун ушел, и Люсинде захотелось взглянуть на себя в зеркало. Ей все еще трудно было привыкнуть к своему виду: волосы завиты и зачесаны высоко наверх, сверкающие бриллианты в ушах. Неужели эта белоснежная кожа принадлежит ей?

– И все-таки я осталась прежней, – пробормотала она. – Я – Люсинда, которую никто не любит и которая никому не нужна.

Ей показалось, что позади себя в зеркале она видит леди Деверо, ее глаза опущены темными ресницами, яркие губы слегка надуты.

– Неужели Себастьян действительно любит тебя? – обратилась Люсинда к призраку. – А ты-то его любишь? Или ты, как Хуанита, намереваешься вытащить из него все, что можно? Какова была бы твоя любовь, если бы он был беден, если бы он не был «persona pograta» в Кларенсхаусе, если бы ему не завидовал весь Лондон?

Люсинда глубоко вздохнула.

Интересно, что сказал бы лорд Меридан, узнай он о ее разговоре с Хуанитой да Рива. Танцовщица оказалась настолько глупой, что всему поверила. Но с леди Деверо придется действовать более тонко.

Люсинда почувствовала себя маленькой и беспомощной. Как страшно ей было вступать в этот мир без всякой поддержки! Неужели это невозможно – завоевать любовь своего мужа?

Она вспомнила совет Красавчика Браммея: «Не будьте робкой, заставьте их замечать вас!» Продолжая рассматривать себя в зеркале, которое висело над изящным, украшенным купидонами столиком времен Карла II, Люсинда вздернула подбородок. Обеспокоенный и несчастный вид сменился решительностью. Люсинда была полна жизни, глаза сверкали, как у воина перед битвой. Ведь Нат так часто говорил ей: «Пока судья не досчитал до десяти, нельзя считать себя побежденной».

– Я завоюю его любовь! – сказала Люсинда своему отражению и

надела шляпку.

Сегодня леди Деверо впервые после свадьбы появится у них в доме. Тогда они не встретились, а сегодня нельзя допустить, чтобы у леди Деверо возникла причина игнорировать хозяйку дома.

Люсинда была уверена, что именно леди Деверо напомнила лорду Меридану о премьерке в опере. Напомнила и предложила всем вместе отобедать. Лорд Деверо, по всей видимости, будет сопровождать принца, а потом отправится на официальный прием, на который жен не приглашают. Как бы то ни было, леди Деверо не случайно решила обедать с лордом Мериданом и его женой именно сегодня! Возможно, она хочет перед всем светом продемонстрировать свою власть над ним, а может быть, она надеялась, что ее появление рядом с Люсиндой выставит графиню Меридан в невыгодном свете.

Твердой рукой Люсинда завязала ленты на шляпке и стремительно вышла из библиотеки.

– Экипаж, пожалуйста, – приказала она стоявшему в зале слуге.

– Он вас ждет у дверей, миледи.

Люсинда вышла на улицу, и лошади быстро домчали ее до Бонд-стрит.

Около магазина мадам Бертен, как всегда, было много экипажей, но Люсинда уверенно прошла через салон прямо в личную комнату мадам. Пожилая женщина сидела за столом и рассматривала рисунки с фасонами и образцы тканей. Увидев Люсинду, она протянула ей навстречу руки, лицо ее при этом засветилось радостью.

– Добрый день, дорогая! Я вас сегодня не ждала.

– Добрый день, мадам, – сказала Люсинда и поцеловала старую морщинистую щеку. – Я в трудном положении, мадам.

Внезапно у Люсинды вырвался возглас неподдельного восхищения: на столе лежало прекраснейшее из платьев, которое она когда-либо видела!

– Это для кого? Откуда оно? – спросила она.

Мадам подтянула к себе платье.

– Его привезли вчера вечером, – ответила она и понизила голос, хотя в комнате, кроме них, никого не было. – Естественно, из Франции.

Люсинде уже было известно, где мадам Бертен доставала тисненые бархаты, тончайшие газы, вышитую парчу и нежное, как паутинка, кружево. Такое могло производиться только во Франции, и, несмотря на войну, тонкий ручеек через Ла-Манш не прерывался. Малочисленная английская береговая охрана и таможня выбивались из сил, пытаясь пресечь поставки из Франции, но их всегда обводили вокруг пальца. Наполеон, крайне нуждавшийся в золоте, которое давала такая торговля,

поощрял контрабанду, поэтому понадобились бы целая армия и весь британский флот, чтобы прекратить все это.

Для контрабанды использовались рыбацьи лодки, поджидавшие французских сообщников на середине Ла-Манша, дипломатический багаж, существовали целые шайки контрабандистов и одиночные искатели приключений. Они нашли выгоду не только в снабжении тихих английских гаваней и речных пристаней табаком и бренди из Франции, но и в контрабанде тканей, которые моментально расхватывали владельцы магазинов, заинтересованные в товаре высшего качества.

Все ткани, из которых были сшиты платья Люсинды, прибывали из Франции в тюках или рулонах. Люсинда обычно рассматривала их и сама подбирала фасон. Однако это платье было уже сшито, и Люсинде казалось, что она в жизни не видела подобной красоты. Платье было под стать самой принцессе, нет, фее из сказки. На тончайшем кружеве, которое просто не могло быть соткано человеческими руками, были разбросаны цветы с крошечными бриллиантками, окруженными блестящими синими и красными камешками. Волшебство дополняли ленты, повторявшие цветовую гамму, которые украшали вырез и сходились под грудью. Платье звучало подобно симфонии цвета.

– Прекрасно, действительно прекрасно! – У Люсинды перехватило дыхание.

К ее удивлению, мадам Бертен накрыла платье белой бумагой.

– Нет! Нет! Не надо на него смотреть! – воскликнула она. – Это сделает вас несчастной!

– Несчастной?! – удивилась Люсинда. – Оно предназначено кому-то другому?

– Как же мне рассказать вам?: – причитала мадам Бертен. – Бедненькая моя! Это трагедия, у меня просто язык не поворачивается!

– Но вы все равно должны рассказать мне, – попросила Люсинда.

Мадам Бертен глубоко вздохнула:

– Посылку принесли вчера вечером. О Боже! Не спрашивайте, кто его купил во Франции! Но доставить его сюда труда не составило.

Люсинда улыбнулась. Ей было хорошо известно, как гордилась мадам Бертен своей возможностью использовать дипломатический багаж для доставки товаров. Это возвышало ее в собственных глазах.

– Платье принесли перед самым закрытием, – продолжала мадам. – Открываю коробку, смотрю и говорю себе: «Это для моей маленькой Люсинды!» Но у меня так болела голова! Я могла только смотреть. Тут входит мисс Варден. Я говорю ей: «Видите, это платье хорошо пойдет!

Решено! А цена? Должно быть, говорю я, сто фунтов!»

– Сто фунтов! – воскликнула Люсинда.

Мадам Бертен кивнула:

– Я никому не рассказываю, даже вам, моя душечка, сколько я заплатила за него!

– Но оно стоит этих денег, – согласилась Люсинда. – Ну, дальше.

– Мисс Варден помогает мне одеться, я уйду домой.

Ночь напролет мечтаю, как очаровательны вы будете в этом платье, если, конечно, нам представится удобный случай нарядить вас в него.

– Но такой случай как раз сегодня! – закричала Люсинда. – Мы едем на премьеру в оперу... и... с нами обедает леди Деверо!

У Люсинды не было секретов от мадам Бертен, знавшей, что лорд Меридан расплачивается за платье леди Деверо. Мадам Бертен была очень добра к Люсинде, появившейся у нее на следующий день после свадьбы. И Люсинда рассказала ей, что она подслушала в день своего приезда в Лондон.

Возможно, мадам Бертен лучше Люсинды представляла, насколько важно, чтобы лорд Меридан заметил перемены в своей жене, чтобы вместо провинциальной неухоженной простушки он увидел в ней совершенно другую женщину.

Тут мадам Бертен громко застонала. Пряча глаза от Люсинды, она продолжала:

– Слушайте! Сегодня утром прихожу в магазин, я очень плохо спала, поэтому немного опоздала. Мисс Варден встречает меня с улыбкой. «Вы будете очень довольны, мадам, – говорит она, – я продала платье! И не за сто, а за сто пять! Что вы на это скажете?»

– Она продала его! – воскликнула Люсинда.

– Она продала его, – угрюмо повторила мадам Бертен.

– Кому? – спросила Люсинда.

Не успев договорить, она уже знала ответ.

– Это невозможно! Леди Деверо! – ответила мадам Бертен.

– Но она не должна появиться в нем! – в ужасе вскричала Люсинда. – Мадам, вы не можете допустить, чтобы его надела леди Деверо!

– Вам еще не все известно, – сказала мадам Бертен. – Леди Деверо приезжала, чтобы оставить другое платье для небольшой переделки. Думаю, она даже не собиралась вылезать из экипажа, но мисс Варден, эта тупица, пригласила ее войти. Как только леди Деверо увидела платье, она вытасила из экипажа лорда Меридана, чтобы он тоже взглянул.

Губы Люсинды сжались. Она отвернулась и подошла к окну.

Невидящие глаза были устремлены на грязный задний двор магазина.

– Они, должно быть, заехали по дороге в Рейнлаф, – пробормотала она.

– Лорд Меридан согласился преподнести леди Деверо это платье в подарок, – закончила мадам Бертен бесцветным голосом.

Люсинда обернулась.

– Оно не должно достаться ей!

– Поздно! Она наденет его сегодня на премьеру, – ответила мадам Бертен. – Его будут подгонять по ней. Она слишком велика для этого платья. Боже мой! Она испортит его! Придется снять красные лепты и оставить только синие. Синие – так просто, так безвкусно...

– Нельзя его портить только ради нее! Это... это варварство! – воскликнула Люсинда. Она сдернула с платья бумагу.

– Мой Бог! Вы как раненая пташка! – судорога свела горло мадам Бертен. – Вы... вы так много значите для меня... Пусть лучше мне отрежут руку, чем я отдам платье этой стерве!

Не будь Люсинда так расстроена, она посмеялась бы над тем, как мадам Бертен отзывается о леди Деверо.

– Оно не должно принадлежать ей! – решительно заявила Люсинда. – Послушайте, мадам, у меня есть план! Если бы только вы согласились!

Не ожидая ответа, Люсинда принялась перебирать рулоны тканей, которые загромождали почти полкомнаты. Она отбросила в сторону несколько десятков рулонов, прежде чем нашла то, что искала. Это было кружево, отличное английское кружево, очень красивое, но оно ни в коей мере не могло сравниться с французским кружевом на платье.

Люсинда положила его перед мадам Бертен и стала что-то быстро говорить. Не успела она произнести и двух фраз, как мадам уже хлопнула в ладоши, вызывая к себе мисс Варден, которая стремительно вбежала в комнату. Ее красные глаза говорили о том, что она проплакала все утро.

– В чем дело, мадам?

– Немедленно пришлите сюда всех швей – абсолютно всех!

Мгновение мисс Варден колебалась.

– Они заняты.

– Делайте, что вам приказано, – перебила ее мадам. – И пошевеливайтесь! Все должны быть здесь! Закройщицы, манекенщицы – все, вы поняли?

– Да, мадам, конечно, – ответила мисс Варден, выбегая из комнаты, чтобы выполнить приказание.

Люсинда спускалась по лестнице в огромный зал на Беркли-сквер,

когда начали бить часы. Она двигалась очень медленно, стараясь подавить дрожь в ногах. Облизав пересохшие губы, она остановилась в ожидании, когда лакей откроет перед ней дверь в малый салон, где все гости должны были собраться перед обедом.

Прежде чем войти, она взглянула на часы. Надежда, что задуманное удастся, придавала ей силы.

Мистер Грейстоун был несказанно удивлен и озадачен решением Люсинды послать всем гостям уведомление, что обед состоится на четверть часа позже, чем было условлено.

– Ваша светлость может опоздать в оперу, – в голосе мистера Грейстоуна слышалось беспокойство.

– Это не имеет значения, – ответила ему Люсинда.

Услышав, как отворилась дверь и в салон вошел лорд Меридан, Люсинда улыбнулась. Он удивительно красив, подумала Люсинда, а может, это мне только кажется. Но почему же каждый раз при его появлении сердце замирает у нее в груди? Он был в камзоле из темного атласа, сшитом у Уэстона, единственного, как считали все щеголи, кто мог сшить костюм, не испортив его. Его жилет украшали бриллианты-и изумруды, а бриджи сидели как влитые. Он зачесал волосы по последней моде, которую ввел принц. «Интересно, – подумала Люсинда, – неужели весь этот лоск наведен лишь для леди Деверо?»

Лорд Меридан подошел к Люсинде, и она заметила, что у него хорошее настроение. Она удивилась, когда он поднес ее руку к губам, однако сделал это чисто механически. Все его движения были настолько грациозны, что у Люсинды перехватило дыхание.

– Надеюсь, вы хорошо провели день? – спросил он.

– Замечательно, – ответила Люсинда. – Хочется, чтобы сегодняшней вечер прошел успешно.

– А почему бы и нет? Хотя когда я изредка появляюсь в опере, подобное времяпрепровождение кажется мне смертельно скучным.

– Мне трудно что-нибудь ответить на это, – сказала Люсинда, – я ведь ни разу не была в опере.

На лице лорда Меридана отразилось удивление. Потом он улыбнулся:

– В таком случае мы должны сделать все возможное, чтобы вы навсегда запомнили этот вечер. Да, кстати, герцог и герцогиня Мелчестер пригласили нас на ужин после оперы. Поедем?

– С удовольствием, – ответила Люсинда.

Лорд Меридан опять улыбнулся.

– Мне очень приятно, что вы надели рубины, – сказал он. – Это были

любимые украшения моей матушки.

Казалось, он не обратил внимания на ее сверкающее, воздушное платье. Но Люсинду это не удивило. Мама учила ее: «Мужчины редко замечают, во что одета женщина». А про себя Люсинда добавила: «... коль скоро она выглядит привлекательной».

– Если вы пожелаете, украшения можно перебрать, только прикажите, – лорд Меридан был на удивление любезен.

– Мне они нравятся именно в таком виде, – ответила Люсинда. – Особенно рубины и изумруды, я еще никогда не видела камней подобной красоты!

– Они вам идут, – сказал лорд Меридан.

У нее создалось впечатление, что его глаза говорили гораздо больше. Люсинда взглянула на него и тут же отвела глаза: будет так унижительно, если он догадается, как она его любит! Звук его голоса действовал на нее странным образом: ей казалось, будто она летает. Она все еще дрожала от его прикосновения к своей руке.

«Я должна быть осторожна, – сказала она себе, – очень осторожна».

– Не хотите ли выпить мадеры? – спросила Люсинда лорда Меридана. – Или вы подождете прихода гостей?

Лорд Меридан посмотрел на часы.

– Гости что-то опаздывают, – сказал он.

Тут дверь распахнулась и дворецкий торжественно произнес:

– Леди Деверо!

Она вошла в комнату с легкой приветливой улыбкой на губах. Люсинда подозревала, что она часами отработывала ее перед зеркалом. На леди Деверо было кружевное платье, расшитое голубыми и красными камнями, шею обрамляла синяя лента, которая спускалась к груди. Это было прелестное платье, платье, о котором любая женщина могла только мечтать и посчитала бы его восхитительным, если бы она прежде не увидела платья Люсинды.

Люсинда, искрящаяся в свете люстры, с фамильными рубинами Мериданов в волосах и на шее, стояла посреди комнаты и ждала.

Внезапно на лице леди Деверо отразилось крайнее изумление. Легкая улыбка исчезла с ее губ, а рот приоткрылся от удивления, придав ей глупый вид. Через мгновение рот захлопнулся, и леди Деверо взорвалась.

Она приблизилась к Люсинде и с бешенством прошипела сквозь зубы:

– Вы... вы надели мое платье!

Люсинда широко раскрыла глаза.

– Ваше платье? – повторила она. – Что ваша светлость имеет в виду?

– Именно то, что сказала! – прорычала леди Деверо. – Это мое платье, я его купила! Уже когда вещь прислали из магазина, я почувствовала, что тут что-то не так – вышивка не так красива, оно не такое шикарное, не столь элегантное, как утром! Теперь мне ясно, что произошло – вы украли мое платье и сейчас стоите в нем! Как вы осмелились обмануть меня?!

Как ни трудно было отвести глаза от искаженного лица леди Деверо, Люсинда все же перевела взгляд на лорда Меридана. У него был очень удивленный вид, и в то же время, как и ожидала Люсинда, на лице было написано отвращение. Ей было известно, что лорд Меридан терпеть не может сцен, ненавидит их так же, как все мужчины на свете! Но в большей степени ему отвратительны сцены между женой, которая носит его имя, и его любовницей, занимающей видное положение в обществе.

– Вы сговорились с этой старой ведьмой! – неистовствовала леди Деверо, в ее голосе послышались истерические нотки. – Я купила вот это самое платье и велела прислать его к сегодняшнему вечеру. Я его купила, говорю вам! И я поняла, что что-то не так, как только вынула платье из коробки!

Люсинда смущенно посмотрела на мужа.

– Мне кажется, Себастьян, – мягко произнесла она, – ее светлость нездорова. Я не имею ни малейшего представления, на что она сетует.

– Вы... вы прекрасно понимаете! – взвилась леди Деверо. – А вам, Себастьян, тоже известно, что я говорю правду! Вы видели это платье – я его вам показывала. А теперь его носит она и еще смеет появляться в нем передо мной!

Люсинда слышала, как хлопнула дверь, но взгляда от красного, разгневанного лица леди Деверо не отвела.

– Мне кажется, ваша светлость ошибается, – медленно произнесла Люсинда, – потому что в коробке с платьем был чек, а чек выписан на имя моего мужа! Здесь просто невозможно что-то перепутать.

В этот момент дворецкий объявил:

– Полковник Чарльз Холстед!

Чарльз вошел в комнату и с любопытством стал осматривать место битвы. Леди Деверо, по всей видимости, парализованная словами Люсинды, стала приходить в себя. Она поднесла руку ко лбу.

– Я нездорова, – быстро проговорила она. – Мне нужно позвать врача... Себастьян, отвезите меня домой, прошу вас!

Она в мольбе протянула ему руку.

Ледяным тоном, которым он мог очень умело пользоваться, лорд Меридан произнес:

– Мой экипаж в вашем распоряжении, ваша светлость.

Это была отставка, и леди Деверо все прекрасно поняла. Она подняла к нему лицо, бледность которого подчеркивали красные пятна на щеках, безмолвно повернулась и вышла. Она была повержена.

– Что тут происходит? – спросил Чарльз, всем своим видом выражая крайнее изумление. – Что-то неладно?

Вопрос показался Люсинде настолько смешным, что она едва смогла сдержаться и не хихикнуть, и только блеск глаз выдавал ее истинные чувства.

– Ее светлость заболела? – спросил Чарльз лорда Меридана. – Хочешь, я провожу ее домой?

– Она быстро оправится, – безразличным тоном произнес лорд Меридан. – Тебе вина, Чарльз? Или ты предпочитаешь бренди?

– Пожалуй, вина, – ответил Чарльз и поднес руку Люсинды к губам. – Вы просто великолепны. А почему ваши глаза так ярко сверкают?

«Он слишком проницателен», – подумала Люсинда, обратив к Чарльзу посерьезневшее лицо. Как будто почувствовав, что проявил неосторожность, Чарльз прервал неловкое молчание:

– Не могу сказать, Себастьян, что мне безумно хочется ехать сегодня в оперу. В прошлый раз ты назвал пение воем и поклялся больше никогда там не появляться.

– Совсем не обязательно сидеть там до конца, – ответил лорд Меридан. – Тем более, что гости опаздывают и мы не попадем туда раньше середины спектакля.

– Опаздывают? – удивленно воскликнул Чарльз. – Но ведь вы же сами попросили...

Заметив отчаянный взгляд Люсинды, он понял, что опять влез не в свое дело.

– Ты знаешь, что это за люди, – немного фальшиво сказал он, – они никогда не приходят вовремя. Ведь слишком сложно метаться от дома к дому, с одного приема на другой.

– Вы были бы страшно огорчены, если бы вас не пригласили, – сказала Люсинда. – Поживите долго в провинции, как я, где нет никаких развлечений!..

– Там, должно быть, спокойно, – сказал Чарльз. – Я подумываю о том, чтобы жениться и обосноваться в деревне.

– А почему бы и нет? – сказал лорд Меридан. – Это позволило бы избежать многих трудностей.

Его слова показались загадочными, и Чарльз, вопросительно взглянув

на Люсинду, произнес:

– Вы служите для меня примером супружеского счастья. Послушай, Себастьян, что может быть приятнее, чем видеть, к примеру, сегодня Люсинду во главе стола и смотреть, как фамильные драгоценности Мериданов становятся на ней только прекраснее!

Слова лорда Меридана удивили Люсинду:

– Я как раз только что сказал ей, что она делает им честь, надевая их.

Тут стали появляться гости, на удивление пунктуальные, и комната наполнилась шумом. Люсинда едва успела предупредить дворецкого, что за столом будет только девять человек и чтобы убрали один прибор, как все направились в столовую.

Повар превзошел самого себя, и Люсинда отметила, что завтра обязательно надо будет поблагодарить его. Она подозревала, что он выложился полностью, зная, что это был ее первый прием в качестве хозяйки в доме Мериданов.

Сильное возбуждение помогало Люсинде оставаться веселой и интересной. Когда подали портвейн, она сделала дамам знак, и они поднялись из-за стола. Понадобилось довольно много времени, пока дамы, обмениваясь последними сплетнями в будуаре Люсинды, надели шляпки, а мужчины допили вино. Потом все вышли на улицу к ожидавшим их экипажам.

Гости расселись по экипажам и отправились в оперу. Люсинда с лордом Мериданом отъезжали последними. С ними собирался ехать Чарльз, у которого не было своей коляски. Люсинда была уже у двери, когда увидела, как к дому подошел какой-то человек и громко произнес:

– Мне б сказать пару слов графу.

По его неправильной речи, поношенному шерстяному свитеру и штанам из сурового полотна Люсинда заключила, что это рыбак.

– Уже поздно, милейший. Проходи мимо, – сердито сказал стоявший рядом дворецкий.

– У меня к нему дело, – запротестовал человек.

Дворецкий сделал лакею знак, и Люсинде показалось, что они собираются силой убрать этого человека с дороги.

– Один момент, – спокойно сказала она. – У этого человека какое-то дело к лорду Меридану, может быть, важное.

– Вы верно толкуете, леди, – согласился человек.

Оглянувшись, Люсинда увидела, что лорд Меридан и Чарльз о чем-то беседуют, даже не замечая появления незнакомца. Она подошла к ним.

– Себастьян, – Люсинда положила руку ему на плечо, – там какой-то

человек, он похож на рыбака, говорит, что у него к вам дело.

– Ко мне? – удивился лорд Меридан.

Он направился к двери, рядом с которой стоял человек, охраняемый с обеих сторон дворецким и лакеем.

– Ты хотел видеть меня? – спросил лорд Меридан.

Рыбак оглядел его с ног до головы.

– Вы есть граф? – спросил он.

– Да, – ответил лорд Меридан.

– Ну тогда вот вам.

Человек вытащил из кармана штанов письмо. Люсинда заметила, что оно было написано на плохой бумаге. Человек сунул письмо в руку лорда Меридана и собрался уходить.

– Эй, подожди минутку! – крикнул лорд Меридан. – Откуда у тебя это письмо?

– Я не должен вам говорить, – ответил человек. – Я сделал то, за что заплачено, – передал письмо в ваши руки.

– Но мне хотелось бы знать, откуда оно у тебя? – настаивал лорд Меридан.

На коричневом от загара, продубленном лице незнакомца заиграла улыбка.

– Вы когда-нибудь слышали об Английском канале? – насмешливо спросил он. – Так вот. Половина канала – у лягушатников, или они только думают, что у них. Пущай будет, как будто бы я их встретил посередине.

– Спасибо, – сказал лорд Меридан. – Доброй ночи.

Он бросил человеку золотую монетку, которую тот очень ловко поймал.

Лорд Меридан вернулся в дом, и Люсинда, снедаемая любопытством, последовала за ним. Бросив взгляд на письмо, он не смог удержаться от возгласа удивления.

– Бог мой! – услышала Люсинда. – Не может быть!

– Любовное письмо из Франции? – саркастически заметил Чарльз, слышавший весь разговор. – Только у тебя, Себастьян, могут быть настолько крепкие нервы, чтобы поддерживать переписку с твоими французскими друзьями, когда наши страны воюют. Как же ты ответишь – тем же способом или голубиной почтой?

Лорд Меридан не обратил внимания на его замечание. Вскрыв конверт, он разгладил листок, изрядно помявшийся в штанах рыбака. Его лицо омрачилось. Он дважды перечитал письмо, сложил его и убрал в карман.

– Слушай, Чарльз, – сказал лорд Меридан, – дело не терпит

отлагательств. Нам нужно связаться с Энтони Хоуксли и Джеймсом Куртнеем.

– Зачем? – спросил Чарльз.

– Придет время, узнаешь, – ответил лорд Меридан.

Он обратился к мажордому:

– Возьмите коляску и немедленно отправляйтесь к Бруксу. Передайте поклон от меня сэру Энтони Хоуксли и лорду Куртнею и попросите их приехать ко мне как можно скорее. Разъясните им, что дело очень срочное.

– Хорошо, милорд, – ответил мажордом, по всей видимости, не удивленный подобной просьбой.

Все это время Люсинда не произнесла ни слова. Вдруг, как бы вспомнив о ее присутствии, лорд Меридан сказал:

– Сожалею, Люсинда, что не могу отвезти вас сегодня в оперу. Если хотите поехать туда вслед за нашими гостями, я попрошу Грейстоуна сопровождать вас. Мне очень жаль, но сам я не могу.

– Я останусь дома, – ответила Люсинда.

Она надеялась, что лорд Меридан даст какие-нибудь объяснения, но он повернулся к Чарльзу и сказал:

– Пошли в библиотеку.

– К черту все это, Себастьян! – воскликнул Чарльз. – А твои гости – разве ты не понимаешь, что твое отсутствие может показаться бестактностью?

– Да, ты прав, – согласился лорд Меридан, – я совсем забыл.

Он оглянулся вокруг. Мажордом уже ушел, но дворецкий был еще здесь.

– Ньюмен, – обратился к нему лорд Меридан, – передайте мистеру Грейстоуну, что он крайне обяжет меня, если сразу же отправится в оперу и извинится перед гостями. Пусть он скажет им, что ее светлость неважно себя почувствовала и мы не можем присоединиться к ним. – Он помолчал немного и добавил: – Люсинда, вы твердо уверены, что не передумаете?

– Действительно, Люсинда, езжайте, – уговаривал ее Чарльз. – Не имею ни малейшего представления, из-за чего весь сыр-бор! Это явно в духе Себастьяна – все усложнять. А вы поезжайте в оперу и наслаждайтесь. Я сам отвезу вас, уверен, все дело не займет больше четверти часа.

Люсинда покачала головой.

– Нет, Чарльз, – ответила она. – Спасибо вам, но думаю, что вы действительно нужны Себастьяну. И я ни капли не переживаю.

– Жаль, что никто не увидит это платье, – сказал Чарльз.

– Надену его в другой раз, – ответила Люсинда.

Видя, что лорд Меридан уже направился в библиотеку, она протянула Чарльзу руку.

– Не представляю, из-за чего волнение, – понизив голос, произнес Чарльз, – но как бы то ни было, я полагаю, что сегодня вы выиграли самое главное сражение.

– Надеюсь, – прошептала Люсинда.

– Себастьян всегда терпеть не мог сцен, – задумчиво сказал Чарльз. Он искоса взглянул на Люсинду. – Вы знали об этом? Или догадывались?

– Догадывалась, – ответила Люсинда.

– Не знаю, то ли вы очень умная женщина, то ли вы сам дьявол, – сказал ей Чарльз.

Поднимаясь по лестнице, Люсинда не переставала смеяться. На верхней ступеньке она внезапно остановилась. Потом, пройдя через гостиную, она подошла к маленькой дверце, почти незаметной за колоннами.

Однажды, когда лорд Меридан был в отъезде, Люсинда решила обследовать дом. Именно тогда она и обнаружила эту дверцу. Она попросила ключ у экономки, и та объяснила ей, что горничным не разрешается пользоваться лестницей, которая идет за дверцей. Действительно, за дверью Люсинда обнаружила потайной ход, ведущий на первый этаж. Люсинда спустилась вниз и оказалась в небольшой, очень милой комнатке, которая сначала показалась ей дамской туалетной. Но более тщательный осмотр показал, что она ошибается. В комнате, за книжными шкафами, находилась потайная дверь, открывающаяся в библиотеку. Позже Люсинда разобралась, что при постройке дома живший в то время лорд Меридан велел соорудить эту лестницу, чтобы соединить свою спальню и гостиную и избежать обхода по главной лестнице.

Люсинде не было известно, считает ли нынешний владелец дома эту лестницу удобной, но зато ей удалось выяснить, что отсюда можно было услышать, что говорилось в библиотеке. Осторожно двигаясь по комнате, освещенной последними лучами заходящего солнца, она подошла к потайной двери в библиотеку и услышала, как Чарльз громко говорил:

– Ради всего святого, Себастьян, объясни, в чем дело! Зачем вся эта комедия? За тобой, что ли, гонятся кредиторы? Тебя вызвали на дуэль? Это может быть единственная причина, почему ты испортил Люсинде вечер и оставил бедняжку наверху в одиночестве. И потому мы тут вдвоем проводим военный совет...

– Когда приедут остальные, я все объясню, – многозначительно

произнес лорд Меридан.

– Тогда ответь мне на один-единственный вопрос, – попросил Чарльз, – от кого это письмо? Из-за чего весь переполох?

Поколебавшись, лорд Меридан ответил:

– Ты помнишь Ивонну де Бозоль?

– Эту актрису?! – воскликнул Чарльз. – Как я могу забыть ее! Я стоптал не одну пару сапог, мотаясь в течение двух месяцев по Парижу, когда увивался вокруг нее! Неужели ты хочешь сказать, что после столь долгого молчания она написала тебе?

– Дело не в письме, – ответил лорд Меридан. – Она в беде.

– Что с ней? – поинтересовался Чарльз.

– Она в плену у Бонапарта, – сообщил лорд Меридан, – а мы – ты, Чарльз, и я – должны выволить ее!

У стоявшей за дверью Люсинды вырвался тихий стон. Себастьяну может угрожать опасность! Ее сердце замерло при этой мысли и перед глазами заплясали слова: «Опасность, опасность!»

Уингсклер подобрал вожжи. Черные лошади сдали назад, замерли на мгновение и рванули вперед, громко стуча копытами по дороге. Люсинда почувствовала, как теплый ветерок ласкает ей щеки.

Она взглянула на Кингсклера, сидевшего перед ней и невозмутимо смотревшего на дорогу. Люсинда понимала, что, несмотря на молчание, его охватывает не меньшее возбуждение. Это была скачка наперегонки со временем, и они оба не имели права проиграть.

Около полутора часов ушло у Люсинды на то, чтобы вызвать Кингсклера, собрать багаж и проскользнуть незамеченной через заднюю дверь конюшни.

Там, в потайной комнате, она задержалась только для того, чтобы выяснить все подробности замышляемого предприятия.

– Моя яхта стоит в Брайтхелмстоуне, – говорил лорд Меридан. – Мы сможем добраться туда на рассвете и отплыть под прикрытием тумана.

– Мой дорогой Себастьян, ты же не сунешься прямо в лапы военных кораблей Бонапарта? – дружески увещевал его Чарльз.

– Я не так глуп, как ты считаешь, – холодно заметил лорд Меридан. – Мы поплывем на запад и будем двигаться вдоль побережья Нормандии, прижимаясь к берегу.

– Довольно разумно, – согласился Чарльз. – Но как же мы доберемся до конечной точки?

– Мы составим план, когда перейдем границу. Полагаю, вчетвером мы сможем что-нибудь придумать.

– А как ты намереваешься до рассвета добраться до Брайтхелмстоуна? – поинтересовался Чарльз. Люсинда представила, как он бросил взгляд на каминные часы.

– Мы сменим лошадей в Меридане, – услышала она ответ мужа. – Пока что рекорд принадлежит принцу – он скакал до Брайтхелмстоуна четыре с половиной часа! У нас появляется возможность обставить его! Можно записать пари на тысячу гиней в книге у Уайта!

– Как мы поедем? – спросил Чарльз.

– Мы поскачем верхом, а остальные – в моей двуколке. Пока они приедут, у нас будет время поднять матросов и подготовиться к отплытию.

После этих слов Люсинда побежала наверх. Сэр Энтони Хоуксли и лорд Куртней еще не появились, что давало Люсинде небольшое преимущество во времени. Она позвонила горничной и послала служанку, прибиравшую комнату, за Кингсклером.

Люсинда молила Бога, чтобы Кингсклер оказался на месте, и когда через несколько минут ей сообщили, что он ждет ее в будуаре, она вздохнула с огромным облегчением. Она уже успела переодеться, сменив свое великолепное вышитое платье на изумрудно-зеленое. Сверху она накинула отделанную серебряным шнуром дорожную пелерину из дорогого бархата в тон платья. Туалет дополняла шляпка с пером.

Люсинда выглядела так, будто собиралась проехаться по Парку, а не отправиться в опасное путешествие к побережью.

– Мы должны прибыть в Брайтхелмстоун раньше его светлости, – понизила голос Люсинда. – Вы знаете, что он с полковником Холстедом поскачет верхом?

– Как раз перед уходом из конюшни я получил приказание, – медленно произнес Кингсклер.

– Два других джентльмена последуют за его светлостью в двуколке, – продолжала Люсинда, – но мы должны их обогнать. Вы знаете, где стоит яхта его светлости?

– Да, миледи, знаю, – ответил Кингсклер.

– Тогда доставьте меня туда раньше всех, – приказала Люсинда. – Это возможно? – с тревогой спросила она.

К ее облегчению, на лице Кингсклера появилась улыбка.

– Сделаем, миледи.

Казалось, прошла целая вечность, пока пришли лакеи и сообщили, что коляска готова. Горничная приказала им снести багаж по черной лестнице. Люсинда последовала за ними. Она спускалась по узким каменным ступеням, так не похожим на широкие, застланные коврами лестницы, по

которым привыкла ступать. По вымощенным каменными плитами коридорам она добралась до крытого перехода, по которому они с Чарльзом шли в день ее свадьбы. Переход вел в конюшню, где уже ждал Кингсклер. Лошади нетерпеливо били копытами и встряхивали головами, будто знали, какой путь им предстоит.

Багаж закрепили в задней части коляски, где обычно стояли лакеи, так что нашлось место для тяжелого чемодана и кожаной шляпной коробки.

Люсинда перехватила взгляд Кингсклера и догадалась, что он с нетерпением ждет, когда же будет покончено с этими дамскими пустяками, но Люсинда, только недавно осознавшая важность красивого туалета, не могла пожертвовать своим внешним видом даже в таком опасном путешествии.

Наконец они тронулись в путь, постепенно ускоряя скачку по пустым улицам города. Они пересекли Темзу и выехали на открытую дорогу. Небо было безоблачным. Путь им освещала полная луна, и дорога казалась серебряной лентой, блеск которой делал ненужными фонари на коляске.

– Никто на конюшне не сообщит его светлости о нашем отъезде? – тревожно спросила Люсинда Кингсклера.

– Если кто и скажет, миледи, они знают, что по возвращении я с них шкуру спущу, – ответил Кингсклер таким суровым голосом, что Люсинде стало понятно: ничто не заставит конюших послушаться его. Она также была уверена, что лорд Меридан не только не будет задавать вопросы, но даже и не вспомнит о ее существовании. Ну а если же он все-таки спросит, то горничная ответит, что Люсинда спит.

– Где мы сменим лошадей? – поинтересовалась Люсинда, когда они уже проехали несколько миль.

– В Меридане, миледи.

– В Меридане? – удивилась она. – Но это неразумно! Лорду Меридану все станет известно!

– Не в Меридан-холле, миледи, – поправил ее Кингсклер, – а в деревне. Владелец почтовой станции – мой двоюродный брат. Мы всегда сможем разыскать у него пару свежих лошадей. Там мы и выясним, обгоняем ли мы остальных. Куда бы лорд Меридан ни направлялся, он обязательно проедет мимо станции.

Люсинда вздохнула и поудобнее устроилась на сиденье.

Поездка показалась бы Люсинде приятной, если бы она не была охвачена беспокойством. Она никогда не думала, что лошади могут так быстро бежать, и сознание, что эти лошади принадлежат ей, доставляло непередаваемое наслаждение. Она вспомнила Сэра Галахада, купленного

ею в день свадьбы. Сейчас он находился в Меридане, и Люсинде захотелось проведать его на обратном пути. На обратном пути?.. – эхом отозвались слова. На этот вопрос, достаточно серьезный, ответить в настоящий момент было невозможно.

Несмотря на то, что последние две недели все внимание Люсинды было поглощено туалетами и заботами, связанными с ее новым положением в обществе, до нее доходили слухи о том, что Наполеон Бонапарт планирует вторгнуться в Англию. Одни говорили, что около тысячи французских кораблей в Кале и Булони стоят в ожидании попутного ветра, чтобы направиться в Дувр. Другие – что все это болтовня, что Бонапарт намеренно распространяет ложные слухи для устрашения англичан, которых он хотел вынудить оттянуть часть флота со Средиземного моря. Трудно было понять, что же тут правда.

Люсинда слышала, что вдоль побережья были сложены костры и солдаты несли непрерывную службу, всегда готовые подать сигнал при первом появлении французов.

Затея лорда Меридана спасти во Франции женщину, находящуюся в самом центре боевых действий, была безумной. Но Люсинде было известно, что спорить бесполезно. Она еще не очень хорошо знала своего мужа, но была уверена в одном: он был достаточно независимым, чтобы принимать решения и не менять их в дальнейшем, кто бы ни пытался его отговорить. Да и кто бы осмелился?

Она уже встречалась с сэром Энтони Хоуксли, приятным, воспитанным молодым человеком, страстно любившим приключения. Участие в афере лорда Меридана было для него настоящим подарком. То же можно было сказать и про лорда Куртнея, еще более беспечного, чем его приятель сэр Энтони. Они оба были настоящими денди, но при этом не считали возможным проводить все свое время у портных или за столами для игры в фаро. Они охотились, стреляли, выставляли своих лошадей на скачках и были достаточно искусны, чтобы решиться вызвать на дуэль не понравившегося им человека и предложить ему драться на кулаках, а не стреляться!

Действительно, вздыхала Люсинда, только такие люди могут быть друзьями лорда Меридана – люди, которые, в отличие от слоняющихся по Сент-Джеймскому дворцу, будут в случае опасности вести себя по-мужски.

Можно было только восхищаться отважившейся перебраться через канал четверкой храбрецов и любить одного из них до такой степени, что сердце замирало при мысли о нем.

Но отвагой не победить вооруженных солдат, охраняющих побережье,

а напускная храбрость исчезнет, как только они ступят на французский берег.

– Это сумасшествие... – отстукивали по дороге лошадиные копыта...

– Но я люблю его... – казалось, отвечали колеса двуколки, выбрасывая гравий и тучи пыли.

Люсинда обернулась и взглянула на убегающую вдаль дорогу. Интересно, подумала она, не видно ли двух всадников и коляски?

– Какая лошадь у его светлости? – спросила она Кингсклера.

– Его любимый жеребец, миледи. Его зовут Черный Мальчик, но он не так черен, как эти две красавицы с белыми щетками на ногах. У милорда замечательный конь, но его будет немного задерживать полковник Холстед. Он скачет на единственной подходящей для Черного Мальчика лошади – это гнедой жеребец Вулкан. Полагаю, ваша светлость знает Вулкана?

– Я знаю их обоих, – ответила Люсинда, вспомнив, сколько часов она провела в конюшне в свои первые дни в Лондоне, когда ей было так одиноко на Беркли-сквер, что облегчение она испытывала только в окружении лошадей.

– Нам нужно ехать быстрее, – закричала она, охваченная внезапным ужасом.

– Так и сделаем, миледи, не извольте беспокоиться, – спокойно ответил Кингсклер.

– Сколько времени у нас в запасе? – спросила Люсинда.

– Достаточно, миледи, – ответил Кингсклер. – Когда конюхи уже приготовили Черного Мальчика, я осмотрел его и сказал, что подпруга плохая, и им пришлось заново его седлать.

– А подпруга действительно была плохая? – поинтересовалась Люсинда.

Если бы глаза Кингсклера не были устремлены на дорогу, Люсинда заметила бы, как один глаз хитро подмигнул.

– Ну, знаете, миледи, возможно, нож у меня в руке соскочил, – чувствовалось, что Кингсклер колеблется.

Люсинда рассмеялась.

– Какой вы бессовестный, Кингсклер! Вы расставляете препятствия на пути его светлости!

– Это у нас препятствия, миледи, – ответил Кингсклер. – Эти два чемодана вашей светлости на закорках. Я чувствую, как они тянут нас назад. Может, мы оставим их у моего брата в «Собаке и Утке»?

– Ни в коем случае, Кингсклер, – сказала Люсинда. – У меня должны быть с собой платья. Вы же не хотите, чтобы я краснела перед дамами во

Франции?

– Во Франции? Так вот куда вы направляетесь, миледи? – изумленно произнес Кингсклер.

– Да, именно туда, – ответила Люсинда. – Его светлость тоже едет во Францию спасать... своего друга.

Поколебавшись, она продолжила:

– Если с нами что-нибудь случится, ну, если мы вдруг не вернемся, прошу вас, Кингсклер, отправьте моих лошадей к Нату и попросите его присмотреть за ними.

– Хорошо, миледи, я все сделаю, но вы вернетесь. Его светлости всегда сопутствует удача.

При этих словах у Люсинды полегчало на душе. Кингсклер прав, он преуспевает во всех своих делах – в игре, скачках, охоте. Нет такого дела, которое бы ему не удавалось. Ее гордость за него сменилась отчаянием. Разве может она представлять интерес для такого человека? Как она могла надеяться завоевать его любовь? Тут ей пришли на ум слова Красавчика Браммея: «Не робейте!»

«Я завуюю его любовь!» – подумала Люсинда и, взглянув на Кингсклера, крикнула:

– Быстрее, Кингсклер, быстрее! Мы должны быть там раньше их!

До Меридана они доехали всего за два с половиной часа. Это была маленькая деревушка в трех милях от главной дороги. Рядом располагались зеленые пастбища, а вдали до самого горизонта простиралась девственные леса.

Лошади, блестящие от пота и с ключьями пены на губах, стремительно внесли их на двор станции «Собака и Утка».

– Конюха сюда! Быстро!

Столь зычный голос Кингсклера мог разбудить мертвого. Через пару минут из конюшни выбежали, протирая на ходу заспанные глаза, два человека.

– Замените лошадей! И поторопитесь! – приказал Кингсклер. – Пойду-ка я посмотрю, что у вас есть в конюшне! Мне не нужен ваш хлам!

– Кто тут смеет говорить, что я держу хлам? – послышался сердитый голос от двери гостиницы. – О, это ты, кузен! – воскликнул мужчина совершенно другим тоном. – Мне следовало бы помнить, что никто, кроме тебя, не устроит такой переполох в такую рань.

– Мне нужны твои лучшие лошади, Барт! – воскликнул Кингсклер и обошел коляску, чтобы помочь Люсинде сойти.

Она вбежала в гостиницу и увидела, что по лестнице спускается

хозяйка. Женщина была одета в красный фланелевый халат и несла в руке свечу. Всего несколько минут ушло у Люсинды, чтобы смыть с себя дорожную пыль, а на столе уже ждала чашка горячего шоколада, заботливо приготовленная хозяйкой. Крики конюхов «Тпру!», «Стоять!», «Сдай назад!», впрягавших новых лошадей, доносились до Люсинды. Едва она успела допить шоколад, как вошел Кингсклер и объявил:

– Все готово, миледи!

Она выбежала во двор и, не дожидаясь помощи, залезла в коляску.

Новые лошади не шли ни в какое сравнение со старыми, однако они были сильны и свежи и немедленно взяли в галоп. Кингсклер не стал возвращаться по старой дороге. Он направил лошадей по узкому проселку, ведущему на юг, и Люсинда догадалась, что таким образом они выедут на главную дорогу намного ближе к побережью.

Проехав полмили, Кингсклер вытянул влево руку:

– Вот Меридан-холл, миледи.

Люсинда повернула голову.

За кирпичной стеной она увидела парк, который заканчивался исключительной красоты особняком, и все это – на фоне леса. В бледном свете луны серые камни, из которых был сложен дом, казались серебряными, а окна сверкали, как драгоценные украшения. Перед домом был виден огромный пруд, окруженный ожерельем террас.

Больше ничего она рассмотреть не успела. Они пронеслись мимо железных ворот, и дом исчез из виду.

«Как прекрасно!» – подумала Люсинда.

Внезапно у нее возникло ощущение, что она уже все это видела. Но потом ей стало понятно, что необыкновенная красота дома делала его похожим на сказочный замок, который можно было увидеть только во сне.

«Я могла бы быть здесь счастлива... – подумала Люсинда, – ... счастлива с Себастьяном... и нашими детьми».

Эта мысль заставила ее затрепетать, и, боясь опять поддаться отчаянию, она сказала себе, что в один прекрасный день мечты обязательно станут явью.

Они вновь оказались на главной дороге, лошади неслись галопом, и Люсинда вспомнила, что она так и не задала очень важный для нее вопрос:

– Они нас не обогнали?

– Нет, его светлость еще не проезжал мимо «Собаки и Утки», – ответил Кингсклер. – Мой кузен сказал, что может поклясться в этом.

– А он услышал бы стук копыт?

– Будьте спокойны, у Барта всегда ушки на макушке, – заверил ее

Кингсклер. – Вы, должно быть, успели, ваша светлость, заметить, как скоренько он вышел во двор, когда мы приехали. А ведь всего несколько минут назад он крепко спал, но все же услышал наших лошадей и успел надеть рубашку и штаны раньше, чем мы подъехали.

– Тогда он обязательно услышит его светлость, – успокоилась Люсинда.

– Он бы наверняка услышал, если бы его светлость проезжал, но я не могу поверить, миледи, чтобы даже Черный Мальчик мог скакать быстрее нас, – в голосе Кингсклера слышалось удовлетворение. – Во всяком случае, на первой половине пути мы побили рекорд его королевского высочества.

– За четыре с половиной часа до Брайтхелмстоуна, так? – спросила Люсинда.

– Именно, – ответил Кингсклер. – Но у него не было никакого лишнего веса. Говорят, его королевское высочество выбросил даже чехол от часов, чтобы не было ни единой лишней унции.

– Мне очень жаль, Кингсклер, – со слабой улыбкой сказала Люсинда. – Когда мы отправимся в Меридан в следующий раз, я ничего с собой не возьму, даже ридикюль!

– Ну, миледи, тогда у нас будет возможность показать всем, на что мы способны, – бесстрастно произнес Кингсклер.

Они прибыли в Брайтхелмстоун до рассвета, только край неба начинал светлеть. Маленькая рыбацкая деревушка, ставшая столь популярной благодаря принцу Уэльскому и мадам Финхерберт, тихо спала, освещаемая луной. Люсинда заметила, что над морем клубится туман, и с облегчением подумала, что Себастьян был прав, когда говорил, что они смогут отплыть незамеченными.

Бухта, в которой стояла яхта, находилась в нескольких милях от Брайтхелмстоуна, но Кингсклер знал дорогу, и они без промедления направились вдоль побережья к этому скрытому от глаз отвесными скалами месту.

Люсинда с трудом различила в тумане несколько лодок, самая большая, подумала она, наверняка принадлежит Меридану.

– Вам здесь нельзя оставаться, Кингсклер, – заволновалась Люсинда. – Сейчас приедут остальные, они могут заметить лошадей.

– Я поеду домой по другой дороге, миледи, – заверил ее Кингсклер, – но я подожду, пока вы поднимитесь на яхту.

Тут Кингсклер крикнул во весь голос:

– Эй, на «Чибисе»!

Люсинда впервые услышала название яхты Меридана, и, увидев ее

грациозные линии, мачту, уходящую в небо, она подумала, что название выбрано верно.

– Эй, на «Чибисе»! – опять крикнул Кингсклер.

– Должно быть, они спят, – промолвила Люсинда, почувствовав, что у нее от отчаяния подгибаются ноги. – Они нас не слышат! Они не успеют даже доплыть до берега, как его светлость будет уже здесь!

– Я их разбужу! – Кингсклер не был намерен сдаваться.

Не успел он сложить рупором руки, как позади него раздался голос:

– Чем помочь, сэръ?

Это был рыбак.

– У вас есть лодка? – быстро спросила Люсинда.

– А то, леди. Я вот и собираюсь положить в нее сеть, – ответил рыбак.

– Не могли бы вы подвезти меня на «Чибис»? Я плачу гинею.

– Ага, все сделаю, – ответил он. – А если вы спешите, я повезу вас раньше, чем сеть.

– Да, будьте так любезны, – сказала Люсинда. – Мой кучер передаст вам мой багаж.

Она перехватила у Кингсклера вожжи, и мужчины понесли чемодан и коробку к лодке. Свет луны бледнел, с моря потянулся туман, и сейчас он скрывал почти все на берегу, за исключением лошадей и котлов с омарами. Было тихо, и Люсинда обнаружила, что она старается прислушиваться, не стучат ли вдалеке копыта. Успеет ли она? Будет ли она на яхте раньше Себастьяна? Она не сомневалась, что, даже увидев ее здесь, он ни за что не согласится взять ее с собой.

– Скорее! Скорее! – собралась крикнуть Люсинда, но тут из тумана появился Кингсклер. Она бросила ему вожжи и выпрыгнула из коляски.

– Спасибо, Кингсклер, – задыхаясь, проговорила она.

– Вы мне оказали большую честь, что позволили помочь, – ответил Кингсклер.

– Сделайте так, чтобы его светлость вас не заметил, – попросила Люсинда, бросив прощальный взгляд на Брайтхелмстоун.

– Его светлость меня не увидит, – пообещал Кингсклер. – Удачи вам.

Последние слова были еле слышны в тумане, так как Люсинда уже бежала к воде. Она нашла лодку, и рыбак помог ей сесть. Он осторожно оттолкнулся от деревянного пирса и стал грести по направлению к «Чибису». Волны мягко бились о корму. Очень скоро Люсинда увидела борт яхты, которая возвышалась над всеми другими лодками.

Рыбак крикнул: «Эй, на судне!» – и немедленно получил ответ дозорного.

– У меня тут для вас пассажир.

Дозорный бросил удивленный взгляд на Люсинду.

– Немедленно позовите капитана, – приказала она. – Я леди Меридан!

Она услышала топот бегущих ног, приглушенные голоса, и, наконец, мужчина, который, как догадалась Люсинда, был старшиной, произнес задыхающимся голосом:

– Капитан передает вам поклон, миледи, через минуту мы будем около...

Спустили веревочную лестницу, и, если бы не умение Люсинды лазить по деревьям, что мама всегда называла «мальчишеством», вряд ли бы она смогла подняться на борт.

Люсинда поднялась по лестнице с удивительной легкостью. На палубе с фуражкой в руке ее уже встречал старшина, а через минуту из каюты выбежал капитан.

– Приношу глубокие извинения, миледи, – сказал он, – что не встретил вас. Его светлость требует, чтобы мы всегда были в полной готовности, и мы не ожидали, что кто-то может прибыть в столь ранний час.

– Могу ли я поговорить с вами наедине? – спросила Люсинда.

– Конечно, миледи, – ответил капитан. – Разрешите проводить вашу светлость в каюту?

– Прикажите, чтобы немедленно подняли мой багаж, – сказала Люсинда. – И пусть заплатят человеку, который привез меня сюда.

Она вынула золотой соверен и протянула его капитану, который передал его старшине, а тот – рыбаку.

Люсинда уже собиралась последовать за капитаном в каюту, как вспомнила что-то.

– Прошу вас, предупредите этого человека, – сказала она, – что если кто-нибудь станет задавать вопросы, он должен отвечать, что он не видел и не вез меня.

Казалось, капитан был немного удивлен, но все же передал ее слова старшине, который в свою очередь дал указания рыбаку.

Когда Люсинда подходила к трапу, она услышала, как рыбак захохотал и грубым голосом громко произнес:

– Ага! Во какие дела! Слушай, она мне тоже показалась бабенкой что надо!

У капитана при этих словах перехватило дыхание.

Люсинда улыбнулась. Какая разница, что подумают, лишь бы Себастьян до отплытия не знал о ее присутствии.

Лорд Меридан и Чарльз Холстед могли поздравить себя с успехом,

несмотря на то, что рекорд принца им побить не удалось.

– Нам бы удалось, если бы ты не настоял выпить вина в Меридане, – ворчал Чарльз.

– Но меня действительно не особо беспокоило, обставим мы принца или нет, – сказал лорд Меридан. – Сейчас нам следует думать о других, более важных вещах.

– Ну а мне доставило бы удовольствие сообщить ему о нашей победе, – ответил Чарльз. Потом добавил: – Если бы у тебя хватило мужества на это, могу себе представить, сильнее его никто бы не расстроил!

– Да пусть он радуется своим детским забавам, – пробормотал лорд Меридан. – Нам предстоит опасное дело, Чарльз. И если мы не хотим провести весь остаток войны во французских тюрьмах – говорят, они не слишком комфортабельны, – нам следует быть серьезнее.

– Эта сумасшедшая идея принадлежит тебе, а не мне, – отпарировал Чарльз. – Что касается меня, Ивонна может быть в плену хоть у китайского императора, мне то что до этого?! И кстати, если хочешь знать, она там не страдает. Она всех тюремщиков обведет вокруг своего пальца.

– Она обратилась ко мне за помощью, – ответил лорд Меридан. – Не могу же я сжечь письмо и бросить ее в беде!

– Мой дорогой Себастьян, – сказал Чарльз, – нас привел сюда отнюдь не призыв Ивонны – тебе был брошен вызов. В глубине души ты считаешь, что, кроме тебя, никто не отважится вырвать эту бабенку из когтей Бонапарта! Поэтому тебе чертовски хочется предстать во всей красе!

Они доскакали до бухты и, натянув поводья, остановились, стараясь разглядеть что-нибудь в тумане.

– Надеюсь, яхта на месте! – воскликнул Чарльз. – Тогда я смогу отдохнуть и чего-нибудь выпить. По правде говоря, Себастьян, последняя часть нашего путешествия была страшно утомительной.

– Ты не в форме, в этом все дело, – ответил лорд Меридан.

Он выглядел свежим и спокойным, будто только что вышел из двери дома на Беркли-сквер. На галстук не было ни единой морщинки, на долгую и утомительную скачку указывала только пыль на начищенных до блеска сапогах, да и лошадь блестела от пота.

– Не снизойдешь ли ты до того, чтобы вызвать яхту? – спросил лорд Меридан своего спутника.

– Неужели ты думаешь, что они меня услышат? – с сомнением произнес Чарльз.

– Если дозорный спит, я его выгоню, – ответил лорд Меридан. – Я

всегда требовал, чтобы они были готовы к отплытию в любое время дня или ночи.

Чарльзу пришлось пару раз крикнуть, и через несколько минут к берегу уже подплывала лодка с тремя матросами, что доставило обоим исключительное удовлетворение.

Старшина спрыгнул на берег.

– Доброе утро, милорд, – сказал он, отдавая честь.

– Доброе утро, старшина, – ответил лорд Меридан. – Я вижу, с вами два матроса. Оставьте одного здесь с лошадьми, и пусть он дожидается здесь двуколки.

– Слушаюсь, милорд, – ответил старшина.

Лорд Меридан молча сел в лодку. На борту их ожидал капитан, приветствовавший своего хозяина.

– Я предполагал, что мой приезд удивит вас, капитан Дженкинс, – сказал лорд Меридан.

– Отнюдь, милорд, – ответил капитан. – Мы всегда готовы к приезду вашей светлости.

Лорд Меридан бросил взгляд на Чарльза.

– Хороша выучка, а, Чарльз?

– Великолепна! – ответил Чарльз.

– Расставьте команду по местам, капитан Дженкинс, – продолжал лорд Меридан. – Сейчас прибудут еще два господина, и мы отправимся во Францию.

– Во Францию, милорд?

Брови капитана приподнялись от удивления, но вопрос звучал как уточнение.

– Во Францию, – подтвердил лорд Меридан, – а еще точнее, в Булонь. Сначала мы пойдем на запад, как можно более незаметно пересечем канал и постараемся медленно ползти вдоль берега Нормандии.

– Очень хорошо, милорд.

Лорд Меридан направился к трапу, и скоро он с полным комфортом расположился под палубой в передней каюте. Стюарду было приказано принести вина и завтрак.

Топот на палубе, хлопанье поднимаемых парусов и грохот якорной цепи полностью умиротворили лорда Меридана, и он развалился в кресле.

– Как в былые времена, правда, Чарльз? – сказал он. – Я не перестаю думать, что никто не смог бы сорваться с места быстрее нас.

– Дай-ка я подсчитаю, – проговорил Чарльз.

– Мы, должно быть, выехали с Беркли-сквер вскоре после

одиннадцати...

– В одиннадцать тридцать пять, если быть точным, – поправил его лорд Меридан. – Если бы Энтони и Джеймс шевелились быстрее, мы бы отплыли еще до рассвета, когда никого вокруг нет.

– А что такого, если нас увидят? – спросил Чарльз.

– Похоже, здесь слишком много шпионов, – ответил лорд Меридан; – Я никогда не доверял этим французишкам, которые говорят, что они перешли на сторону революции. Поверь мне, очень многие из них находятся на жаловании у Наполеона.

– Мне самому эта мысль не раз приходила в голову! – сказал Чарльз.

Шум на палубе заставил лорда вскочить на ноги.

– Вот они! – воскликнул он.

Через несколько секунд дверь распахнулась и в комнату вошли Энтони Хоуксли и лорд Куртней.

– Вы чертовски долго добирались сюда! – возмутился лорд Меридан. – Ты что, Себастьян, – ответил сэр Энтони, – мы побили рекорд!

– Не верю! – крикнул Чарльз.

– Ну, почти, – поправился лорд Куртней. – Если бы Энтони не ковырялся так долго, мы были бы в Брайтхелмстоуне на пять минут раньше принца!

– Это мне нравится! – воскликнул сэр Энтони. – Это Джеймс все время жаловался, что ему приходится отправляться во Францию в своих лучших штанах!

– Что бы там ни было, вы здесь, – сказал лорд Меридан. – И это важнее всего. Слушаю вас, капитан Дженкинс!

– Мы готовы к отплытию, милорд. Уже поднимают якорь.

– Очень хорошо, капитан.

Капитан отсалютовал и вышел.

– Итак, мы выступаем! – воскликнул Чарльз. – Бог мой, как же повезло Ивонне – знала бы она только!

– Как насчет того, чтобы спасти еще парочку таких же пленных, пока мы будем болтаться там? – спросил сэр Энтони. – Не понимаю, почему все удовольствие от путешествия должно доставаться Себастьяну!

– Внимание! – остановил их болтовню лорд Меридан. – Нам надо выработать план.

– Мы будем заниматься планами только после того, как ты дашь нам поесть, – сказал лорд Куртней. – Черт возьми, я голоден как волк после этой скачки.

– И я, – добавил сэр Энтони. – Позволю себе заметить, что ты,

Себастьян, очень плохой хозяин.

– Я уже приказал нести завтрак, – ответил лорд Меридан. – А пока, может, выпьете вина?

Он начал наполнять бокалы, и в этот момент вошел стюард с завтраком. Они услышали скрип якорной лебедки и завывание ветра в поднятых парусах. Яхта дала небольшой крен и, подобно лошади, напряглась, готовая рвануться с места.

Лорд Меридан поднял свой бокал.

– За нас, – сказал он. – И за спасение плененной дамы!

– За нас, – мрачно повторил Чарльз, – И будем надеяться, что с Божьей помощью вернемся домой.

– Интересно, будет ли кто-нибудь помнить о нас, если мы не вернемся? – спросил лорд Куртней, опуская бокал. – У меня есть подозрение, что плакать не будут!

– Слушай, Джеймс! – воскликнул сэр Энтони. – Ты всегда слишком мрачно смотришь на жизнь. Думай о том море слез, которые прольются, если мы не вернемся. У Брукса все впадут в уныние, это заметит принц, даже когда он подопьет!

– Надеюсь, ты прав, – уныло произнес лорд Куртней. – В любом случае я напишу завещание и оставлю его капитану. На тот случай, если нам придется высаживаться на берег, а моя интуиция мне подсказывает, что Себастьян именно это и намерен предпринять.

– Мне кажется, ты утонешь раньше, чем мы подойдем к берегу, – серьезно заметил Чарльз. – Тебе, Джеймс, следует надеть спасательный жилет, если, конечно, тебе удастся обернуть его вокруг своего живота!

– Моего живота! – вскричал лорд Куртней. – Я намного тоньше тебя, Чарльз, и тебе это хорошо известно! Спорим, что твой живот больше?

– Давай! – согласился Чарльз.

– Подождите минутку, – прервал их лорд Меридан. – Умерьте свой пыл и давайте решим некоторые вопросы. Мы не можем высадиться на берег, не имея плана действий.

– Ты у нас главнокомандующий, – сказал сэр Энтони. – Что ты предлагаешь?

– Начнем с того, что нас четверо, – ответил лорд Меридан, поудобнее устраиваясь в кресле и наливая себе бренди. – Кто из нас говорит по-французски? Я не имею в виду «я люблю», «ты любишь» – этот птичий щебет.

– Когда-то я был лучшим в Итоне, – сказал лорд Куртней, – но только в те дни, когда болел наш преподаватель французского!

– Что касается меня, я никогда не засорял свою голову этим лягушачьим языком, – объявил сэр Энтони. – Я прекрасно обходился без него, несмотря на моду в Кларенс-хаусе говорить на французском то, что проще было бы сказать по-английски.

– Вся твоя беда, Энтони, в том, – сказал Чарльз, – что в момент твоего рождения над тобой реял английский флаг!

– Если этим ты хочешь сказать, что я англичанин, – набросился на него сэр Энтони, – позволь тебе заметить, мой дорогой друг, что я чертовски горд этим!

– А ты, Чарльз? – спросил лорд Меридан, пропустив слова сэра Энтони мимо ушей.

– Ну, я могу связать пару слов, – ответил Чарльз. – Когда я был помоложе, я даже ухитрялся понимать кое-что. Три года назад в течение нескольких месяцев у меня была любовница француженка. Ты, Джеймс, должен ее помнить – такая симпатичная малышка. Не могу вспомнить, как ее звали, но никогда не забуду, насколько она была жадна: требовала так много денег, что я не выдержал.

– Мне следует оторвать голову! – громко произнес лорд Меридан.

– Почему? – опередил лорд Куртней Чарльза, который хотел съязвить по этому поводу.

– Потому что, выбирая вас в качестве моих помощников, я думал только о вашей преданности и умении работать кулаками. Я совершенно забыл, что нам понадобится переводчик или по крайней мере тот, кто сможет спросить дорогу к замку.

– Слушай, Себастьян, у тебя ведь нет недостатков, разве ты не говорить по-французски? – спросил Чарльз.

Лорд Меридан выглядел немного пристыженно.

– Честно говоря, я никогда не интересовался французским, – признался он. – Разговаривать по-французски я, конечно, могу, но никто не признает во мне француза. Греческому и латыни я отдавал много времени в Оксфорде, но от них нам пользы не будет. Говорят, что когда я ухаживаю за кем-нибудь, я красноречив, но из этого не следует, что я знаю много слов.

– Черт побери! Мы пропали! – воскликнул Чарльз. – Может, послать за капитаном и узнать у него, есть ли на борту кто-нибудь, кто может разговаривать на этой тарабарщине?

– В этом нет нужды, – послышалось голос от двери. – Уверена, что в моих силах помочь вам.

Четверо мужчин резко обернулись и как замороженные уставились на вошедшую женщину. Лорд Меридан вскочил и грозно рявкнул:

– Люсинда! Какого черта вы тут делаете?

Люсинда не ответила, и в каюте воцарилась тишина. Наконец Чарльз обрел дар речи.

– Тысяча чертей! Люсинда, вы непредсказуемы, как сам Бонапарт! – воскликнул он, поднимаясь.

Лорд Куртней и сэр Энтони тоже поднялись. По восхищению, отразившемуся на их лицах, и блуждающим улыбкам можно было заключить, что, без сомнения, поведение Люсинды было для них приятным сюрпризом.

Она уже успела переодеться: сняла свое запыленное дорожное платье и надела другое, более элегантное, цвета морской волны, отделанное зеленой лентой. Когда Люсинда грациозно шла к стулу, любезно предложенному Чарльзом, она была похожа на появившуюся из морской пучины нимфу. Она улыбнулась и бросила несколько обеспокоенный взгляд на лорда Меридана. Весь его облик говорил о том, что он страшно разгневан.

– Очень сожалею, Себастьян, – сказала она, – если мое появление доставило вам... неудобство, но я... мне показалось, что я могу быть вам полезной.

– Как вы тут оказались? – сурово спросил лорд Меридан. – Невозможно, чтобы вы обогнали нас, ведь мы неслись с такой бешеной скоростью!..

– Тогда я сделала невозможное, – весело ответила Люсинда. – Мы поменяли лошадей в Меридане еще до вашего приезда туда.

– Вы ехали в своей коляске? – спросил лорд Меридан.

Люсинда кивнула.

– Но это выше моего понимания! – воскликнул Чарльз. – Мы с Себастьяном скакали напрямую. Мы дали свободу нашим лошадям. Но вы ехали по дороге... – Он умолк, не в силах выразить свое изумление.

Люсинда рассмеялась.

– Признаюсь, я выехала раньше вас.

– Откуда вы узнали, что мы собираемся... – начал Чарльз, но его остановил лорд Меридан.

– Прошу простить нас, джентльмены, – сказал он, властно взмахнув рукой, – мне хотелось бы поговорить со своей женой наедине.

– Мы выйдем на палубу и посмотрим, нет ли признаков французского флота, – тактично заметил сэр Энтони. – Если что-то появится, я надеюсь, Себастьян, твоя яхта сможет улизнуть от них! У меня нет желания быть выброшенным за борт с двадцатифунтовым ядром.

– Я говорил Себастьяну, что вся затея чертовски опасна, – в голосе лорда Куртнея слышалась жалоба.

Они направились к трапу. Чарльз, замыкавший шествие, в последний момент обернулся.

– Будь помягче с Люсиндой, – попросил он лорда Меридана. – Уверен, что она побила рекорд принца, и я мечтаю скорее вернуться в Лондон и сообщить ему об этом! Подумать только! Женщина! Да его хватит удар!

Чарльз захлопнул дверь.

Наступившая зловещая тишина заставила Люсинду быстро начать рассказывать:

– Лошадьми правила не я, а Кингсклер. Я знала, Себастьян, что, если я не попаду на яхту раньше вас, вы ни за что не возьмете меня с собой.

– Естественно, – сказал лорд Меридан. – Позвольте вас спросить, как вы узнали обо всем? – добавил он.

Люсинда была в замешательстве, она с трудом подняла на него глаза.

– Я... я подслушала, – пробормотала она.

– Через замочную скважину, как служанка? – видно было, что ее слова задела лорда Меридана.

– Нет, – ответила Люсинда, – я была в маленькой комнатке, в которой есть дверь в библиотеку. Там есть лестница, ведущая в спальни. Разве вы не знали о ней? Не представляю, зачем ее построили и кому она могла понадобиться?

Лорд Меридан сделал вид, что стряхивает несуществующие пылинки с отворотов камзола.

– Что бы вы там ни говорили, вы подслушивали. – Его слова звучали довольно грубо. – Это недостойно, а тем более я не ожидал такого от моей жены.

– Простите меня, – попросила Люсинда, – но если бы я так и не узнала о вашем путешествии, вы отправились бы во Францию даже... не попрощавшись со мной!

– Это вас не оправдывает, – еще строже произнес лорд Меридан, чувствовавший правоту Люсинды. – Вы же обещали мне...

– Да, я помню, – перебила его Люсинда. – Когда вы были так добры ко мне в этой истории с графом, я обещала вам, что буду... более осмотрительной, что буду держать себя как подобает графине Меридан. Но сейчас совсем другое, Себастьян, вы должны это понять! Теперь не я, а вы попали в переделку!

Какое-то время лорд Меридан молча смотрел на нее, и вдруг его губы растянулись в улыбке.

– Действительно, Люсинда, – воскликнул он, – вы неисправимы! У вас на все найдется ответ! Но нам обоим хорошо известно, что вы не должны находиться на яхте и помогать мне спасти даму, которая, грубо говоря, не может быть принята в обществе.

– Она ведь актриса? – спросила Люсинда. – Полагаю, таких называют «бабенками»?

– Люсинда! – Голос лорда Меридана был подобен раскатам грома. – Где вы такое услышали?

– Между прочим, именно Чарльз так ее называл во время вашего разговора в библиотеке, – ответила Люсинда. – Он сказал: «Она очаровательная бабенка, Себастьян, но заслуживает ли она, чтобы ее кидали спасать?»

– Вы не должны повторять все, что болтает Чарльз, – заметил лорд Меридан. – И я совсем не уверен, что Чарльз подходящая компания для такого юного существа, как вы.

– Но он же не знал, что я подслушиваю, – отпарировала Люсинда.

– Конечно, не знал! – воскликнул лорд Меридан. – Надеюсь, никогда не узнает!

– Но он наверняка догадается, – сказала Люсинда, – если не решит, что я ведьма или гадалка.

– Не создавайте лишних сложностей! – раздраженно произнес лорд Меридан. – Позволю себе заметить, вы и так поставили нас в неудобное положение. Я отправляюсь в опасное путешествие с тремя друзьями, к тому же холостяками, – и вот те на, появляетесь вы! Что скажут люди, когда узнают, что я подверг свою жену опасности?

– А как они узнают? – поинтересовалась Люсинда. – Разве вы не уверены, что Чарльз, сэр Энтони и лорд Куртней не проболтаются? Кроме того, до сих пор вы все меня уверяли, что вас не волнует, как о вас отзываются в обществе.

– Так было до того, как я встретил вас, – сердито сказал лорд Меридан. – Черт побери! Когда мужчина женат, он должен помнить о чести своего имени и поведении своей жены!

Люсинда подошла к нему и положила руки ему на плечи.

– Простите меня, Себастьян, – проговорила она. Заискивающе взглянув ему в глаза, добавила: – Молю вас, не сердитесь на меня. Я прекрасно знаю, что не должна была приезжать. Но я не могла оставаться там, мучаясь и переживая за вас, не зная, что случилось... – помолчав, она быстро закончила: – ...со всеми вами.

– Ну ладно, сейчас я уже не могу повернуть назад, – сказал лорд

Меридан. – Вы заслужили, чтобы вас высадили немедленно на берег и отправили домой пешком!

– Вы не можете быть так жестоки! – вскричала Люсинда. – Подумайте, какой разразится скандал: графиня Меридан с окровавленными ногами одна бредет по дорогам...

– Черт вас побери, Люсинда! – в отчаянии воскликнул лорд Меридан. – Вас следует отшлепать. Не могу поверить, чтобы за все годы у вашего отца не возникло подобного желания!

– Когда я была маленькой, меня не раз пороли, – Люсинда вся сияла от счастья, – но это мало помогло!

– С тех пор как я познакомился с вами, я не могу избавиться от головной боли, – сказал лорд Меридан, беря себя в руки. – Сначала ваши сумасбродные выходки после свадьбы! Потом вы с вашими лошадьми и Кингсклером на козлах черного экипажа заставили всех судачить о вас! Потом вы чуть не убили Жака де Фалеза! А теперь это! Клянусь, я никак не возьму в толк, зачем я женился на вас?

– Чтобы вернуться в Олмак, разве вы не помните? – ответила Люсинда.

Эти слова еще больше разозлили лорда Меридана. Он яростно вцепился в графин и плеснул себе бренди. Но не успел он поднести бокал к губам, как Люсинда опять положила руки ему на плечи.

– Прошу вас, ну пожалуйста, не сердитесь на меня, – умоляла она. – Я буду вам полезна. Без французского вы не сможете никуда добраться.

– А вы где научились разговаривать? – с подозрением спросил лорд Меридан.

Выражение его глаз заставило Люсинду рассмеяться.

– Ну уж, конечно, не у графа, – ответила она, – и не у мадам Бертен, хотя я и говорю с ней по-французски, потому что это доставляет ей огромное удовольствие. Моя бабушка была француженкой. Мама хвасталась этим направо и налево, пока не началась война, а сейчас она не любит даже вспоминать об этом.

– Теперь понятно, откуда у вас такой цвет волос, – сказал лорд Меридан, будто впервые заметив, что волосы у Люсинды темные.

– Да, я очень на нее похожа, – подтвердила Люсинда. – А Эстер пошла в папину родню. Все отмечают большое сходство между мной и портретом, который обычно висел в гостиной, а потом его засунули в самую дальнюю часть коридора.

Лорд Меридан промолчал, а Люсинда продолжала:

– Когда мы были девочками, у нас гувернанткой была француженка.

Эстер не удалось ничего усвоить из того, что она нам преподавала. А мне язык давался легко. После ухода гувернантки я старалась заниматься самостоятельно. К счастью, в десяти милях от нас был лагерь французских военнопленных, и я часто ездила туда с католическим священником и переводила его проповеди.

– Теперь понятно, – заметил лорд Меридан, и Люсинда увидела, что то ли под воздействием бренди, то ли благодаря ее объяснению он смягчился. Он уже не метал громы и молнии.

Ободренная, Люсинда села, положила на стол локти и серьезно произнесла:

– Вам не кажется, что следует раздобыть какую-нибудь карту и провести военный совет? Вы же не можете явиться во Францию и потребовать выдачи де Бозоль!

– Я не знаю, где она находится, – ответил лорд Меридан. – Она нарисовала примерный план на обороте письма. Замок стоит недалеко от Булони, рядом с побережьем. Он довольно приметен.

– Что позволяет французам зорко следить за ним, – сухо проговорила Люсинда.

– Какого дьявола им это нужно? – поинтересовался лорд Меридан.

Помолчав, Люсинда спросила:

– Себастьян, вы уверены, что это не ловушка?

– Ловушка? – недоверчиво посмотрел на нее лорд Меридан. – Кому надо заманивать меня в ловушку? Даже если и так, это абсолютно бессмысленно!

– Да, да, конечно, – быстро согласилась Люсинда. – Я сморозила глупость. Но до меня доходили слухи, что в Кале и Булони в полной готовности стоит флот Наполеона, поэтому там может быть множество солдат.

– Вполне вероятно, – согласился лорд Меридан. – Но я никак не возьму в толк, почему вы, Люсинда, так интересуетесь деталями. Что бы ни случилось, вы останетесь на борту.

– О нет, Себастьян! – запротестовала она.

Лорд Меридан встал.

– Я не намерен спорить с вами, – сказал он. – Это приказ, и вы обязаны подчиниться. Вы не имеете права находиться здесь, и я ни за что не допущу, чтобы вы, Люсинда, подвергались опасности. Вы способны ринуться сломя голову в самую гущу событий или стать причиной сражения!

Он поставил бокал на стол и собрался было выйти, но дверь

отворилась, и вошел Чарльз.

– По правому борту виден парус, – сообщил он. – Не думаю, что нам стоит волноваться, но мне кажется, вы должны знать об этом.

– Естественно, – ответил лорд Меридан. – Дай мне подозрную трубу, Чарльз. Тебе не кажется, что это наш корабль?

– Трудно сказать, – пожал плечами Чарльз.

– Кто бы это ни был, надеюсь, он нас не заметил, – сказал лорд Меридан.

Он надел шляпу, взял у Чарльза подозрную трубу и вышел из каюты. Чарльз же остался с Люсиндой.

– Итак, вас не убили, – с улыбкой обратился он к Люсинде.

– Нет, я все еще в строю, – ответила Люсинда, – хотя и еле перевожу дух.

– Разве его можно осуждать? – Чарльз примостился на краю стола и пристально смотрел на Люсинду. – Ведь когда вы ехали сюда, вы знали, что вас ждут неприятности.

– Я не намерена оставаться в стороне, – просто сказала Люсинда.

– Бедный Себастьян! – воскликнул Чарльз, подмигивая Люсинде.

– Почему вы так считаете? – спросила она.

– Потому что мне казалось, что он взял в жены приятную, кроткую и спокойную женщину, которая не изменит его размеренного образа жизни, – ответил Чарльз. – Она сидела бы дома и шила или занималась каким-нибудь еще рукоделием и воспитывала детей! Он не ожидал, что ему подсунули такого смутьяна, как вы.

Тень от ресниц упала на щеки Люсинды. Внезапно она подняла глаза на Чарльза и тихо произнесла:

– Вы считаете, что я ему не нравлюсь!

Чарльз пристально посмотрел на нее и мягко спросил:

– Вы любите его, не так ли?

Люсинда прижала к щекам руки.

– Нет... да... О, как вы догадались? Это так заметно?

– Только мне, – ответил Чарльз. – Понимаете, Люсинда, если бы мне представился случай познакомиться с вами до вашей свадьбы, я ни за что не допустил бы, чтобы вы выходили за Себастьяна.

– Не допустили? – От удивления ее глаза расширились.

Чарльз покачал головой.

– Я бы приложил все силы, чтобы вы вышли за меня. Вы женщина, с которой мужчине никогда не будет скучно. И причина, Люсинда, не только в этом. Я ничего не могу с собой поделать, но я люблю вас все сильнее и

сильнее.

– О нет, Чарльз!

Люсинда протянула ему руки. Взяв ее ладони в свои, Чарльз заставил ее встать. Несмотря на то, что Чарльз продолжал сидеть на столе, их лица оказались рядом, настолько миниатюрна была Люсинда.

– Теперь я знаю, что люблю вас, – тихо проговорил Чарльз. – Я люблю вас. Никогда бы не смог предположить, что буду так искренне говорить подобные слова женщине. Вы согласны бежать со мной?

– Вы шутите! – воскликнула Люсинда. – Подумайте, какой разразится скандал!

– Фу! Ну какое мне дело до скандала! – ответил Чарльз. – Нет, все это только мечты. У меня нет титула, как у Себастьяна, я не так богат, но Холстеды сражались плечом к плечу с королем Карлом, и им удалось отстоять трон от посягательств этих чертовых круглоголовых. Вам не придется краснеть за меня, Люсинда. И мы сможем поладить. Надеюсь, со мной вы будете счастливее, чем с Себастьяном. – Чарльз остановился, чтобы перевести дух. – Это длинная речь для меня, Люсинда. Никогда не подозревал, что способен так изящно выразить свои мысли.

Люсинда сжала его пальцы.

– Спасибо вам, Чарльз, – сказала она, – мой добрый Чарльз. С самого начала вы стали мне другом, правда? Однажды вы действительно полюбите, и вам ответят взаимностью.

– Но ведь я люблю вас, – настаивал Чарльз. – Бегите со мной, Люсинда!

– Мне очень хотелось бы ответить вам согласием, – сказала Люсинда, – это было бы замечательно! Бешеная скачка в дилижансе, преследования размахивающего пистолетами Себастьяна...

Она замолчала, глаза ее горели от возбуждения. Через некоторое время она печально произнесла:

– Хотя навряд ли – я его не интересую, он будет рад... отделаться от меня.

– Если хотите знать, он будет тосковать о вас гораздо сильнее, чем он сам может представить, – сказал Чарльз. – Но давайте не будем говорить о Себастьяне. Вы разрешите мне увезти вас? Не в каком-то старом дилижансе – это уж слишком. У меня есть собственные лошади, к тому же хорошие.

– Не такие хорошие, как у Себастьяна, – ответила Люсинда.

– К черту Себастьяна! – пришел в неистовство Чарльз. – Это я, я предлагаю вам бежать, а вы только и говорите о своем муже!

– Не потому, что он мой муж... Потому, что я люблю его! – проговорила Люсинда. – О, Чарльз! Поклянитесь, что вы будете держать все в секрете, не расскажете ему! Может быть, в один прекрасный день я заинтересую его. Я готова уподобиться всем его женщинам – бегать за ним, как голодная собака в ожидании, что ей бросят кость, когда вспомнят о ней.

– Боже мой, Люсинда, таков он и есть! – воскликнул Чарльз. – Вы хорошо подумали, не так ли?

– Конечно, – ответила Люсинда. – Вы меня не выдадите?

– Вы знаете, что для вас я готов на все, – ответил Чарльз. – Я только хочу, чтобы вы поняли, Люсинда, я действительно люблю вас!

– Я не сомневаюсь в вашей искренности, – сказала Люсинда. – Я благодарна вам, Чарльз, безмерно за то, что вы предлагаете мне бежать с вами... Это значит для меня... о, гораздо больше, чем я могу передать. Я так благодарна вам!

Ее глаза на мгновение затуманились, но выражение лица Чарльза заставило ее приблизиться и нежно поцеловать его в щеку.

– Вы навсегда останетесь для меня самым добрым, – мягко сказала она.

– Дьявол, Люсинда, если вы будете продолжать в том же духе, я заплачу, – начал Чарльз, но закончить ему было не суждено, так как он увидел, что дверь в каюту открыта и за ними наблюдает лорд Меридан. С виноватым видом они резко отпрянули друг от друга.

Люсинда, прекрасно сознавая, что лорд Меридан наверняка видел, как она целовала Чарльза, и может истолковать все неверно, почувствовала, как краска заликает ей щеки.

– Прошу прощения, что ворвался в свою собственную каюту, – сурово произнес лорд Меридан. Бросив на стол подозрительную трубу, он резко сказал: – Как же я был глуп, считая тебя своим другом, Чарльз. Я думал, что ты относишься к Люсинде как к моей жене. Как же я ошибался!

– Тебе не следует разговаривать со мной в таком тоне, – ответил Чарльз. – Все не так, как ты думаешь.

– Я все еще доверяю своим глазам! – загремел лорд Меридан.

– О, прошу вас, Себастьян, – вмешалась Люсинда, – это недоразумение. Чарльз говорил мне очень хорошие слова... и я поцеловала его бессознательно. В его словах не было ничего нескромного.

– Это еще как посмотреть, – голос лорда Меридана не предвещал ничего хорошего.

– Даю вам слово, – проговорила Люсинда, – Чарльз может подтвердить, в этом поцелуе не было ничего зазорного, поверьте мне. Я

могла бы точно так поцеловать любого!

– Что вы, без сомнения, и делаете, – перебил ее лорд Меридан. – Графу тоже, наверное, нравилась такая любезность до того, как вы проломили ему голову.

– Вы несправедливы и жестоки, – запротестовала Люсинда. Еще минуту назад она была несчастна и полна раскаяния, но в это мгновение она ощутила, как в ней поднимается гнев.

– Боюсь, я покажусь вам старомодным и слишком щепетильным, – напыщенно произнес лорд Меридан, – но я уже много раз повторял вам, Люсинда: я считаю, что женщина, которая носит мое имя, должна быть хоть внешне аристократкой и соблюдать правила приличия. Но получается, что чем бы вы ни занимались, вы во всех случаях доказываете, что не имеете ни малейшего представления о том, как должна вести себя настоящая леди!

Речь лорда Меридана была исполнена такого пафоса, что Люсинда побледнела.

– Вы зашли слишком далеко, Себастьян! – вскричал Чарльз. – Если хотите, вызовите меня на дуэль. Я приму ваш вызов без колебаний. Как мы будем стреляться – с десяти шагов? Или нас будет разделять только стол? Тогда у нас будет уверенность, что умрут оба!

– Вы не будете стреляться! – крикнула Люсинда, приходя в себя от нападок лорда Меридана. – Уж если вы, с вашими куриными мозгами, решили стреляться из-за меня, будьте любезны узнать мое мнение: я не потерплю!

Она обернулась к лорду Меридану.

– Как вы посмели предъявлять мне претензии, Себастьян, как вы посмели сказать, что я веду себя неподобающим образом, если вы сами не можете называться джентльменом! Полагаю, будь я такой женой, на которую вы рассчитывали, я бы сейчас плакала в подушку, переживая обиду. Единственное, что могу сказать, – я привыкла к оскорблениям!

Люсинда глубоко вздохнула. Она продолжала, ее слова насккивали одно на другое:

– Что вы можете сказать о платьях, которые вы покупаете для леди Деверо. На одно из них вы готовы были выбросить сто гиней! А как же все эти дамы полусвета, с которыми вы с Чарльзом развлекались на следующий же день после нашей свадьбы?!

Лорд Меридан пытался протестовать, но Люсинду несло.

– Не делайте вид, что вы шокированы, не притворяйтесь, что я не должна была знать о ваших похождениях! – воскликнула Люсинда. – Вы

только что осмелились заявить, что я веду себя неподобающим образом. Но я не допущу, чтобы вы тут строили из себя поборника нравственности только из-за того, что я поцеловала Чарльза в благодарность за добрые слова, а я так... нуждаюсь... в доброте.

Слова молниями слетали с ее губ, в голосе слышалась ярость, глаза гневно сверкали, а грудь учащенно вздымалась. В этот момент она была хороша как никогда. Лорд Меридан и Чарльз Холстед стояли и смотрели на нее как замороженные.

Люсинда замолчала, и никто не произнес ни слова. Она прошла через каюту и дернула за шнурок висевшего на стене звонка.

– Не будем больше обсуждать эти вопросы, – сказала Люсинда, – когда нам надо решать более важные задачи. Полагаю, очень скоро мы окажемся во вражеских водах и в пределах видимости французской береговой охраны.

Лорд Меридан продолжал молча наблюдать за ней. Странное выражение его лица заставило Чарльза, открывшего было рот, чтобы что-то сказать, изменить свое решение.

В дверь постучали, и вошел стюард.

– Спросите лорда Куртнея и сэра Энтони, не будут ли они так любезны спуститься в каюту, – решительно скомандовала Люсинда.

– Хорошо, миледи.

Стюард исчез, а Люсинда повернулась к лорду Меридану и смерила его презрительным взглядом. Внезапно, смягчившись от его вида, она ринулась к нему и упала рядом с ним на колени.

– О, дорогой, я знаю что вела себя возмутительно! – воскликнула она. – Все мой гнусный язык! Я не должна была так говорить! Во всем виновата моя вспыльчивость... я теряю голову... я не понимаю, что говорю.

Она смотрела на него снизу вверх полными тревоги глазами.

– Я так виновата, – извиняющимся тоном шептала она. – Я постараюсь вести себя хорошо... я постараюсь, правда.

Лицо лорда Меридана оставалось бесстрастным, но тут совершенно непроизвольно его губы тронула легкая улыбка, глаза загорелись.

– Бьюсь об заклад, вам не преуспеть в своем стремлении, – мягко сказал он.

– Но я... постараюсь, – жалобно пробормотала Люсинда.

Он положил руку ей на плечо, ее тоненькая белая шейка была почти полностью скрыта его крупной ладонью.

– Возможно, мне будет очень жаль, если вы станете слишком усердствовать, – сказал он, и не было сомнения, что он едва сдерживает

смех.

– О, Себастьян, вы не сердитесь? – воскликнула Люсинда. – Вы правда не сердитесь? Я бы не вынесла, если бы вы продолжали злиться на меня!

– Вы непослушный ребенок – я в ярости! – сказал лорд Меридан.

Люсинда прижалась щекой к его руке.

– Я так... так раскаиваюсь, – пробормотала она.

– Ложь! – подавив смешок, произнес лорд Меридан. – Но, наверное, еще одна ложь положения не изменит.

Чарльз подошел к иллюминатору и стал смотреть на море. Было видно, что он с трудом выдерживает происходящее в каюте.

– Вы прощаете меня? – тихо спросила Люсинда, не сознавая, что в каюте еще кто-то есть.

– Ничего уже не поправишь – вы бесенок, который ниспослан, чтобы мучить меня, – ответил лорд Меридан. – Но я прощаю вас.

– Я... я так счастлива, – прошептала Люсинда.

Их лица оказались совсем рядом. Он заглянул ей в глаза, и мир замер вокруг них. Они были одни, одни во всей вселенной, и ничто не имело значения.

Тут в каюту вбежали лорд Куртней и сэр Энтони.

– Хороший попутный ветер, – сказал лорд Куртней. – Если так будет и дальше, капитан говорит, мы увидим французский берег еще до сумерек.

– То, что нужно! – воскликнул лорд Меридан. – Тогда мне удастся выбраться на берег в темноте и у меня будет возможность получить всю необходимую информацию.

– Ты собираешься высаживаться? – спросил сэр Энтони. – А как же мы?

– Именно это нам и надо обсудить, – сказал лорд Меридан, как будто именно он посылал за ними. – У меня есть план. Кстати, где карта?

– Здесь, – ответил сэр Энтони, бросая карту на стол. – Капитан говорит, что мы можем не сомневаться в ее точности, так как всего неделю назад ее взяли на захваченном военном корабле французов.

– Это кстати, – сказал лорд Меридан. – Вот что я собираюсь предпринять.

Он разложил на столе карту, разгладил ее и, взяв с письменного стола перо, стал прокладывать курс яхты через канал вдоль побережья.

– Мы проберемся поближе к берегу. Кажется, замок где-то здесь, – лорд Меридан поставил крестик, – на окраине Булони. Видите эту бухточку? Если она не занята французами, мы можем тут пристать, а потом я найму какую-нибудь повозку, чтобы доехать до замка.

– Если Ивонна действительно в плену, ее должны держать взаперти, – предположил Чарльз. – Как в таком случае ты собираешься освободить ее?

Лорд Меридан вытащил из кармана принесенное рыбаком письмо.

– Вот что она пишет, кстати, на совсем неплохом английском, – сказал он, разворачивая письмо.

«... я в плену у императора, меня держат в этом замке, у меня нет возможности убежать, выехать в Париж или связаться с друзьями.

Замок расположен к западу от города, около самого моря. Его легко найти, и я не перестаю мечтать, как вы – такой сильный, такой решительный и такой отважный – придете и спасете меня. Я страстно желаю бежать в Англию, избавиться от ужасов войны и лишений, которые терпит моя бедная страна от тирана.

Приди ко мне, Себастьян, быстрее, быстрее! Ты единственный можешь спасти меня. Я взываю к тебе, мой рыцарь, потому что я в беде!»

– Бедняжка! – лорд Куртней впал в сентиментальность. – Она, наверное, страшно страдает, если отважилась написать такое.

– Не забывайте, что она актриса, – цинично заметил Чарльз. – Учитывая все, что мне известно об Ивонне, могу сказать, что она способна прогулку со своим мопсом превратить в драму.

Люсинда наблюдала за лицом лорда Меридана.

– Полагаю, она оскорбила Бонапарта в одной из своих пьес, – как бы размышляя, сказал он. – Мне говорили, что, подобно всем простолюдинам, он очень чувствителен ко всему, что касается его персоны, а в пьесах Ивонны всегда были прелестные комедийные сценки.

– Зная ее, – сказал Чарльз, – могу предположить: единственное, что может повергнуть ее в отчаяние, – это невозможность попасть в Париж и тратить деньги. Уж если кто и знает, как в рекордный срок опустошить карман мужчины, то это Ивонна де Бозоль!

Интересно, подумала Люсинда, сколько мог Себастьян потратить на нее. Но долго раздумывать над этим не пришлось, потому что обсуждение высадки Себастьяна на берег в одиночку отодвинуло все другие мысли на второй план. Она прекрасно сознавала, какой опасности он подвергается.

– Вот что я сделаю, – говорил он. – Я добуду какую-нибудь лошадь, здесь наверняка есть поблизости ферма, доеду до замка и перелезу через стену. Как я понимаю, Ивонна совершенно свободна в своих передвижениях в пределах замка. Я найду ее и, если не получится сразу увезти ее с собой, вернусь и опишу вам ситуацию, и мы придумаем план побега.

Все стали обсуждать его предложение, и только Люсинда задала самый важный вопрос.

– А если вы... не вернетесь? – Ее сердце замерло. – Что тогда делать?

– Да, очень своевременный вопрос, – согласился лорд Куртней. – Что нам тогда делать, Себастьян?

– Если я не вернусь до рассвета, – ответил лорд Меридан, – вы должны сняться с якоря и вернуться в Англию.

Чарльз Холстед откинулся и рассмеялся.

– У нас тут, Себастьян, прямо «Челтенхемские трагедии»! – воскликнул он. – Ты прекрасно знаешь, что мы ничего подобного не сделаем! Нет, у меня есть идея получше. Один из нас пойдет с тобой, а когда ты перелезешь через стену, – если уж ты на самом деле собираешься это сделать, – он останется тебя ждать. Он будет следить за всем, а если ты попадешь в беду, он вернется на яхту и сообщит нам. Таким образом мы будем в курсе дела.

– Это более разумно! – поддержал сэр Энтони. – И идиотом, почему все должно доставаться тебе, Себастьян? Мы прибыли сюда не для того, чтобы качаться на волнах! Качка всегда на меня плохо действовала.

– Ну хорошо, – сказал лорд Меридан. – Я согласен, что этот вариант более разумный. Но остальные должны оставаться на борту и заботиться о Люсинде. Что бы ни случилось, она не должна подвергаться опасности. Это понятно?

– Ну конечно, – ответил Чарльз. – Здесь она будет в полной безопасности. Единственное, что может помешать твоим планам, это судно французской береговой охраны, которое захочет зайти в бухточку и поинтересоваться, какого черта мы туда забрались!

– Я уже думал об этом, – сказал лорд Меридан. – Мы поднимем французский флаг.

– Французский флаг?!

Все трое мужчин были шокированы.

– Черт побери! Это непатриотично!

– Нет, Себастьян, – опередил Чарльза сэр Энтони. —

Вы же знаете, с кем нам придется иметь дело! Во время войны обман противника всегда считался доблестью!

– Вы уверены, что вам не расставлена ловушка? – спросила Люсинда.

– Вы уже спрашивали меня об этом, – нахмурившись, ответил лорд Меридан. – Я знаю Ивонну много лет. Она умная актриса, ее хорошо принимают в Париже, и я не ошибусь, если скажу, что она была очень благосклонна ко мне. Я не верю, чтобы она могла написать подобное

письмо с целью завлечь меня в расставленные сети. – Он помолчал и спросил: – А ты что думаешь, Чарльз?

– Я согласен, – ответил Чарльз. – Ивонна не настолько лжива, чтобы заманить тебя в ловушку. И потом, Себастьян, о чем речь? Ты не генерал, не адмирал и даже не член кабинета – ведь именно к этим категориям относятся политические пленные. – Нет, нет, она искренне просит о помощи! – лорд Меридан начал раздражаться. – Ивонне я доверил бы свою жизнь!

– Именно это вы и собираетесь сделать, – сказала Люсинда.

Возникло напряженное молчание. Лорд Меридан отодвинул карту.

– Решено, – сказал он. – Но если что-то случится и вам придется спасти меня, закройте Люсинду в цепи и запирайте ее в каюте! Иначе она опять попадет в какую-нибудь историю.

Он шутил, но Люсинда чувствовала, что он обеспокоен.

– Даю вам слово, я не сделаю ничего, что могло бы усложнить положение, – сказала Люсинда. – Мне только очень хочется, чтобы ваш план удался. Предположим, кто-нибудь обратится к вам по дороге. Как вы будете ему отвечать?

– Для этого моих знаний французского достаточно, – ответил лорд Меридан. – Мне гораздо сложнее понять, что эти лягушатники болтают.

– Вот именно, – сказала Люсинда. – Теперь вы видите, что вас должна сопровождать я? Я могла бы поговорить с крестьянами или садовниками, так я выяснила бы гораздо больше вас.

– Послушайте, Люсинда, – предостерегающе произнес лорд Меридан, – мне бы очень хотелось, чтобы вы поняли: я не желаю слушать этот бред!

– Когда мы только отчалили, вы выясняли, кто может говорить по-французски, – запротестовала она. – Вы ведь считали, что язык может вам понадобиться.

– Он может понадобиться позже, – напыщенно заявил лорд Меридан, – в том случае, если мне не удастся связаться с Ивонной, – ведь мы должны учитывать и такое. Для начала нужно только одно: выяснить, может ли она бежать. Наверняка, со стороны моря охраны не будет, они, скорее всего, наблюдают за дорогой на Париж.

– Как вы думаете, почему она оказалась в Булони? – спросила Люсинда. – Если она так любит Париж, зачем нужно было уезжать оттуда?

Лорд Меридан пожал плечами.

– Может, она приехала туда отдохнуть, – предположил он. – Актрисы очень устают.

– Все, что вы рассказали мне о ней, звучит довольно странно, – сказала Люсинда.

– Прекратите выдумывать! – приказал лорд Меридан. – Кто пойдет со мной? Предлагаю разыграть на картах. Пойдет тот, у кого самая крупная или самая мелкая карта – выбирайте сами.

Карты оказались в ящике стола. Их разложили, и каждый торжественно вытянул по одной.

– Можно мне тоже? – попросила Люсинда и тут же получила решительное «Нет!».

Лорд Куртней первым перевернул карту. Это была десятка червей. У сэра Энтони оказался бубновый валет, а у Чарльза – король пик.

– Отлично! – удовлетворенно произнес лорд Меридан. – Мы с Чарльзом привыкли путешествовать вместе.

«Они оба...» – с замирающим сердцем подумала Люсинда. Она знала: как бы она ни пыталась уверить себя, что ее сердце полностью отдано Себастьяну, крохотная, но полная жизни частичка его принадлежала Чарльзу.

Люсинда опустила на стул и закрыла руками глаза.

Не было смысла оставаться на палубе, так как в сплошном тумане невозможно было что-то разглядеть, и она спустилась вниз. Туман был настолько густой, что лампы еле освещали каюту. Люсинде казалось, что целая жизнь прошла с того мгновения, когда хрупкая лодочка с Себастьяном и Чарльзом, прощально махавшими руками, отвалила от борта яхты. Она ощутила, что сердце ее уплывает с Себастьяном. Увидев, как лодка растаяла в тумане, Люсинда едва сдержала крик, призывающий их вернуться. Ей было хорошо известно, что никакие уговоры, никакие доводы ничего не изменят. От бессилия на глаза навернулись слезы.

Сотню раз план менялся, и каждый раз оставалось одно-единственное препятствие: отсутствие человека, способного свободно говорить по-французски.

Как только Люсинда не умоляла их взять ее с собой – все напрасно! Наконец было решено, что Себастьян с Чарльзом поплывут к берегу и постараются как можно ближе подобраться к замку, расположенному в окрестностях Булони. Они постараются проскользнуть незамеченными, чтобы не пришлось с кем-нибудь разговаривать.

Первоначальная идея Себастьяна добыть двух лошадей была невыполнимой, так как его произношение вызвало бы подозрение у любого крестьянина или торговца лошадьми. И кроме того, вряд ли лорд Меридан

понял бы, что ему ответили.

Поэтому решили, что они пойдут пешком, что вызвало у Чарльза страшное недовольство.

– Если бы я знал, что мне придется топтать по дорогам, как простому крестьянину, – ворчал он, – я бы никогда не надел мои лучшие сапоги. Черт возьми, Себастьян, ты хочешь слишком многого от своих друзей!

– Не обращай на него внимания, – сказал сэра Энтони, – я пойду с тобой.

– Вы должны подчиняться приказу и остаться на яхте с Люсиндой, – сердито произнес лорд Меридан. – Если произойдет что-то непредвиденное, вы с Джеймсом и самые сильные матросы из команды отправитесь к нам на подмогу.

Люсинда чувствовала, что именно так и случится. Она подняла голову, прислушалась к тихому плеску воды и в сотый раз подумала, что Себастьян и Чарльз уже давно должны были вернуться. У нее не было никакого желания видеть их в сопровождении французской актрисы. Люсинда старалась не признаваться себе в этом, но при мысли, что какой-то женщине с помощью надушенного клочка бумаги удалось заставить лорда Меридана пересечь Канал и пробираться на вражескую территорию, ее охватывала безумная ревность.

«Неужели она так же красива, как леди Деверо? – спрашивала себя Люсинда. – А может, она такая же страстная, как Хуанита да Рива?»

Как бы то ни было, Себастьян ответил на ее призыв о помощи, и Люсинда старалась не думать о всех опасностях, которые могут обрушиться на него из-за его рыцарства.

Внезапно она вскочила. Шум весел, она уверена!

Сэр Энтони и лорд Куртней, должно быть, тоже услышали шум: с грохотом отодвинулся стол, за которым они играли в карты, и раздался топот ног спешащих на палубу.

Схватив отделанную соболем бархатную накидку, которую она в сердцах швырнула на кровать после очередного безуспешного выхода на палубу, Люсинда последовала за ними. Какое-то время они тщетно вглядывались в туман в направлении шума и наконец увидели лодку, выплывшую из мглы. Через секунду лодка уже была у веревочной лестницы. Сердце Люсинды оборвалось: в лодке, кроме трех матросов, был только один пассажир – Чарльз. Даже не видя его лица, она поняла, что он привез дурные вести.

Поднявшись по лестнице, Чарльз посмотрел на Люсинду, стоявшую рядом с сэром Энтони и лордом Куртнеем. Его холодные руки схватили ее

ручку, как бы успокаивая, и он произнес: – Это была ловушка – и Себастьян угодил в нее! Пошли в каюту!

Рука Люсинды рванулась к груди, пытаясь остановить бешеное сердцебиение. Что бы Чарльз ни рассказывал, она не должна показывать свой страх. Если они увидят, что она испугалась или впала в истерику, они выполнят приказание лорда Меридана и отправят ее в Англию.

Затаив дыхание, она последовала за Чарльзом в каюту.

– Дайте мне выпить, – бросил Чарльз. Он сел за стол, на который светильники отбрасывали желтые круги, и опустил голову на руки.

– Что... что случилось? – спазм сдавил Люсинде горло. – Я не вынесу, Чарльз, рассказывайте быстрее.

Ее слова, сила ее голоса заставили его поднять глаза.

Он заметил, что она охвачена страхом и сказал:

– Нет, нет, он жив. Но он в плену, в плену у Бонапарта.

– Что?! – вскричал лорд Куртней. – Бони тоже в этом участвует?

Поставив перед Чарльзом стакан бренди, сэр Энтони произнес:

– Давай сначала все выслушаем.

Чарльз сделал большой глоток и безжизненным голосом начал свой рассказ:

– Мы без труда доплыли до того места, где Себастьян собирался высадиться. На берегу никого не было, да и море было пустынным. Все еще стоял туман, но дальше по берегу можно было различить огни Булони. Пройдя немного вглубь, Себастьян заметил замок. Он, наверное, был в полумиле от нас. Все окна освещены. Это и делало его таким приметным.

Чарльз отпил еще глоток.

– Продолжайте, – еле слышно прошептала Люсинда.

– Мы сначала решили, что там бал, но рядом не было ни одного экипажа. Подъезды к дому были пусты. Мы немного прошли по боковой дороге. Замок окружала низкая кирпичная стена.

– Что нам делать? – спросил я Себастьяна.

– Я думаю заглянуть внутрь, коль дама еще не спит, – ответил он. – Не хотелось бы мне вытаскивать ее из постели.

Чарльз опять отхлебнул из бокала.

– Уже тогда нам должно было показаться подозрительным, что место кажется столь пустынным, – сказал Чарльз. – Но Себастьян был так доволен собой, он был горд, что с такой легкостью добрался туда...

– Ты, Чарльз, знаешь наш план, – сказал он мне. – Если все пойдет как надо, я подам тебе сигнал, и ты поможешь Ивонне добраться до лодки. У нее наверняка куча барахла – какая женщина отправится в путешествие без

полного комплекта тряпок!

Он помолчал и добавил:

– Если я не вернусь, значит, что-то произошло. Разведай. Если меня возьмут в плен, – что мне кажется маловероятным, – возвращайся на яхту и отправляй Люсинду в Англию.

– Я не поеду, – перебила Люсинда. – Я ему говорила еще перед отъездом.

– Я знаю, – мягко произнес Чарльз, – но мне кажется, что Себастьян не слушал.

– Ну так что же произошло? – спросил лорд Куртней. – Черт возьми, Чарльз, ты до скончания века будешь рассказывать!

– Я хочу, чтобы вам были известны все подробности, – ответил Чарльз. – Себастьян перелез через стену и пересек лужайку. В этот момент из замка вышла женщина, она остановилась на террасе и повернулась в сторону моря. Я выгасил маленькую подзорную трубу, которую прихватил с собой. Даже в сумерках я смог разглядеть, что это была Ивонна, голову даю на отсечение. На ней было вечернее платье, и выглядела она очень привлекательно.

– Ты не мог всего рассмотреть – было совсем темно! – нетерпеливо заметил лорд Куртней.

– Ну, мне так показалось, – извиняющимся тоном произнес Чарльз. – Короче говоря, она была там одна, и Себастьян подошел к ней. Она повернулась к нему и протянула обе руки. Он поднес их к губам. Мне было хорошо видно, свет из окон был достаточно ярким. Я подумал: «Теперь и мне пора» – и уже занес ногу, чтобы перелезть через стену.

Чарльз остановился и глотнул бренди. Положив ему руку на плечо, Люсинда нетерпеливо произнесла:

– Чарльз, я не вынесу этого, расскажите же наконец!

– Я увидел, как Ивонна указывает рукой на побережье, как бы показывая Себастьяну что-то в Булони. Он приложил руку козырьком к глазам, чтобы было лучше видно. Внезапно откуда-то появились два человека. Все произошло так быстро, что сначала я даже ничего не понял. В руке одного из них была дубинка, и он со всего маху обрушил ее Себастьяну на голову. Себастьян пытался защищаться, но тут же рухнул. Я видел своими глазами! Они подхватили его под руки и поволокли в дом.

В ужасе Люсинда поднесла ладонь к губам.

– О Боже! Они ждали его! – воскликнул сэр Энтони.

– Это очевидно, – сказал им Чарльз. – Пока я раздумывал, последовать ли за ними, чтобы попытаться спасти его, Ивонна вернулась на террасу и

взмахнула платком...

Он помолчал и продолжил:

– Она махала платком, а я ждал, не желая, чтобы меня огрели дубинкой по голове, как бедного Себастьяна!

– Что же дальше? – поинтересовался лорд Куртней.

– Через некоторое время, – ответил Чарльз, – я услышал топот марширующих солдат. Они появились с другой стороны парка и шли по дороге, которая огибала террасу. Всего их было пятеро: четыре солдата и сержант.

– Солдаты! – выдохнула Люсинда.

– Вся эта затея с письмом была ловушкой! – с горечью произнес сэр Энтони.

– Себастьяна поймали, как кролика! – сказал Чарльз. – Сержант поставил двух солдат у ворот, а двух других около двери на террасу. Именно через эту дверь они и уволокли Себастьяна. Потом Ивонна с сержантом вошла в дом.

– Дьявол! Ты-то мог что-нибудь сделать? – спросил лорд Куртней.

– Что? – вскричал Чарльз. – С одним пистолетом против пятерых вооруженных солдат и еще тех двух, которые захватили Себастьяна?

Он замолчал, выразительно махнув рукой.

– Я сделал так, как велел Себастьян, и вернулся сюда.

– Не для того же, чтобы отправить меня в Англию?

– Именно это нам и следует сделать, – с сомнением произнес Чарльз.

– И оставить Себастьяна в руках убийц? – поинтересовалась Люсинда. – Я не так малодушна и труслива, как вы!

– Леди-Меридан, вы несправедливы, – в голосе сэра Энтони слышалась мольба. – Ведь в тот момент Чарльз ничего не мог предпринять. А все вместе мы выгнали его. Как же иначе?

– Я еще не рассказал вам, чем все закончилось, – весь облик Чарльза говорил, как он страдает. – Я продолжал ждать, и тут еще один человек, по всей видимости слуга, подъехал на лошади к крыльцу. Он немного подождал, и появилась Ивонна. В руках у нее было письмо, она передала его человеку. Она давала ему какие-то указания, а он внимательно слушал. Естественно, я не мог слышать, о чем они говорили. Он взмахнул хлыстом и погнал лошадь, потом повернул направо, на дорогу, идущую вдоль берега к городу. Он скакал галопом, и мне показалось, но я, конечно, могу ошибаться, что он послан за подкреплением.

– И все только для того, чтобы держать в плену одного бесчувственного человека? – удивился лорд Куртней.

– Возможно, они подозревают, что он не один, – предположил Чарльз.

– Дьявол! Кто мог представить! – вскричал лорд Куртней. – Что нам делать?

– У меня тоже плохие новости, – сказал сэр Энтони. – Пока тебя, Чарльз, не было, я разговаривал с капитаном. Он говорит, что у нас на борту мало оружия: пара абордажных сабель, мушкет, из которого не стреляли целую вечность, и наши собственные пистолеты.

– Ох, этот Себастьян! Он что, не знал, что нам может понадобиться хорошее оружие? – сердито сказал Чарльз.

– Нам и яхта не нужна, нам нужен вооруженный корабль, – резко возразил лорд Куртней. – Что вы скажете на то, чтобы вернуться в Англию и обратиться за помощью к флоту?

– Чтобы спасти одного англичанина? – ухмыльнулся Чарльз. – Даже если это и Себастьян. Сомневаюсь, чтобы лорды Адмиралтейства согласились на такой шаг. Тем более, что Булонь всегда была осиным гнездом. Они решат, что Себастьян тронулся умом, коль решился сунуться в это место!

Люсинда, стоявшая у стола, придвинула к себе стул.

– У меня есть идея, – сказала она. – Слушайте...

На следующее утро, примерно в девять тридцать, по прибрежной дороге в Булонь катил экипаж, запряженный жалким подобием лошади. Экипажем правил кучер, одетый в проеденную молью накидку, его выдавший виды капюшон был вытерт так же, как и старая шляпа, которую он надвинул на самый нос.

Только никак не вязавшиеся с его видом изящество и умение, с какими он правил лошадь, могли заставить прохожего обернуться ему вслед.

У пассажира был совсем другой вид. На заднем сиденье виднелась фигура в зеленом дорожном платье и шляпке, украшенной шикарными яркими перьями. Рядом стояли огромная шляпная коробка и дорогой кожаный чемодан.

Только женщина могла понять, что у этой пышно разодетой прелестницы полностью отсутствуют хорошие манеры, на что указывали ярко накрашенные щеки и рот.

Из-под шляпки виднелись мелко завитые кудряшки, и хотя вид был довольно эксцентричен, он тем не менее был тщательно продуман и производил приятное впечатление.

Часовой, стоявший у ворот замка, пришел в восхищение.

– Я мадам Жанетт из Парижа, – сказала девушка на хорошем французском. – Я привезла для мадемуазель де Бозоль самые последние

модели из Парижа, без которых она чахнет в этом Богом забытом уголке.

Часовой, капрал, как и все новобранцы Наполеона, молодой парень, хихикнул.

– Здесь совсем не так плохо, – сказал он. – Я могу показать вам, что здесь тоже живут люди, если вы это имели в виду.

– Я могла бы принять ваше приглашение, – взгляд мадам Жанетт заставил чаще забиться его сердце. – Но сначала дело. Вперед! То, что лежит в этом чемодане, стоит больших денег! – Она указала на свой багаж.

– Могу поспорить, что бы мадемуазель ни купила, она не будет так шикарна, как вы, – подмигнув, произнес часовой. – Проезжайте!

Мадам Жанетт поблагодарила его улыбкой, и экипаж покати к подъезду замка...

Здесь он опять был остановлен двумя часовыми.

– Никто не может входить без разрешения, – сердито сказал один из них. Его речь выдавала в нем уроженца Прованса.

– Вы бы лучше поспешили к мадемуазель, – едко заметила владелица модного товара. – У меня есть ее точные указания заехать сюда, прежде чем она отправится в Париж. Меня ждут другие дамы, и я не хотела бы оказаться на вашем месте, когда мадемуазель узнает, что мой товар достался другим!

Казалось, часовой осознал вескость аргумента. Он вошел внутрь, посоветовался со слугой, и через несколько минут принесли записку, которая разрешила посетительнице подняться к мадемуазель де Бозоль.

– Захватите этот чемодан с собой, – приказала она слуге. Повесив шляпную коробку на руку, с бешено бьющимся сердцем, Люсинда, а это была именно она, поднялась по лестнице на второй этаж в спальню.

Ей бросилась в глаза огромная кровать, покрытая муслином. Она увидела, что за туалетным столиком сидит женщина в прозрачном пеньюаре.

Ивонна де Бозоль была привлекательна. У нее было типичное выразительное лицо француженки, а рот был создан для того, чтобы смеяться. Огромные синие глаза с темными ресницами и крохотный носик делали ее похожей на шаловливого мальчишку.

– Мой Бог! Что же привело парижскую модистку в эту глушь? – спросила она.

– Я слышала, что вы нуждаетесь во мне, мадемуазель, – ответила мадам Жанетт, сделав реверанс и пройдя в комнату, чтобы пропустить обливавшегося потом слугу с чемоданом. Он с грохотом опустил чемодан на ковер.

– В следующий раз я попрошу Жака помочь мне, – сердито сказал он, – чемодан слишком тяжел для одного.

Мадемуазель де Бозоль проигнорировала его.

– Право же, неужели вы приехали из Парижа? – Она была страшно возбуждена.

Люсинда кивнула.

– Мадемуазель, я привезла самые последние модели платьев и последний крик моды – шляпки, – сказала она. – Их даже императрица еще не видела.

– Матерь Божья! Вы ниспосланы мне Господом в ответ на мои молитвы! – воскликнула Ивонна де Бозоль. – Я сижу тут в бездействии, от скуки я скоро попаду в сумасшедший дом, и вдруг, как святая дева Мария, появляетесь вы, чтобы помочь мне! Короче, мне нужен по крайней мере десяток новых платьев!

– С собой я привезла только три, мадемуазель, – ответила Люсинда, – и пару шляпок. Но там, где я остановилась, у меня есть еще, и я с удовольствием привезу вам все.

– Дайте мне посмотреть, дайте мне немедленно посмотреть! – приказала Ивонна де Бозоль.

Люсинда открыла коробку и вынула шляпку, которую сшила мадам Бертен на прошлой неделе. Она не успела поносить ее и почувствовала внезапную досаду, когда увидела, как шляпка идет Ивонне де Бозоль и как она выгодно обрамляет симпатичное личико.

– Очаровательно! – закричала актриса. – Никогда, никогда еще не видела такой красоты! Подождите, что скажет император!

– Император! – только и успела произнести Люсинда.

Дверь распахнулась, и с величественным видом в комнату вошел маленький коротконогий мужчина. Ошибка была исключена, нельзя было не узнать властность и подозрительность этих темных глаз, которые, казалось, все мгновенно подмечали.

Актриса, в развевающемся пеньюаре и шляпке с пером на темных волосах, обернулась, а Люсинда стояла как каменная, с раскрытым от удивления ртом. Коробка так и осталась у нее в руках.

– Сир, я не ждала вас так рано.

Ивонна де Бозоль встала из-за стола и сделала глубокий реверанс. Люсинда торопливо присела.

– Я получил ваше письмо вчера вечером, но раньше утра я не мог приехать, – сказал Наполеон. – Он у вас? Он приехал?

– Но, сир, разве я не уверяла вас, что он не сможет не ответить на

подобный вызов? – ответила она. – Эти англичане, когда дело касается храбрости, становятся безумными!

– Похоже на то, – сухо произнес император. – И все же я не верил, что он сам сунет голову в петлю.

– Я говорила вам, что стоит мне только шевельнуть пальчиком, – прихорашиваясь, проговорила Ивонна де Бозоль.

– А где он сейчас? – резко спросил Наполеон.

– В том-то и была вся сложность, сир, – ответила актриса. – Я чувствовала, что ваше величество будет недоволено, если он опробует все изысканные вина, которые вам доставили на прошлой неделе. Поэтому в винный погреб я его посадить не могла.

Наполеон милостиво улыбнулся.

– Отгадайте, где же он, если не в погребе?

– Я не желаю играть в загадки, – сказал он. – Куда вы его дели?

– В чулан под лестницей, – со смехом проговорила Ивонна. – Нет ничего более опьяняющего, чем домашнее варенье и маринованный лук!

Наполеон Бонапарт рассмеялся.

– Вы не отличаетесь гостеприимством, дорогая Ивонна. Давайте-ка посмотрим, можем ли мы исправить эту оплошность. Мне бы не хотелось, чтобы такой выдающийся посетитель чувствовал себя неудобно!

– Вы прямо сейчас хотите посмотреть на него? – спросила Ивонна, глаза ее горели. – Ключ на туалетном столике. А может, послать кого-нибудь за пленником?

Люсинда опустила глаза, чтобы актриса не заметила жгучую ненависть, охватившую ее. Она знала, что эта женщина испытывает наслаждение, мучая человека, который когда-то был ее любовником, и не было сомнений, кто теперь пользуется ее благосклонностью.

В страшном возбуждении Ивонна наклонилась, чтобы показать, где лежит ключ. Ее пеньюар из муслина и кружев распахнулся, обнажив совершенные линии тела.

Жесткие глаза Наполеона смягчились.

– Зачем спешить, – сказал он. – Вы так привлекательны в этой шляпке, моя дорогая. – Голос императора стал глуше, что не ускользнуло от его любовницы.

Она бросила взгляд на Люсинду, которая быстро упаковала коробку и закрыла ее.

– Мне прийти позже, мадемуазель? – спросила она.

– Да, обязательно, – ответила актриса. – А если хотите, можете подождать внизу.

– Я лучше поеду и привезу остальные платья, – предложила Люсинда. Глаза актрисы загорелись.

– Да, да, привезите их.

Наполеон, которому надоела их болтовня, подошел к кровати и стал расстегивать камзол; его нетерпение не вызывало сомнений.

– Позвать слугу, чтобы он унес чемодан? – спросила Люсинда.

– Нет, нет, оставьте его, – ответила актриса.

– Тогда я возьму шляпную коробку, – сказала Люсинда. – Она создает беспорядок.

Она остановилась, чтобы застегнуть ремешок, и протиснулась к туалетному столику Ивонны. Всего секунды хватило на то, чтобы схватить ключ, который лежал рядом с туалетными принадлежностями, сунуть его в коробку и вынести из комнаты.

Уходя, Люсинда услышала возгласы Ивонны, полные любви и восхищения любовником, и низкий, глубокий голос Наполеона, говорившего ей страстные слова.

Люсинда пулей слетела с лестницы.

Слуга, который принес чемодан, стоял в вестибюле.

– Вызовите мой экипаж, – сказала она тоном, не терпящим возражений. – А после этого приготовьте омлет для императора. Так приказала мадемуазель. А также особое вино для его величества, то, что из погреба!

– Дьявол! Это выше моих сил! – пробормотал он. – Я на ногах день и ночь. Легче завербоваться в армию – по крайней мере женщины не будут так командовать мною!

– Вам следует поторопиться, иначе будут неприятности, – посоветовала ему Люсинда. – Велите подать мой экипаж, не могу же я ждать весь день.

Ворча себе под нос, слуга пошел выполнять ее приказание, а Люсинда в мгновение ока оказалась под лестницей. Она увидела дверь, быстро вставила ключ в замочную скважину и повернула его.

– Себастьян!

Только она прошептала его имя, как он был уже у двери. Он жмурился, стараясь привыкнуть к свету после темноты чулана.

– Люсинда! Что...

Она приложила палец к губам.

– Стойте спокойно, не двигайтесь!

Она вернулась в вестибюль, оставив его в полном недоумении.

Слуга возвращался, и за его спиной через открытую дверь она

увидела, как экипаж подъехал и остановился рядом с часовым. Она подошла к зеркалу и вытащила из ридикюля губную помаду.

– Не ждите, – бросила она через плечо. – Я должна привести себя в порядок. Этот морской ветер – изобретение Сатаны!

– Я и не собирался ждать, – ответил слуга. – Омлет... и вино... когда еще столько дел!

И он побрел вниз по лестнице, направляясь на кухню.

Люсинда обернулась. На софе были брошены две вещи – плащ и шляпа. Она прекрасно знала, что они принадлежат императору, но они также были очень похожи на плащи и шляпы, которые носили его офицеры. Так он удовлетворял свое тщеславие: он носил такую же одежду, что и те, кто служил ему, и оставался при этом их полновластным хозяином.

Люсинда схватила одежду и протянула ее Себастьяну.

– Шевелитесь, – прошептала она. – Экипаж у подъезда. Это единственный шанс убежать, пока они не пронюхали, что произошло.

Он быстро надел шляпу, прикрыв ею лицо, накинул плащ. Люсинда направилась к экипажу, громко подгоняя его.

– Пошли! Нам надо спешить! – ее возгласы могли услышать не только часовые, но и солдаты императорского эскорта, стоявшие снаружи. – Если император желает чего-нибудь, он должен получить это немедленно! А у нас так мало времени! Как вы думаете, сколько времени займет поездка за платьями? И где это место? Боже, какая я забывчивая! Мне так трудно запомнить адрес!

Она вскочила в экипаж, за ней последовал Себастьян.

– Быстрее! Быстрее! – крикнула она, и настойчивость, звучавшая в ее голосе, заставила сидевшего на козлах лорда Куртнея немедленно взмахнуть кнутом. Лошадь рванула вперед, и вот они уже неслись по дороге. Часовые равнодушно глядели им вслед. Они уже видели этот экипаж у дверей, и у них не было причины проверять его еще раз. Люсинда выглянула из экипажа и послала им воздушный поцелуй.

– Я вернусь примерно через час! – крикнула она и помахала им рукой.

А лошадь бежала все быстрее.

– О Господи, Люсинда! Как вам удалось это сделать? 1 – спросил Себастьян. – И почему вы здесь, когда я запретил вам высаживаться на берег?

– Просто замечательно, что она вас не послушалась, – раздался голос с козел. Лорд Куртней глянул через плечо.

– Они еще могут нас видеть? – спросила Люсинда.

– Да, – ответил лорд Куртней.

– Остановитесь здесь, они должны быть на опушке леса, – сказала Люсинда.

– Кто? – спросил лорд Меридан. Но ответ сам явился к нему в лице Чарльза и сэра Энтони, которые выбежали из леса и впрыгнули в экипаж.

– Хвала Господу, ты здесь, Себастьян! – воскликнул Чарльз, взволнованно добавив: – За нами гонятся?

– Не знаю, – ответила Люсинда. Вдруг она вскрикнула: – Какая же я глупая! Я забыла запереть дверь чулана! Теперь они увидят, что она открыта, и все поймут, что Себастьян сбежал!

– Где лодка? – спросил лорд Меридан.

– Вернулась к яхте, – ответил Чарльз. – Нам показалось опасным, чтобы она болталась тут без надобности, а в экипаже мы доберемся до места, где стоит яхта, через двадцать минут. Да заставь же ты эту клячу шевелить ногами, Джеймс!

– Править буду я, – коротко произнес лорд Меридан. – Не останавливайтесь!

Он перебрался на козлы и сел рядом с лордом Куртнеем. Они поменялись местами. Лошадь сразу поскакала быстрее, как бы почувствовав руку хозяина.

– Люсинда, вы удивительны! – воскликнул Чарльз, беря ее руки в свои. – Я никогда не представлял себе, что буду так трястись от страха, как в последние полчаса, не зная, что с вами, моля Бога, чтобы все сошло гладко.

– Вы что, не понимаете, кто там был? – спросила Люсинда. – Наполеон!

– Наполеон? – недоверчиво воскликнули Чарльз и сэр Энтони.

– Вот именно, Бони, – эхом отозвался лорд Меридан со своего места. – На мне его плащ и шляпа.

– Черт возьми, какая неожиданность! – промолвил сэр Энтони.

Они неслись по прибрежной дороге, оставляя позади себя телеги, запряженные волами, женщин в деревянных сабо, одетых в красные камлотовые жакеты и длинные фартуки, удивленными взглядами провожавших проносящийся в клубах пыли экипаж с живописно одетыми молодыми людьми.

– На нас обращают внимание... если нас будут разыскивать, они запросто узнают направление, – тихо сказала Люсинда.

– Осталось немного, – ответил лорд Меридан. – Если я правильно запомнил, дорога сначала идет прямо, а потом сворачивает к бухте.

– Все правильно, – ответил лорд Куртней, но бросив взгляд назад, он

произнес уже совсем другим голосом: – Тебе, Чарльз, не кажется, что это всадники?

Чарльз, сидевший рядом с Люсиндой, перебрался на заднее сиденье:

– Всадники, – сказал он, – и скачут очень быстро.

Щелканье кнута убедило его в том, что нет надобности сообщать новость лорду Меридану.

– Они нас схватят, – прошептала Люсинда.

– Я думаю, мы далеко от них ушли, – сказал Чарльз, – но нам сейчас придется бежать, будьте готовы.

Сэр Энтони стоял во весь рост, устремив глаза на дорогу.

– Их восемь, нет, двенадцать, – сказал он. – Это солдаты – я вижу, как их пуговицы сверкают на солнце.

Люсинда тоже поднялась и обернулась назад, но экипаж так трясло и раскачивало из стороны в сторону, что она не удержалась и свалилась на сиденье.

– Не беспокойтесь, – уговаривал ее Чарльз. – Мы прорвемся, я уверен.

С этими словами он вынул из кармана пистолет и проверил его. Люсинда заметила, что то же самое сделали сэр Энтони и лорд Куртней.

– На, возьми мой, – лорд Меридан пытался перекричать стук копыт. Он все подгонял и подгонял лошадь, и казалось, что экипаж сейчас перевернется.

Дорога повернула, и они увидели маленькую тропинку, спускавшуюся к берегу, где стояла яхта с поднятыми парусами и почти полностью выбранным якорем. У берега стояла лодка, матросы с нетерпением смотрели на них.

Лорд Меридан осадил лошадь и на ходу спрыгнул на землю. Мужчины последовали за ним. Чарльз хотел было помочь Люсинде сойти, но лорд Меридан опередил его.

Они побежали, но Люсинде мешали юбки. Лорд Меридан подхватил ее на руки, и они стали быстро спускаться к воде, оскальзываясь на мокром песке.

Лорд Меридан опустил Люсинду на дно лодки, а сам обернулся к остальным и закричал:

– Оттолкните лодку от берега!

Уже было слышно, как стучат по дороге копыта лошадей преследователей.

– Они собираются стрелять, – сказал лорд Меридан. – Налегайте на весла! Пригните головы – При этих словах он так сильно, почти грубо, пригнул Люсинду, что она вскрикнула.

Две пули просвистели в нескольких дюймах от них.

– Гребите! – крикнул лорд Меридан. – Ради всего святого, гребите! Через минуту им нас уже не достать!

Матросы почти горизонтально склонились над веслами. Одна пуля расщепила весло, другая попала в борт.

Чарльз, не прекращавший отстреливаться из своего пистолета, вскрикнул:

– Черт! Они попали в меня!

Он прикрыл рану рукой, и Люсинда, немного приподнявшись, увидела его лицо.

– Вы ранены! О, Чарльз, вы ранены! – закричала она.

– Гребите, черт вас возьми, гребите! – скомандовал лорд Меридан, и лодка почти оторвалась от поверхности воды.

– Они перестают стрелять! – воскликнул лорд Куртней, приподняв голову. – Как ты, Чарльз?

– Задели руку, – произнес он побелевшими губами.

Они слышали выстрелы позади себя, но пули уже не могли достать их.

Люсинда выпрямилась и нежно притянула к себе Чарльза. Она увидела, что там, куда попала пуля, его одежда была разорвана и на сером кафтане разливалось красное пятно. Бледное лицо и плотно сжатые губы ясно указывали на то, что он с трудом сдерживает стон. И только когда лодка причалила к яхте, Чарльз почувствовал облегчение. Кое-как они подняли его на борт и уложили в каюте. К этому моменту судно уже набирало ход.

– Разрежьте камзол, – приказал сэру Энтони лорд Меридан. – Капитан извлечет пулю. Но нам надо сначала выбраться из этой норы. Бони пошлет за нами военный корабль, можете быть уверены.

– О, нет! – закричала Люсинда. – Не могут же они продолжать охотиться за нами.

– Им нас не поймать, – уверил ее лорд Меридан. – Не бойтесь. Эта яхта может развить большую скорость, гораздо большую, чем у кораблей Бони.

Люсинда побежала к себе в каюту, чтобы порвать на бинты свое белье. К ее возвращению капитан уже успел удалить пулю, а Чарльза накачивали бренди.

– Пусть меня разразит гром, если я когда-нибудь посмеюсь хоть над одним солдатом! – шутка давалась Чарльзу с трудом. Он был слишком слаб. – Я не представлял, что крохотный кусочек свинца может причинить такую адскую боль.

– Выпей и забудь об этом, – сурово промолвил лорд Меридан, а потом уже мягче добавил: – Ты не заслужил ее – эта пуля предназначалась мне.

– Счастлив быть тебе полезным, – сказал Чарльз, и его губы тронула слабая улыбка.

Люсинда накрыла рану тампоном и забинтовала руку.

– Постарайтесь заснуть, – попросила она.

– Даже не подумаю, – запротестовал Чарльз. – Я хочу услышать, что же там случилось.

– Я подробно расскажу все потом, – сказал лорд Меридан. – Сейчас я желал бы сердечно вас поблагодарить. Если бы не вы, я бы провел остаток войны в какой-нибудь зловонной тюрьме.

– Почему же Бони так нуждался в твоём обществе? – спросил лорд Куртней.

– Ивонна все объяснила, – ответил лорд Меридан. – Хотя сначала я ни о чем не догадывался. Как только я появился, она стала спрашивать меня, что говорят в Англии о вторжении. Она показала мне корабли, которые стояли на приколе вдоль берега в самой Булони и, полагаю, около Кале.

– Наступательный флот! – воскликнул сэр Энтони.

– Вот именно, – ответил лорд Меридан. – Сидя в чулане, я обдумывал все это и понял, что она послала за мной для того, чтобы удовлетворить любопытство Наполеона, которому хотелось узнать, напугана ли наша страна. Он считал, что я смогу рассказать не только о том, что говорят в Англии, но и взволнован ли двор. Ивонна, возможно, сообщила ему, что я пользуюсь доверием принца – на континенте к нему относятся с большим уважением.

– Какая наглость! Вот что выводит меня из себя! – вскричал лорд Куртней.

– Это была ловушка, – с горечью произнес лорд Меридан, – и я по глупости в нее угодил, как какая-то деревенщина с куриными мозгами! Если бы не вы все...

– Нет – Люсинда, – слабым голосом проговорил Чарльз, – только Люсинда. Никто из нас не мог ничего придумать.

Его голос затих и глаза закрылись.

– Он заснул, – прошептала Люсинда.

Она накрыла его одеялом, и все на цыпочках вышли из каюты.

– Пошли на палубу, – тактично сказал сэр Энтони лорду Куртнею. – Мы будем следить, не появится ли военное судно.

Они поднялись по трапу, а Люсинда направилась в свою каюту. Она внезапно почувствовала, как измучена и обессилена. Возбуждение прошло,

оставив ее совершенно опустошенной. Она с удивлением поняла, что может думать только о смазливом личике Ивонны де Бозоль. Люсинда остановилась около иллюминатора.

Яхта оставляла за собой пенный след и подобно птице неслась по воде. Море было спокойным, но ветер оказался достаточно сильным, чтобы наполнить паруса.

– Вы хотите, чтобы я сказал вам эти слова? – услышала она голос позади себя.

Она обернулась и увидела, что лорд Меридан подошел гораздо ближе, чем ей показалось. Он смотрел на нее сверху вниз, а выражение его глаз заставило ее склонить голову и отвернуться.

– Какие слова? – неуверенно спросила она.

– Благодарности, – ответил он. – Ведь принято благодарить женщину, когда она спасает тебе жизнь.

– Нам... просто повезло, – мрачно заметила Люсинда. – Если бы не появился император, все оказалось бы гораздо сложнее.

– Вы понимаете, какому риску подвергали себя? – спросил лорд Меридан.

Она пожалала плечами, все еще стараясь не смотреть на него.

– Неужели вы могли предположить, что мы уплывем, оставив вас одного в плену?

– Другие меня не интересуют, – ответил он, – только вы. Почему вы отправились на берег, когда я запретил вам?

– Потому что только таким образом можно было проникнуть в замок и выяснить, что с вами, – ответила она. – Как мог кто-то, не зная языка, рассчитывать на успех?

– Вся затея с самого начала была безрассудной, – смиренно проговорил лорд Меридан. – Вы все еще не дали мне возможности поблагодарить вас...

– Мне не нужна ваша благодарность, – перебила его Люсинда.

– ...и так и не объяснили, почему отправились спасать меня, – закончил он.

Она с удивлением посмотрела на него.

– Вы могли бы вернуться в Англию с Чарльзом, – продолжал лорд Меридан. – Не об этом ли вы мечтали? Сомнительно, чтобы я дожил до конца войны: пленные почти всегда так кстати умирают.

– Вы считаете, что мне очень хотелось этого? – спросила Люсинда.

– Разве это не упростило бы решение многих проблем? – сказал лорд Меридан. – Вы любите Чарльза, не так ли?

– Вам прекрасно известно, что нет, – ответила Люсинда. – Он мне нравится... он хороший товарищ, и мне льстит, что он считает, будто любит меня... вот и все. Мое чувство к Чарльзу – не любовь.

– Откуда вы знаете? – спросил лорд Меридан. – Насколько мне помнится, однажды вы сказали, что никогда не любили. Если это правда, как вы можете утверждать, что ваше чувство к Чарльзу – не любовь?

Люсинда смотрела на море.

– Я... я просто знаю, – ответила она.

Она почувствовала, как краска заливает ей щеки. Лорд Меридан взял ее за подбородок и повернул к себе. Сердце Люсинды бешено забилося.

– Что вы испытываете, Люсинда? – спросил он. – Вы напуганы чувством, которого не знали прежде? Почему вы дрожите? Почему ваше сердечко так бьется?

У нее не было сил ответить, она только, дрожала в его руках, едва дыша.

– Вы свели меня с ума, Люсинда, – услышала она слова лорда Меридана, и ей показалось, что все происходит во сне. – Я знал, что люблю вас, еще до начала путешествия. Застав вас целующейся с Чарльзом, я собрался убить его, Чарльза, моего лучшего друга, которого я искренне люблю. А потом вы помахали мне с кормы и я увидел ваши глаза – огромные, испуганные – и понял, что обязан остаться в живых, что не должен так глупо и бессмысленно потерять вас. Главное было вернуться к вам.

Люсинда не отвечала, только дрожь волнами проходила по ее телу. Внезапно она осознала, что его нет рядом. Лорд Меридан отошел на другой край каюты.

– Возможно, мне все это привиделось, – сказал он. – Там, в душном чулане, прошлой ночью я стал надеяться, что вы тоже полюбите меня. Но как я мог мечтать о подобном чуде после того, что сделал с вами – женился на вас только для того, чтобы вернуться в Олмак, оставил одну в Лондоне, злился на вас, считая, что вы мешаете моей свободе! Боже мой! Кому нужна свобода попадать в такие передраги!

Его охватила горечь, и, не оборачиваясь, он сказал:

– Просите меня Люсинда. Лучше бы вам не связываться со мной. Я не пытался скрывать от вас свои любовные похождения – теперь я вижу, насколько пустой и никчемной была вся моя жизнь.

Наступила тишина. Вдруг позади него раздался тихий, дрожащий голос:

– Вы сейчас такой робкий и смиренный, Себастьян...

– А это плохо?

– Мистер Браммель... говорит, что никогда нельзя смиряться... а когда вы сильны и... уверены в себе... и властны... вы... таким вы мне очень нравитесь.

Лорд Меридан не оборачивался.

– Нравлюсь? – Внезапно его голос зазвенел от радости, его вопрос прозвучал, как выстрел. Затаив дыхание, с горящими глазами он ждал ответа. И очень тихо, так тихо, что он едва расслышал, Люсинда прошептала:

– Таким... я вас... тебя люблю... Себастьян.

Содержание

[Барбара Картленд Заложница](#)